

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

148

МЕТОДИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И РАСКОПКИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1977

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), Н. Н. Гурина.
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарера, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев;
П. А. Раппорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

СТАТЬИ

Д. В. ДЕОПИК

СООТНОШЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ,
КЛАССИФИКАЦИЙ
И КУЛЬТУРНО-СТРАТИГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Одним из результатов развития археологической науки является постоянный и быстрый рост объема источников и растущая сложность задач, связанных с их исследованием. Поэтому статистические методы анализа, позволяющие вводить в научный оборот большие массы фактов, нашли применение и в археологии. Задача археолога в таких случаях — описание комплексов и предметов при помощи понятий, могущих быть объектом количественного анализа.

Описание предметов предполагает установление их связи с двумя системами: во-первых, с морфологической, объединяющей все родственные предметы; во-вторых, с пространственно-временной, т. е. с культурой, памятником, слоем. Соответственно необходима детализация и уточнение двух методик описания: предметов — для их различения, и комплексов и их систем (культур и т. д.) — также для их различения. Эти две методики — не единственные, но первостепенно важные при решении обычной задачи по сопоставлению типологии вещей и системы комплексов, образующих слой, памятник или культуру.

В данной статье вначале будет рассмотрена группа родственных предметов, затем отношение систематизированной группы родственных предметов к материальным остаткам существования исторических общностей — культурам и памятникам.

Понятие типа формируется на пересечении обеих указанных выше систем, как будет показано далее.

Опираясь на накопленный опыт классификации и приемы систематизации, археология постепенно вырабатывает общие критерии классификации и описания археологических объектов. Данная статья посвящена методике выработки классифицирующих систем и их проверки в тех случаях, когда система описания (система различения) должна фиксировать эволюцию формы предмета во времени или в пространстве.

Общие исходные положения выглядят следующим образом:

1. Вначале создается морфологическая классификация, а затем выделяются формы, типичные для тех или иных культур, и т. п.

2. Каждое явление (предмет, комплекс) описывается как сумма значений присущих ему признаков, как статистически устойчивый пучок одинаковых значений одних и тех же признаков¹. При наличии достаточно

большого числа таких предметов их можно считать устойчивой разновидностью формы.

3. Образуемые простейшими в пределах данной большой очевидной группы предметов признаками пучки сами становятся признаками при описании более сложных явлений и т. д.

4. Создаваемые на такой основе системы описаний будут открытыми, почти каждый признак может иметь дополнительные значения. Для построения таких систем необходимо выполнение некоторых требований математической логики.

Первая задача на основе изложенных принципов — построение классификации. При этом возможны и реализуются два пути.

1) Ко всему исследуемому массиву данной большой очевидной группы предметов (например, топоров) последовательно (предмет за предметом) применяются один за другим признаки из заранее выработанного, но могущего дополняться списка признаков². После того как применение новых признаков приводит к созданию групп, не обладающих свойством массовости, список считается соответствующим задаче, и эта процедура прекращается.

2) Аналогичный список применяется к уже выделенным исследователем группам. Тогда целью является выяснение того, соответствуют или не соответствуют данным гипотетическим группам устойчивые пучки значений признаков.

В обоих случаях система может быть проверена как непосредственно, по распределению значений признаков в массиве фактов (во времени или в пространстве), так и по распределению в комплексах самих предметов — пучков значений признаков. При рассмотрении не предметов, а комплексов, ход рассуждения аналогичен.

В итоге реализации первого пути (второй — его разновидность) классифицирующие деревья признаков, описывающие большие очевидные группы предметов, позволяют внутри этих больших (амфоры, топоры) групп выявлять устойчивые разновидности формы (УРФ), отвечающие определению: группа предметов, описываемая через статистический устойчивый пучок одинаковых значений одних и тех же признаков (насколько возможно для различения — немногочисленных). Выделение каждой УРФ производится с учетом массовости ее (выборочно) во всем массиве исследуемых культур, обладающих предметами данной большой очевидной группы³. В итоге получается список УРФ, причем список 1) иерархизированный и 2) очищенный от случайных разновидностей формы как статистически маловероятных для всего массива.

Все это — создание языка для описания культур и памятников. То, что возникает из выявления сочетаний значений признаков и оценки массовости этих сочетаний, т. е. УРФ, становится само признаком, когда мы начинаем рассматривать отдельные культуры (как результат деятельности исторически сложившихся больших общностей людей) и типичные для них УРФ.

Вторая задача, т. е. выделение из УРФ типов, характеризующих те или иные культуры, памятники и т. д., решается, когда указанные списки УРФ сопоставляются с конкретными комплексами.

Понятие комплекса (культура, этап, памятник) связано с понятием типа как чего-то типичного для комплекса. Из списка имеющихся в комплексе УРФ исследователи обычно при помощи той или иной процедуры выбирают типичные УРФ и объявляют их типами. Отсюда ясно, что в зависимости от масштаба комплекса может меняться и масштаб типа. Деление топоров на втульчатые и проушные — не то же самое, что деление проушных кобанских топоров на типы. Типичное для верхнего палеолита в целом отлично от типичного для стоянки Шатель-Перрон. Это и мешает найти типу формальное основание и делает его пока понятием условным, конвенциональным, производным от масштаба анализируемой проблемы,

масштаба того, что в каждом данном исследовании принимается за комплекс.

Условность понятия тип в существующей практике не мешает закономерной попытке совместить понятие типа, сформулированное ранее, с точным понятием УРФ, основанным на применении иерархии признаков. При этом в иерархии УРФ должно быть указано какое-то одно звено, для которого устанавливается соответствие с одним внеклассификационным (внеморфологическим) понятием. В таком случае УРФ, достаточно часто⁴ представленная на памятниках одной культуры или одного мощного слоя в многослойном памятнике и выделяющаяся при использовании не только верхних, но и нижних (кроме самых нижних) уровней классифицирующего дерева, — есть тип. Все УРФ, выделенные на более высоких уровнях классифицирующего дерева и разделяющиеся на массовые группы на нижних, — понятия, более общие, чем тип. Ниже типа по уровню дерева классифицирующих признаков может находиться всего одна единица — подтип или вариант типа. Условие целесообразности выделения — опять-таки его типичность, но теперь — для отдельной стоянки, поселения. Подтип — низшая из возможных классификационных единиц в общей (учитывающей отношение к культуре и памятнику) классификации.

В иерархии подтип, тип, надтип принципиальной единицей является тип. Выделенный из УРФ нижних уровней, он может не исчерпывать всех УРФ данного уровня. Не ставшие типами УРФ не характеризуют отдельный памятник (тогда они были бы подтипами), не характеризуют они и культуру (т. е. не являются типами). Они выполняют функции надтипа, характеризуя группу культур или еще более широкую совокупность, причем делают это и отдельно и вместе с выделенным на данном уровне типом в рамках общего надтипа. Таким образом, на одном уровне возникают УРФ, характеризующие культурные комплексы (т. е. культуры, группы и т. п.) разной степени общности, но это не мешает определить место выделения типа, остальное выводится из него.

Рассмотрим несколько подробнее случаи, когда УРФ выделилась на верхних уровнях, на нижних — не менялась, но характеризует культуру, а не группу культур. Это — также тип, поскольку раз он не изменяется на нижних уровнях, значит, для него нижним, т. е. последним и предпоследним в рамках данной классификации, является тот уровень, на котором прекратилось появление УРФ, и уровень, непосредственно ему предшествующий. Важно отметить, что для каждой ветви дерева признаков нижним уровнем является не какой-то общий для всего дерева уровень, а тот, на котором прекращается образование УРФ.

Итак, УРФ изделия становится типом из-за типичности в тех или иных комплексах под действием внеморфологических факторов (но и не прямо как следствие своей функции в обществе, а косвенно, через частоту употребления, что мы можем фиксировать еще до установления бесспорной функции предмета). Устойчивая форма изделия и устойчивая и достаточно заметная — разная для разных культур и разных видов изделий — доля этих изделий в комплексах и на памятниках и дают тип.

Остановимся на понятии доли, частоты встречаемости в комплексе. Для того, чтобы какая-либо разновидность формы, образованная, как правило, на нижних уровнях классификации, получила название типа, необходимо, чтобы она была достаточно часто статистически представлена на исследуемых памятниках и хотя бы на одном из них имела значительный процент (не менее 2—10% при хорошей раскопанности памятника). Понятие «значительного процента» сложно и формулируется по-разному для разных ситуаций, а именно: оно может быть выражено через какой-то процентный предел и через непосредственное число (n). Процент от общего числа орудий (от N) целесообразно использовать, когда находок много, беря как нижнюю грань не менее 2% при числе орудий или высокоинформативных фрагментов более 1 тыс. Непосредственное число не-

обходимо учитывать при малом количестве орудий, незначительной раскопанности памятника. Представляется, что для выделения *нового* типа (а не случайной модификации) на новом памятнике необходимо не менее 20 экземпляров указанной разновидности формы.

Иное дело выделение типа как чего-то известного ранее (без точной формулировки обычно) и представленного на новом памятнике. Здесь достаточно всего нескольких предметов, чтобы сказать, что на памятнике представлены вещи данного, известного по другим памятникам (где его много) типа. В таком случае совокупность, на основе анализа которой выделяется тип, равна не сумме находок памятника, где обнаружены сейчас эти несколько вещей, а всей сумме находок со всех памятников, знаниями о которых располагает данный исследователь. В таком случае где-то их достаточно много для того, чтобы назвать их типом, на каких-то других памятниках выполнено указанное выше правило о минимальной процентной доле, или минимальном n ; а здесь лишь часть совокупности, в которой существует этот тип, и в этой части его доля может быть и ниже той, которой мы бы от него потребовали при первом появлении, чтобы объявить его типом.

Таким образом, понятие «исследованный массив» для *известных* разновидностей формы включает в себя все памятники с этой УРФ, известные исследователю: для новых разновидностей формы на новых памятниках «исследованный массив» включает в себя массив исследованного памятника, что, естественно, намного меньше предыдущего массива. Первое понятие логически сводится ко второму. Для того чтобы впервые обнаруженная разновидность формы претендовала на название типа, необходимо, чтобы эта разновидность на месте ее обнаружения представляла значительное количество, не менее 20 предметов и не менее 2% всех изделий или сосудов и т. п. на хорошо раскопанном памятнике.

Количественная проблема, таким образом, проста. Сложность здесь в том, чтобы сравниваемые разновидности форм выделялись на одинаковых уровнях классифицирующих иерархий, т. е. были элементарно сопоставимы. Последнее заставляет не жалеть труда для разработки логики классифицирующих деревьев. Таковы основные черты процедуры классификации предметов и выделения типа.

Как мыслятся на основе имеющегося опыта способы проверки эффективности, способы сопоставления ценности различных методов? Во-первых, это — проверка системы, исходя из структурных особенностей ее составляющих (проверка «изнутри» на отсутствие внутренней противоречивости и на эффективность). Относительно этого способа проверки, не являющегося непосредственным предметом сообщения, скажем только, что его применение, помимо снятия противоречий, позволяет сильно упростить систему описания, так как снимаются значения признаков, имеющие очень малое число реализаций, и значения, прочно коррелирующие со значениями других признаков. Кроме того, он позволяет исключить из основных сопоставлений разновидности формы, не являющиеся УРФ. Во-вторых, это — проверка через сравнение результатов применения самой системы с результатами применения какой-либо другой системы (проверка «извне»).

Важнее разработка собственно археологических методов проверки вторым способом. При анализе эволюции формы предмета во времени необходимо установить, насколько предложенная система описания позволяет отразить этот процесс, т. е. выделяет его временные варианты. Важным фактором в деле проверки становится в таком случае изучение относительных дат культур и памятников, изучение стратиграфии. Располагая достаточно мощными хронологическими колонками или слоями, исследователь может, основываясь даже на относительной хронологии, установить, насколько быстро и надежно данная система признаков позволяет отличить вещи из нижних слоев от вещей той же группы из верхних слоев,

существенно более поздних. Одновременно оценивается и правомерность отнесения вещей данного типа к данному слою. Подобная методика позволяет применить аппарат количественного анализа к материалу в комплексе, не относя его к еще не выделенным, сплошь и рядом более общим типологическим группам⁵. В последнем случае мы имеем путь от частного к общему, причем исследователь остается в рамках конкретной задачи и конкретной классификации. На базе таких работ постепенно могут выработаться и общие критерии классификации; в то же время до их выработки возможны частные работы и решение отдельных археологических и исторических проблем.

Проверка вторым способом выглядит следующим образом: 1) одним из описанных способов создается описание предметов через набор признаков, а затем возникает список УРФ; этот набор может быть проверен по указанным внутренним критериям; 2) детально описывается стратиграфия памятника или группы памятников, или хронологическая колонка культур; 3) анализируется распределение во времени выделенных керамических или иных УРФ.

Если вся данная большая группа разделилась на УРФ, которые удастся на всем исследуемом отрезке времени при помощи системы описания отделять одну от другой, а внутри них выделять временные или локальные варианты, то система удовлетворяет предъявляемым к ней требованиям. Выделение таких вариантов может и не произойти, если отрезок времени слишком короток, а территория — мала, но, как правило, задача разделения на типы и варианты ставится исследователем тогда, когда их выделение — вещь реально возможная и наличие этих единиц ощущается. Как писал видный канадский ученый Г. Селье: «Невозможно логически разрабатывать что-то, не заподозрив предварительно его существование на основании более ранних наблюдений»⁶.

В заключение рассмотрим методы выделения низшей единицы классификации — подтипа. Поскольку тип в его предложенном выше определении — это нечто характерное для археологической культуры, т. е. для группы памятников определенного времени, то и его подразделения, также характеризующие какие-то части культуры, должны быть выделены по географическому или временному признаку. Географически это будут подтипы, типичные для одного или нескольких поселений, хронологически не выделенных и образующих часть некоторой культуры. Хронологически это будут все памятники внутри культуры, относящиеся к какой-то части охватываемого ею времени, или определенные, одинаково датированные слои нескольких или одного памятника внутри культуры. Порой выделяются подтипы (варианты типа), свойственные не только какому-либо этапу (раннему, среднему, позднему), но и определенному хронологическому периоду. Так, среди амфор римского времени давно выделены формы, характерные для Северного Причерноморья. Они образуют несколько типов, один из которых — светлоглиняные амфоры с профилированными ручками⁷ — имеет устойчивые разновидности, встречающиеся в слоях II в. н. э. Подобное выделение в определенной степени связано с нашей системой летосчисления, но возьмем ли мы наш век или, к примеру, эру шака (78 лет), типичность каких-то форм керамики для определенного отрезка времени — вещь абсолютно объективная. Разумеется, такое членение приемлемо лишь тогда, когда детальное описание материала не дает четко различающихся массовых подтипов со своими определенными датировками, подтипов, между которыми лежат короткие переходные периоды с малочисленными неустойчивыми переходными формами. Обычно легко установить, проходит ли тип по мере эволюции во времени несколько устойчивых состояний — подтипов, достаточно массовых и сравнительно долговременных, отделенных переходными формами, малочисленными и недолговечными, или нет. Во втором случае исследователи пользуются подтипами с определениями «амфоры II в. н. э.», применяя свою

шкалу времени и на базе ее выделяя особенности подтипа как существовавшие в то время. Представляется, что при детальном исследовании подтипы второго вида будут в меньшинстве.

В настоящее же время значительный интерес представляют и практически нуждаются в уточненных датировках и описаниях и те типы, которые кажутся плавно эволюционирующими во времени, как, например, светлоглиняные амфоры с профилированными ручками (С-1). Выделение их в тип произошло давно, и установлено это надежно, что же касается «органических» подтипов первого вида, имеющих свои УРФ, то они пока не выявлены. В данном случае деление на подтипы второго вида произошло на основе типичных для определенных отрезков времени УРФ (практически — на основе встречаемости в одинаково датированных слоях). Признаком типичности для УРФ явилась массовость в слоях одного времени и немассовость — в слоях другого. Естественно, что для выделения подтипа при помощи такой процедуры (а это происходит достаточно часто) необходим крупный памятник или группа памятников; примером такого выделения для амфор С-1 можно считать вариант D (С₂ у И. С. Каменецкого), так называемый стандарт в Танаисе первой половины III в. н. э., типичный для слоев времени разгрома города и потому представленный в большом количестве целых экземпляров.

Для любого подтипа всегда необходима своя особая УРФ, непохожая на соседние по времени. Степень сходства или различия, наблюдаемая между УРФ — подтипами на памятнике, где в слое не представлены некоторые временные отрезки, позволяет утверждать (или отрицать), что данный список подтипов неполон и можно ожидать выделения еще одной УРФ — подтипа — или, наоборот, что мы имеем уже все УРФ и дальнейшее расширение раскопа ничего не даст. Выделение подтипа возникает на пересечении УРФ и комплекса, причем массовость, достаточная для выделения УРФ, ниже, чем достаточная для выделения подтипа. Формулируя изложенное выше более конкретно, скажем, что имея слои второй половины I в. н. э., первой половины II в. н. э. и первой половины III в. н. э., но не имея достаточных мощных слоев второй половины II в. н. э., мы тем не менее можем видеть, что между УРФ первой половины II в. н. э. и УРФ первой половины III в. н. э. лежит достаточно большой разрыв в форме, больший, чем между УРФ второй половины I в. н. э. и УРФ первой половины II в. н. э. В то же время из небольших участков слоя II в. н. э. и из примесей в соседних с ними слоях поступают амфоры достаточно самостоятельной разновидности типа С-1. Видно, что здесь была своя УРФ (подтип), типичная для этого полувека; в то же время необходимой массовости ей не достает из-за малой мощности слоя этого времени. Выделив на указанной основе УРФ второй половины II в. н. э. (С₁ по И. С. Каменецкому⁸, С — по Д. В. Деопику и А. М. Карапетянцу⁹), мы можем предположительно назвать его подтипом, так как ему соответствует большой, хотя неполностью еще изученный, отрезок времени. Пример интересен тем, что этот давно выделенный вариант (подтип) С был обнаружен в 1973 г. при раскопках Танаиса в большом количестве в закрытых комплексах и получил искомую массовость. Говорить о том, что дальнейшие раскопки в Танаисе или где-либо еще дадут для этого типа еще один подтип в пределах II в. н. э., вряд ли приходится, так как для единственного пустого длительного отрезка времени уже есть свой подтип, представленный и в слое (что в первую очередь предохраняет от появления новых УРФ, так как для них не оказывается временного отрезка), и массовыми комплексами. Речь все время идет об эволюции типа в определенном направлении, и УРФ второй половины II в. н. э. лежит именно на оси этой эволюции, будучи промежуточной по форме между УРФ первой половины II в. н. э. и УРФ первой половины III в. н. э., что подтверждает ее единственность. Аналогично на оси эволюции типа находится и более отдаленная УРФ второй половины IV в. н. э. — вариант E¹⁰.

Приблизительно таким представляется на основе имеющегося опыта механизм выделения типа и подтипа в том частном случае, когда критерием является типичность для определенного исторически существенного и достаточно длительного отрезка времени.

Проблема оценки эффективности классификаций очень сложна, и автор ограничился сообщением лишь некоторых возникших на основе применения количественных методов соображений о соотношении классификационных и типологических задач и возможностях проверки их решения на материале комплексов. Предлагаемая процедура проверки рассчитана на решение конкретных задач, а не на детальную классификацию «вообще», так как общие классификации не детальны.

¹ *Деопик Д. В.* Соотношение статистических методов и стратиграфических данных в археологических исследованиях. — Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.

² *Громов Г. Г., Деопик Д. В., Плющев В. И.* Статистический анализ северорусского орнамента. — Вестник МГУ (история), 1971, № 4.

³ Одним из вариантов этой же задачи является создание частной классификации, когда указанное требование всеобщности до определенного этапа применяется лишь к нескольким памятникам или культурам, без оглядки на остальное. Это делается при выработке первичных классификаций для выполнимости эксперимента.

⁴ Сложный вопрос о понятии «достаточно часто» изложен ниже.

⁵ *Деопик Д. В.* Классификация и статистический анализ керамического ком-

плекса поселения у с. Кирово. — Сб.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.

⁶ *Селье Г.* На уровне целого организма. М., 1972, с. 12.

⁷ *Зесст И. Б.* Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, с. 121, 122, табл. ХLI, 104.

⁸ *Каменецкий И. С.* Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. — КСИА, 94, 1963; *Казакова Л. И., Каменецкий И. С.* Курганы Танаиса. — КСИА, 124, 1970, с. 82.

⁹ *Деопик Д. В., Карапетьянц А. М.* Некоторые принципы описания массового керамического материала применительно к возможностям статистического анализа. — Сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

¹⁰ *Деопик Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками. — СА, 1972, № 3.

И. Б. БРАШИНСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИМПОРТА ТОВАРОВ
В КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЕ
В АНТИЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Главной статьей импорта из Средиземноморья и южнопонтийских центров в города на западных и северных берегах Черного моря, равно как и греческого импорта на обширные территории причерноморского варварского мира, были товары, перевозившиеся в остродонных амфорах. В культурных слоях античных городов Причерноморья¹, а также крупных варварских поселений, находившихся в тесном экономическом контакте с греками, обломки остродонных амфор представляют наиболее массовую категорию археологического материала.

Сравнительное изучение торговых связей обширного региона, в данном случае античного Причерноморья, диктует определенный подход к материалу, который служит базой исследования. Он должен прежде всего быть сопоставимым. Это значит, что категории сравниваемого материала должны быть однородными и синхронными для различных пунктов. Этим требованиям отвечает в первую очередь массовый материал керамической тары, практически распространенный повсеместно. Именно его массовость делает возможным и необходимым применение математических методов статистической обработки².

Амфоры многих античных центров подвергались систематическому и массовому клеймению. Амфорные клейма представляют для нас особую ценность, поскольку они обладают важнейшим признаком — достаточно надежной и сравнительно узкой датой. Поэтому для сравнительного изучения направлений и интенсивности импорта товаров в керамической таре в тех случаях, когда речь идет о таких группах амфор, которые в течение длительного периода клеймились систематически (Фасос, Синопа, Гераклея, Херсонес и др.), можно пользоваться преимущественно керамическими клеймами, рассматривая их как выборку из генеральной совокупности всего соответствующего массового материала. Такой подход к использованию керамических клейм как основного источника при изучении торговых связей получил уже широкое признание в науке³. Керамические клейма в отличие от неклеяемой тары всегда и повсеместно тщательно фиксировались и хранились, что существенно облегчает работу над ними.

Однако все сказанное само по себе не дает еще оснований для утверждения, что клейма являются репрезентативной выборкой из всего амфорного материала. Поэтому принципиально важен ответ на вопрос, отражают ли керамические клейма того или иного центра всю его массовую тару, и, следовательно, вправе ли мы распространять выводы, полученные на основании изучения одних лишь клейм, на всю совокупность материала. Как показывают статистические сопоставления, клейма на амфорах тех или иных центров в полной мере отражают всю совокупность соответ-

ствующей тары. Это отчетливо видно из сопоставления количества амфорных клейм, найденных в том или ином пункте, и соответствующих амфорных ножек, которые представляют число амфор. Так, сопоставление количества клейм и ножек амфор, найденных при раскопках поселения у с. Пивденное на Днестровском лимане⁴, дает следующие соотношения:

Центры	Ножки амфор	%	Клейма	%	Соотношения
Фасос	198	44,5	41	47,6	4,8 : 1
Гераклея	127	28,5	24	28	4,3 : 1
Синоп	85	19,3	15	17,4	5,66 : 1
Херсонес	35	7,8	6	7	5,83 : 1
Всего	445	100	86	100	

Чтобы получить соотношение для всех указанных групп, вычисляем среднюю гармоническую⁵, которая составляет 5,37. Это приводит к заключению, что клеймилась одна амфора из каждых пяти-шести. Таким образом, приведенное сопоставление убедительно показывает объективность выводов, которые дает оценка одних лишь амфорных клейм. Максимальное расхождение (размах) не превышает 3% (Фасос). Такая ошибка столь мало влияет на общие выводы, что мы вправе ею пренебречь.

Близкие заключения позволяют сделать оценки материала из раскопок центральной части Елизаветовского городища в 1966—1970 гг. на площади более 500 кв. м:

Центры	Ножки амфор	%	Клейма	%	Соотношения
Гераклея	263	74,7	56	76,7	4,7 : 1
Фасос	89	25,3	17	23,3	5,2 : 1
Всего	352	100	73	100	

Размах здесь не превышает 2%, а средняя гармоническая соотношений обеих групп составляет 5.

Разумеется, приведенные положения не могут пока рассматриваться как окончательные, однако имеются достаточные основания, чтобы прийти к весьма вероятным, хотя и предварительным, заключениям.

Полученные данные о соотношении числа клейменных и неклеяемых амфор нельзя толковать расширительно — они характерны лишь для названных производственных центров. В других местах, например на Хиосе, Паросе или Косе, спорадически клеймили лишь незначительную часть амфор, на Родосе же напротив — практически все: лишь как исключение из общего правила встречаются неклеяемые родосские амфоры. У родосских амфор клеймились обе ручки, неклеяемые ручки известны буквально в единичных экземплярах⁶. Поэтому для Родоса соотношение количества амфор и клейм составляет в среднем 1 : 2, т. е. число клейм вдвое превышает число амфор.

Из сказанного следует, что нельзя механически сопоставлять количество найденных в тех или иных районах керамических клейм — например, родосских с синопскими, гераклейскими или фасосскими, — ибо при таком сравнении получится заведомо искаженная картина. Так, если найдено 100 родосских и 50 синопских синхронных клейм, то нельзя сделать вывод не только о преобладании родосского импорта над синопским, но даже и об их равенстве (при учете лишь половинного числа родосских клейм, как это обычно принято из-за особенностей родосского клеймения). Указанное соотношение свидетельствует о том, что синопских амфор в данном пункте в среднем в пять раз больше родосских. Этот чрезвычайно важный мо-

мент⁷ до сих пор обычно не учитывался, что, естественно, приводило к искажению реальной картины торговли.

Репрезентативность амфорных клейм для оценок всей совокупности керамической тары определенного центра подтверждается и сравнением соотношений клейм разных групп с соответствующими соотношениями массового неклеяменого материала при подсчетах не только ножек, но и всех профилированных частей соответствующих амфор. Как показывает материал из керамической свалки, раскопанной в 1948 г. в Киммерике на площади 25 кв. м⁸, соотношения между профилированными частями гераклейских и синопских амфор и соответствующими амфорными клеймами таковы:

Центры	Обломки амфор	%	Клейма	%
Гераклея	131	74	11	69
Синоп	46	26	5	31
Всего	177	100	16	100

Здесь также при сравнительно малой выборке (всего лишь 16 клейм) соотношения устойчивы, и расхождения не превышают 5%.

Итак, совокупность керамических клейм того или иного центра производства может рассматриваться как выборка, объективно отражающая генеральную совокупность всего соответствующего массового керамического материала этого центра. В соответствии с законом больших чисел мы вправе пользоваться оценками этой выборки (керамическими клеймами) для оценок генеральной совокупности (всей керамической тары). Поэтому изучение керамических клейм закономерно может быть положено в основу исследования торговых связей таких центров, как Синоп, Гераклея, Фасос, Херсонес.

Согласно законам математической статистики нет необходимости проводить оценки даже всей совокупности керамических клейм (в данном случае она будет выступать в качестве генеральной совокупности), а достаточно пользоваться оценками выборки из общей их массы, т. е. какой-то частью клейм. Достоверность статистических оценок всей совокупности керамических клейм, найденных в том или ином пункте или районе, по выборке из этой совокупности может быть доказана и эмпирически. Сравнивая оценки, полученные по выборке синопских, гераклейских и херсонесских клейм из раскопок Мирмекия в 1935—1938 гг.⁹, с оценками всей совокупности мирмекийских клейм (до 1966 г. включительно), мы убеждаемся, что выборка полностью отражает генеральную совокупность:

Группы	1935—1938 гг.		До 1966 г.	
	Число	%	Число	%
Синоп	247	74,9	1879	79,7
Гераклея	72	21,8	418	18
Херсонес	11	3,3	54	2,3
Всего	330	100	2351	100

Как видим, размах в оценках не превышает 4,8%, что вполне удовлетворяет нашим требованиям.

Таким образом, и при многократном превосходстве генеральной совокупности над выборкой оценки, полученные по этой последней, достоверны и могут быть распространены на всю генеральную совокупность. Следовательно, для выяснения некоторых вопросов, связанных с изучением экономических сношений, нет необходимости исследовать всю совокупность известного материала (в данном случае — керамических клейм), ибо достоверные выводы о ней могут быть получены по определенной выборке.

Но в приведенном примере мы сопоставляли оценки выборки с оценками известной нам генеральной совокупности. Для нас же чрезвычайно

важно установить, каков минимальный объем выборки, которая будет в достаточной мере точно отражать генеральную совокупность, недоступную прямой оценке.

По законам теории вероятностей и математической статистики¹⁰, репрезентативность выборки зависит от того, подчиняется ли распределение отдельных ее элементов нормальному (гауссовому) закону или же закон распределения неизвестен: тогда, для того чтобы среднее квадратическое отклонение (σ)¹¹ можно было рассматривать как меру рассеяния, прибегают к неравенству Чебышева¹². В первом случае можно с уверенностью сказать, какое количество наблюдений лежит в определенных пределах: $(\bar{x} \pm \sigma) = 68\%$; $\bar{x} \pm 2\sigma = 95\%$; $\bar{x} \pm 3\sigma = 99,7\%$. По неравенству Чебышева среднее, заключающееся в пределах $\bar{x} \pm \sigma$, должно получаться из выборки в 20 наблюдений. Но в археологической практике этому интервалу, как показывает исследование графиков накопленных процентов, удовлетворяет среднее не из 20, а уже из 5—12 наблюдений¹³.

Методы математической статистики не только позволяют оценивать генеральные совокупности по выборкам, что имеет первостепенное значение при работе с массовым археологическим материалом, но и дают возможность по иногда весьма ограниченным данным установить, какова неточность оценки доли тех или иных групп материала в том или ином пункте. Это позволяет определить, каков необходимый объем материала, чтобы неточность не превышала заданной или желаемой. С другой стороны, можно определить, достаточен ли использованный объем материала для того, чтобы считать убедительными выводы, которые мы хотим сделать.

Если речь идет о керамических клеймах, происходящих из культурных слоев (но не из закрытых археологических комплексов, материал которых не может рассматриваться в качестве случайной выборки), то мы вправе предположить, что они в пределах данного слоя распределены довольно равномерно (перемешаны)¹⁴. Если бы они были распределены идеально хорошо, то мы могли бы определить все доли (проценты) по любой небольшой группе. На самом деле, однако, мы никогда не встречаемся с подобными идеальными условиями, отчего и возникает вероятностная сторона ситуации. Каждая группа единиц может иметь и действительно имеет концентрации (доли) отдельных групп, отличающиеся от средних концентраций в слое или памятнике в целом. Наблюдаемый разброс концентраций в разных группах есть случайная величина, подчиняющаяся нормальному закону распределения¹⁵. Это позволяет пользоваться при работе простыми формулами и готовыми таблицами. Ясно, что из всех имеющихся в нашем распоряжении групп большего доверия заслуживают те, которые состоят из большего числа единиц, т. е. мы принимаем, что наши наблюдения неравноточны. Поэтому в соответствии с теоретическими положениями¹⁶ мы приписываем данным, полученным по отдельным группам, различные веса, пропорциональные числу клейм в каждой группе.

По имеющимся формулам¹⁷ можно легко вычислить среднее взвешенное, или среднюю арифметическую, для интересующих нас концентраций, которая принимается за оценку концентраций во всем слое или для всего памятника. Зная среднюю арифметическую, легко вычислить среднюю квадратическую ошибку (*сигма*) на единицу веса, а получив ее, — и *сигму* концентрации, вычисленной по всей совокупности обработанного материала. Зная все эти величины, нетрудно определить, сколько надо иметь клейм, черепков и т. д., чтобы получить достаточно малую *сигму*, удовлетворяющую степени необходимой точности, или же наоборот — установить, какую получаем *сигму* по использованному количеству материала, и констатировать, достаточно ли этого количества.

Соответствующие вычисления проведены мною по отношению к ряду совокупностей керамических клейм. Получены следующие результаты. При раскопках Мирмекия с 1934 по 1966 г. найдены обломки 3290 клейменных

амфор¹⁸. Среди клейм 1879 синопских, что составляет 57,1% общего числа. По 28 выборкам за разные годы раскопок на различных участках городища получаем среднюю арифметическую для синопских клейм из Мирмекия, равную 54%. График накопленных (кумулятивных) процентов показывает степень устойчивости данного процента: колебания процентов синопских клейм из различных раскопок и слоев Мирмекия постепенно уменьшается, приближаясь к среднему 53—54. Эта стабилизация процента зависит как от числа выборок и количества единиц материала, так и от степени устойчивости соотношения синопских клейм с клеймами других центров (из процента) в каждой отдельной выборке. В рассматриваемом примере разброс очень велик: он лежит в пределах 30 и 87%, и тем не менее стабилизация наступает уже к 16-й выборке.

Утверждение, что доля синопских клейм в Мирмекии составляет примерно 54%, относится не к имеющимся в нашем распоряжении клеймам, а ко всему памятнику в целом. Достоверность этого утверждения легко проверить, вычислив по соответствующим формулам среднее квадратическое отклонение на единицу веса и сигму всей доли, вычисленной по всему объему синопских клейм из Мирмекия. Эта стандартная ошибка (сигма), характеризующая достоверность нашего ответа, равна 1,7%. Если нас устраивает точность 0,95 (а это более чем достаточно надежно для наших задач), то можем утверждать, что процент синопских клейм в Мирмекии будет лежать в пределах $54 \pm 3,4\%$. Иными словами, мы можем почти с полной достоверностью утверждать, что при любом дальнейшем увеличении количества материала процент синопских клейм в Мирмекии будет лежать в пределах между 51,6 и 57,4%. Такая точность в данном случае вполне удовлетворяет нашим требованиям. Если же мы хотим добиться еще большей (0,997) достоверности, то возьмем $\sigma = 5,1\%$, и тогда окажется, что доля синопских клейм в Мирмекии будет находиться в пределах между 48,9 и 59,1%.

Можно поставить вопрос иначе: сколько необходимо клейм, чтобы определить процент синопских клейм в Мирмекии с точностью $\pm 5\%$, что можно было бы считать вполне достоверным? Чтобы достоверность нашего ответа была 0,95, нам необходимо иметь $\sigma = 2,5\%$, а таковую дает выборка из 1650 клейм. Отсюда можно заключить, что использованная нами выборка мирмекийских клейм по крайней мере вдвое превышает необходимое количество для выводов о месте синопского импорта в Мирмекии.

Таким же образом вычислив среднее квадратическое отклонение для процента гераклеийских клейм из Мирмекия, равное 1,5, можно утверждать, что имеющегося в нашем распоряжении материала более чем достаточно для изучения гераклеийского импорта. Чтобы получить $\sigma = 2,5\%$, нам бы потребовалось лишь 1320 клейм.

Сравнительно большие четырехзначные числа, использованные при оценке процентного соотношения клейм из Мирмекия, ни в коей мере не означают, что достоверность наших выводов требует во всех случаях наличия такого большого материала. Здесь все зависит от типа памятника, от степени его изученности, от уровня его торговых связей, от общей концентрации греческой керамической тары, а также от разброса концентрации клейм (или любого другого материала, который нами изучается) в разных случайных выборках и т. д. Так, например, для оценки процента фасосских клейм на Елизаветовском городище с точностью $\pm 5\%$ достаточно выборка, содержащая лишь 160 клейм (имеется более 600), а при оценке соответствующего материала из пунктов или районов, где количество его вообще очень невелико, достаточными могут быть выборки из десятков единиц.

Таким образом, можно утверждать, что для получения достоверных выводов об экономических связях тех или иных районов или центров по массовому керамическому материалу нет необходимости изучать генераль-

ные совокупности материала или беспредельно расширять его объем, тем более что такое расширение из-за постоянного пополнения новыми данными практически неисчерпаемо. При статистических оценках археологического материала, так же как и при любых статистических оценках, мы вправе пользоваться выборками, которые дают достаточно достоверную характеристику генеральных совокупностей. Что касается керамических клейм, то в большинстве случаев при оценке их количества на территории СССР материал, собранный в IPE, III¹⁹, совершенно достаточен.

- ¹ Ср.: *Зеест И. Б.* Задачи исследования массового античного керамического материала. — КСИА, 109, 1967, с. 9 сл.
- ² См., например: *Ковалевская В. Б.* Применение статистических методов к изучению массового археологического материала. — Сб.: Археология и естественные науки. М., 1965, с. 286 сл., библиография; Сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- ³ См., например: *Граков Б. Н.* Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли [1939 г.] (докт. дисс., рукопись. Архив ИА, № 538).
- ⁴ *Сальников А. Г.* Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962). — МАСП, 5, 1966, с. 194 сл. Исследованная площадь равна 1500 кв. м.
- ⁵ *Вознесенский В. Л.* Первичная обработка экспериментальных данных (практические приемы и примеры). Л., 1969, с. 32.
- ⁶ У синопских, херсонесских или фасосских амфор также редко клеймились обе ручки.
- ⁷ Ср.: *Кругликова И. Т.* Торговля в сельских поселениях Боспора. — КСИА, 130, 1972, с. 26. Автор справедливо отмечает, что количество клейм не полностью отражает действительное соотношение между группами амфор, так как пропорциональное соотношение между клейменными и неклеяемыми амфорами у различных типов различно.
- ⁸ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, с. 40.
- ⁹ *Штаерман Е. М.* Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки в 1935—1940 гг. — МИА, № 25, 1952, с. 387.
- ¹⁰ О теоретических основах вариационной статистики см., например: *Гнеденко Б. В., Хинчин А. Я.* Элементарное введение в теорию вероятностей. М., 1961; *Циголов Б. М.* Математическая обработка наблюдений. М., 1969.
- ¹¹ Среднее квадратическое отклонение является мерилем достоверности показателем выборочной совокупности, указывающим на возможные границы, в пределах которых находится средняя арифметическая генеральной совокупности. Оно же позволяет вычислить среднюю ошибку для средней арифметической выборки.
- ¹² *Ковалевская В. Б.* Применение статистических методов..., с. 292 сл.
- ¹³ *Ковалевская В. Б.* Применение статистических методов..., с. 293.
- ¹⁴ Это же будет относиться к материалу из группы захоронений или поселений и могильников на определенной территории.
- ¹⁵ *Ковалевская В. Б.* Применение статистических методов..., с. 291 и сл.
- ¹⁶ *Линник Ю. В.* Метод наименьших квадратов и основы математико-статистической обработки наблюдений. М., 1958, с. 120—133; *Циголов Б. М.* Математическая обработка наблюдений, с. 227—238.
- ¹⁷ *Циголов Б. М.* Математическая обработка наблюдений, с. 231 (16.9), 232 (16.11), 235 (16.18).
- ¹⁸ Число найденных клейм составляет 360, однако, как это обычно принято, количество родосских клейм учитывается в половинном размере.
- ¹⁹ Рукопись IPE, III хранится в архиве ИА.

Н. Б. ЛЕОНОВА, Ю. А. СМИРНОВ

ПОГРЕБЕНИЕ
КАК ОБЪЕКТ ФОРМАЛЬНОГО АНАЛИЗА

В настоящее время в археологии все шире используются методы количественного анализа, основанные на системном описании и статистической обработке материала. Применение количественных методов при исследовании погребений особенно перспективно благодаря дискретности любого погребального комплекса, т. е. наличию у большинства погребений четко выраженных пространственных и временных границ.

Условия накопления материала в могильниках или в отдельных погребениях отличны от условий накопления его на поселениях, где материал накапливается непрерывно и помалу, путем отсева потерянного, сломанного и износившегося от употребления (клады, естественно, здесь нельзя принимать во внимание). В погребальных памятниках материал накапливается дискретными и относительно большими порциями. Поэтому погребальный комплекс не требует в большинстве случаев искусственного членения материала исследователем, как это обычно происходит при исследовании поселений (деление на слои, штыки и пр.).

Дискретность погребального комплекса обусловлена следующими причинами: единовременностью составления отдельного комплекса, нормированностью его элементов и отсутствием постоянного взаимодействия между ними. Иными словами: погребение не «живет», т. е. элементы, его составляющие, не находятся в относительном взаимодействии друг с другом, как это происходит на поселениях или в производственных комплексах.

Исключение составляют коллективные разновременные погребения (например, коллективные погребения в дольменах), но и здесь смешение элементов комплекса не адекватно процессам смешения материала на поселениях. Материал смешивается, но не взаимодействует, что обусловлено той же присущей погребению дискретностью. Это касается и таких погребальных комплексов, как курган с впускными погребениями различных культур и хронологических периодов.

Создание достаточно сложной системы описания погребений совершенно необходимо для проведения всевозможных работ с материалами погребальных памятников: как для задач синхронного и диахронного описания, так и для сравнения погребений в рамках одного могильника или сравнения комплексов — нескольких могильников. Казалось бы, что погребения, которые давно являются предметом изучения археологов всех специализаций, не требуют разработки какой-то «новой» терминологии для их описания и какой-то «новой» системы для их изучения, что существуют распространённые термины и традиционные способы описания, которые могут быть использованы при исследовании погребений. Но на проверку выходит, что многие термины, которыми пользуются в течение долгих лет, сопряжены с неточными понятиями и далеко не всегда общи, а способы описания порой грешат неточностью и отсутствием однозначности.

Представляется необходимым и в то же время более простым, рассматривая погребение, расчесть его как систему на определенные части и описывать их отдельно. Формальное описание погребений и построенный на базе такого описания анализ позволяют не только объективно оценивать обрабатываемый материал, но и получать статистически достоверные выводы. Уже сейчас мы располагаем как опытом проведения непосредственно статистического анализа (работы Г. А. Федорова-Давыдова¹, И. С. Каменецкого², Г. С. Лебедева³, В. А. Назаренко⁴, В. А. Булкина⁵), так и опытом подобного анализа после предварительного создания системы формального описания (Ю. А. Смирнов⁶). В этой связи следует упомянуть и начатую И. С. Каменецким работу по созданию системы описания (кода) погребального обряда скифо-сарматской эпохи без предварительного статистического анализа. В предлагаемой статье авторы пробуют рассмотреть погребение как явление материальной культуры и представить это явление в качестве объекта формального анализа.

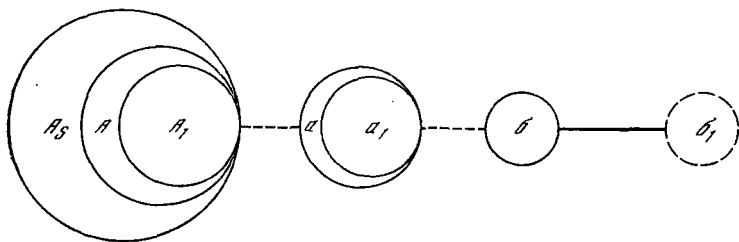

График супер-систем

Несмотря на то, что все, казалось бы, знают, что такое погребение, точного определения его не существует. Авторы не претендуют на создание такого определения, а только пытаются обобщить существующие представления о погребении вообще, т. е. о погребении как о конкретном явлении культуры (духовной и материальной). Подходя к определению погребения, следует, видимо, различать исторический и археологический аспекты этого понятия. Исторически погребение есть некое достаточно сложное явление, существующее во времени и пространстве. Оно связано с определенными общественными отношениями и религиозными представлениями и наличием материальных (технических) возможностей для его совершения. Археологически погребение есть часть этого явления, которая отражена в материальных остатках и дана нам в момент раскопок.

Наиболее существенны следующие вопросы: 1) применительно к погребению в историческом аспекте — причина появления такой системы, как погребение, в суперсистеме определенной культуры; 2) применительно к погребению в археологическом смысле — характер составляющих этой системы, представленных в материальных остатках. Рассматривая первый вопрос, нам кажется уместным выделить момент смерти одного из членов человеческого коллектива. Назовем этот момент «физическим вычленением». Следствием «физического вычленения» является второй момент — изменение отношения к умершему со стороны живых. Оно может быть самым различным, но главное здесь то, что меняется отношение к нему в соответствии с особой системой А представлений о смерти, которая входит в суперсистему Ас всех представлений вообще, существовавших в определенный момент в данном коллективе. Такое изменение отношения к умершему со стороны живых, которое сообщает ему новое общественное качество, назовем «духовным вычленением». Духовное вычленение влечет за собой ряд действий по отношению к умершему со стороны живых. Назовем эти действия «материально-ритуальным вычленением».

Представления, которые связаны с духовным вычленением, декларируют вполне определенные формы материально-ритуального вычленения.

Они образуют особую подсистему в системе всех представлений о смерти (в системе А). Обозначим эту подсистему А₁. Эта подсистема реализуется через способы материально-ритуального вычленения в момент совершения погребения. Обозначим его как «а», а ту его часть, которая получила отражение в материальных остатках, как «а₁». Сами же материальные остатки обозначим через индекс «б», а ту их часть, которая сохранилась к моменту раскопок, — через «б₁». Таким образом, «б₁» есть фиксированный в материальных остатках результат вычленения умершего из живого общественного организма, сохранившийся в том или ином виде к моменту раскопок. Наиболее полное отражение в материальных остатках получает, естественно, материально-ритуальное вычленение, которое проходит несколько последовательных этапов. Некоторые из них мы можем фиксировать, исследуя его конечный результат (б), в дошедшем до нас виде (б₁), некоторые — нет.

Процесс захоронения умершего включает в себя значительное количество акций, часть которых лишь в той или иной степени получает косвенное отражение в материальных остатках, так что их осуществление достаточно проблематично. Часть же акций находит прямое отражение в материальных остатках. Попробуем представить эти акции, не забывая при этом, что некоторые из них выведены чисто логически: 1) отведение места для совершения погребения в пределах поселения или вне его; 2) выделение определенных технических средств; 3) выделение человеческих сил; 4) подготовка к определенным действиям с умершим: приготовление погребальных одежд, приготовление костра для кремации, приготовления для эскарнирования, бальзамирования, создание гроба и пр.; 5) действия с умершим: подготовка умершего к обряду труположения (обмывание покойника, обряжение его, заворачивание в шкуры, в бересту и т. д.), кремация (сожжение на стороне, положение пепла в сосуд и т. д.), бальзамирование и пр.; 6) определение списка сопровождающего инвентаря и приготовление его к захоронению; приготовление напутственного пища; 7) создание могильного сооружения; 8) совершение обряда погребения: размещение умершего в могильном сооружении (положение покойника или его костей, или пепла, кремация на месте погребения и т. п.); 9) размещение сопровождающего инвентаря в погребальном сооружении; 10) закрывание могильного сооружения (заполнение могильной ямы, перекрывание могильной ямы, катакомбы и т. п.); 11) создание надмогильного сооружения, если таковое создается (насыпание кургана и пр.); в отдельных случаях надмогильное сооружение создается одновременно с могильным сооружением, а иногда и позже его, но до совершения погребения; 12) размещение определенной части сопровождающего инвентаря в надмогильном сооружении (инвентарь на выкиде ямы в курганах сарматского времени; «клады», связанные с неолитическим погребальным ритуалом; размещение вещей за пределами склепа в египетских пирамидах и т. п.); 13) создание меморативного погребения; 14) создание ложного погребения; 15) создание и возведение надгробного памятника или отдельного сооружения (не погребального), связанного с заупокойным культом (каменные и прочие изваяния, кресты, храмики, часовни, кромлехи, менгиры и т. п.).

Изучая различные погребения, мы имеем возможность фиксировать следующие этапы материально-ритуального вычленения: 1, 4, 5, 7—15. Следует тут отметить, что момент сохранности погребения, хотя и имеет большое значение, но не является решающим. Весь процесс погребения, естественно, нельзя сводить только к вышеперечисленным этапам материально-ритуального вычленения, так как существовали особые обряды, которые предшествовали погребению покойного, происходили во время погребения и позже. Некоторые из этих обрядов, так же как и указанные этапы материально-ритуального вычленения, могут быть фиксированы в материальных остатках. Вполне естественно, что, например, остатки

тризны, если она сопровождалась ритуальным разбиванием посуды или жертвоприношениями иного рода, но также отразившимися в материальных остатках, могут быть фиксированы исследователем в процессе раскопок. Что же касается погребальных плачей, причитаний, молитв, ритуальных танцев и других обрядов, хорошо известных этнографически, то они относятся к тем этапам материально-ритуального вычленения, которые, не находя отражения в материальных остатках, не могут быть фиксированы исследователем.

Конечным этапом материально-ритуального вычленения является некое конкретное погребение, фиксированное в материальных остатках (б). Однако, как правило, погребение доходит до исследователя не в том состоянии, каким оно было в момент его совершения, а с нарушенными до известной степени первоначальным порядком и состоянием составляющих его элементов. Поэтому объектом анализа является уже не «б», а «б₁» — погребение в археологическом смысле.

Рассматривая погребение в археологическом смысле, нетрудно заметить, что это сложное явление распадается на три вполне самостоятельные части, составляющие его структуру — структуру погребального комплекса. (Авторы полагают, что термин «погребальный комплекс» более отражает сложную и многоплановую сущность такого явления, как погребение.) Составляющие эти следующие: I) погребальное сооружение; II) останки погребенного; III) погребальный инвентарь. Следует также сказать, что каждая часть обладает собственной структурой, подчас очень сложной. Элементы, составляющие эти части, в свою очередь достаточно сложны и обладают собственными структурами.

Таким образом, изучая структуру каждой части и соотношение частей, мы исследуем структуру всего погребального комплекса. Рассмотрим каждую часть в отдельности.

I. *Погребальное сооружение.* Элементами его являются те компоненты погребального комплекса, которые характеризуют замкнутое пространство, предназначенное для помещения умершего. Следует подчеркнуть, что, как правило, в археологической практике изучаются именно такие погребальные комплексы, где погребенный находится в замкнутом пространстве. Кроме самой конструкции погребального сооружения, будь оно самым простым или самым сложным, не менее важны и такие характеристики, как заполнение могильной ямы во всех ее частях, наличие охряных, галечных, органических (трава, прутья и т. п.) и всяких других подстилок. Вообще все в погребальном комплексе, что не является останками умершего и предметами сопровождающего инвентаря, должно рассматриваться как характеризующее специальную организацию пространства, предназначенного для помещения умершего. Структура погребального сооружения в целом развернута по горизонтали и вертикали одновременно и имеет соответствующие параметры — длину, ширину и высоту. Параметры эти складываются из сочетания параметров отдельных компонентов, которые изучаются на первом этапе исследования по отдельности. Все компоненты погребального сооружения обладают качественными и количественными характеристиками.

II. *Останки погребенного.* Эта часть погребения (скелет, пепел) обладает собственной структурой, порядок составляющих которой всегда нарушен в археологическом погребении. Разрушение происходит за счет или естественных процессов, или процессов, предусмотренных духовным вычленением в ходе материально-ритуального вычленения, например кремации покойника. Разберем ту сторону этой структуры, которая важна при археологическом исследовании. В качестве ее элементов при подобном подходе выступают: 1) характер погребения (труположение или трупосожжение со всеми их полными и частичными формами и их сочетаниями); 2) способ размещения останков умершего по отношению к структуре погребального сооружения, одного или нескольких ее компонентов

(при труположении умерший может быть размещен лежа на спине, на животе, на боку, сидя, стоя и т. д.; различается положение его черепа, конечностей и т. п.; имеет значение взаиморасположение погребенных при коллективном погребении; здесь же учитывается ориентировка). Итак, погребенный определенным образом размещен и соотносится с ячейками структур того или иного компонента погребального сооружения. Ячейками мы называем фиксированные пространственные единицы, которые на практике устанавливаются опытным путем. Сочетание останков погребенного с погребальным сооружением придает структуре новое качество: яма с погребенным — это могила, погребальный комплекс; яма без погребенного — кенотаф.

Структура второй части погребения в большинстве случаев развернута по горизонтали, но иногда, в зависимости от особых форм материально-ритуального вычленения, — по вертикали и по горизонтали одновременно («стоячие» и «сидячие» погребения).

III. *Погребальный инвентарь*. Понятие «посмертный (или погребальный) инвентарь» определяется перечнем предметов, предназначенных для погребения вместе с умершим. Сюда входят как артефакты (утварь, предметы туалета или одежды, украшения, орудия труда, мелкая пластика, «душехранительницы» и прочие тотивные предметы), так и не артефакты (напутственная пища в том или ином виде, уголь, мел, кусочки минеральной краски, раковины и т. д.).

Здесь следует ввести новое понятие — «прижизненный инвентарь». Оно определяет все множество предметов, которыми пользовался или мог бы пользоваться погребенный при жизни. В этом случае прижизненный инвентарь есть множество, частью которого является погребальный инвентарь. Прижизненный инвентарь — исходный комплекс для составления набора посмертного инвентаря. Именно исходный, а на ранних этапах развития человеческого общества, до появления тотивных предметов, возможно, и единственный (это замечание относится в основном к артефактам). В позднейшее время погребальный инвентарь уже не может определяться как часть инвентаря прижизненного, так как в посмертный инвентарь стали входить предметы, специально для него предназначенные. Посмертный инвентарь, подавляющая его часть, составляется в большинстве случаев из прижизненного по избирательному принципу, в основе которого лежат представления о смерти в тот или иной исторический момент, т. е. представления, связанные с духовным вычленением.

После отбора предметов, предназначенных для погребения, в процессе материально-ритуального вычленения происходит их размещение в погребальном сооружении (сюда же относится и обряд обрядяжения покойного) в соответствии с нормами духовного вычленения. На разных хронологических этапах или в разных культурных регионах мы можем проследить ограничения, накладываемые на посмертный инвентарь, если имеем полный список артефактов из культурного слоя. Даже не учитывая полный прижизненный набор, имеющийся на памятниках, генетически связанных с погребальным комплексом, мы можем сравнить элементарный список артефактов со списком посмертного инвентаря и фиксировать не только ограничения, но и качественные и количественные колебания внутри списка посмертного инвентаря во времени: улучшение или ухудшение качества предметов, сопровождающих умершего; расширение или сужение рамок списка. Примером последнего может служить отсутствие в погребениях эпохи неолита различных категорий инвентаря, известных на поселениях (полное отсутствие керамики в неолитических погребениях лесной полосы Восточной Европы или отсутствие различных ее типов позднее).

В погребальном комплексе инвентарь развернут преимущественно по горизонтали. Как правило, вещи, сопровождающие умершего, располагаются на нижнем уровне погребального сооружения: на дне могильной ямы, на полу склепа. Но возможны и другие варианты размещения.

Каждая элементарная единица погребального инвентаря занимает определенное место в погребальном сооружении, заполняя его ячейки, и соотносится либо с элементами самого сооружения (имеется в виду прямое соотношение: например, инвентарь на ступеньках катакомбы и т. д.), либо с останками погребенного. Место, занимаемое определенной единицей инвентаря, может быть фиксировано и не фиксировано. Каждая элементарная единица (предмет) погребального инвентаря может занимать несколько различных положений в погребальном сооружении. Соответственно в том или ином погребении одной ячейке может соответствовать один или несколько элементов инвентаря. Под ячейкой понимаются элементарные единицы структуры. Деление структуры на ячейки устанавливается экспериментально. Число и местоположение ячеек представляется стандартным для определенного рода погребений, как это показало, например, изучение основных типов погребений с труположением⁷. Вообще же ячейки устанавливаются частотно, т. е. исследователь фиксирует определенные положения предметов инвентаря в серии погребений и на основе этого устанавливает «местоположение» и характер самой ячейки. В одной ячейке может находиться один или несколько одинаковых или разных элементов инвентаря. Один или несколько схожих элементов инвентаря могут занимать несколько ячеек. Например, несколько бусин и подвесок из кости, расположенные в области шейных позвонков; окончечник копыя с древком слева от скелета, занимающий все ячейки от черепа до ступни; скелет животного, заполняющий все ячейки западной части катакомбы и т. п. Здесь имеется зависимость величины и характера ячеек погребального сооружения от характера и величины предметов, входящих в погребальный инвентарь. При значительном удалении элементов инвентаря от погребенного желательнее вводить понятие «скользящей» ячейки с возможностью в этом случае пересечения ее с другой ячейкой. Например, для определенного типа погребений исследователем установлены две следующие ячейки: «у затылочной части черепа» и «у северной стенки могильной ямы». Обе ячейки фиксированы и имеют установленные размеры, но возможен случай, когда элемент инвентаря располагается так, что выходит за границы ячейки «у черепа», но не заполняет ячейку «у стенки» или заполняет ее лишь частично. Вот тогда и вводится «скользящая ячейка».

Ориентировка — признак, присущий всем трем составляющим погребения, но для первой составляющей (погребального сооружения) он всегда более однозначен, чем для двух других. Действительно, погребальное сооружение может быть всегда точно соотнесено со странами света, в то время как для останков погребенного имеется еще и такое существенное дополнение, как соотнесение с ориентировкой погребального сооружения. То же самое относится и к ориентировке элементов инвентаря. Так, например, ориентировка скелета сопровождающего (жертвенного) животного, ориентировка крупных предметов (копыя, мечи и т. п.) могут совпадать и не совпадать с ориентировкой первой и второй составляющих. Опыт исследования погребений показывает, что этот признак при внимательном к нему отношении очень хорошо различает погребальные комплексы между собой, но в качестве материала для интерпретации маловыразителен.

Уже говорилось, что каждая составляющая обладает собственной структурой, которую можно описать, исследовав качественные и количественные характеристики отдельных образующих ее элементов. Следует отметить, что структура первой составляющей целиком и полностью зависит от характера материально-ритуального вычленения. Структура второй составляющей может зависеть от характера материально-ритуального вычленения (кремация, эскарнация), может зависеть частично (частичная кремация, расчленение), а может и не зависеть (труположение). Речь идет в данном случае об изначальной структуре или о характере погребения (первый элемент). Структура остальных элементов этой составляющей

шей целиком зависит от характера материально-ритуального вычленения. Структура (изначальная) погребального инвентаря большей частью не зависит от характера материально-ритуального вычленения, так как многие предметы, хотя и отобраны для погребения, но не изготовлены для него специально (сосуд, нож, сбруя лошади). Иногда — в случае преднамеренного повреждения предметов — она зависит частично. Наконец, она может зависеть полностью — предметы специально изготовлены для погребения (вотивные предметы, «душехранительницы», модельки).

Итак, погребальный комплекс — это система, включающая в себя три составляющие: I — погребальное сооружение, II — погребенного, III — погребальный инвентарь. В совокупности они образуют структуру системы. Однако каждая из составляющих в отдельных случаях может находиться в нулевом состоянии, т. е. отсутствовать. Как правило, это связано либо с сохранностью погребения, либо с созданием меморативных комплексов. Возможны случаи полного отсутствия инвентаря при наличии погребального сооружения и погребенного, возможны случаи отсутствия либо погребального сооружения, либо останков погребенного, либо различных комбинаций второй и третьей составляющих или первой и третьей. Непременным условием, без соблюдения которого вся система теряет свой смысл, является наличие хотя бы одной из первых двух составляющих при условии, конечно, что отсутствующая составляющая подразумевалась или существовала в момент совершения погребения. Отсутствие одной или пары составляющих объясняется либо тем, что их присутствие не было предусмотрено представлениями, связанными с духовным вычлещением, либо полным разрушением этих составляющих. Наличие первой составляющей всегда (в археологических материалах) предусмотрено, каков бы не был характер материально-ритуального вычленения. Наличие второй составляющей также всегда предусмотрено, пусть даже символически. Наличие же третьей составляющей (погребального инвентаря) не всегда предусмотрено и зависит от представлений, связанных с духовным вычлещением.

Исследователь в археологической практике имеет в качестве изучаемого объекта не то погребение, которое было совершено, когда-то — «а» и «б», а лишь некоторое, хотя иногда и значительное, количество материальных остатков, организованных определенным образом и являющихся измененной частью этой системы. Погребение, с которым имеет дело археолог, — «б₁». Достаточно массовый материал позволяет создать некий обобщенный образ системы «б». Иными словами, мы можем получить сравнительно обоснованную реконструкцию структуры погребения в момент его создания. Такая реконструкция должна учитывать прежде всего историю «существования» погребения, т. е. путь от системы «б» к системе «б₁», куда входят все естественные и исторические процессы, определяющие сохранность погребения. Второй очень важный момент, зачастую определяющий ход и результаты исследования, — качество методики и фиксации материала при раскопках. Несомненно, что применение формализованного структурного описания и количественных методов позволяет создать наиболее объективную и полную реконструкцию из возможных теперь, но не следует забывать, что и это все-таки лишь приблизительный вариант реконструкции.

Путь трансформации определенных религиозных представлений и общественных отношений, то, что мы называем духовным вычлещением, декларирующим определенные формы материально-ритуального вычлещения, очень сложен и представляет самостоятельную тему. Было бы очень полезно проследить, какие конкретные представления могут находить отражение в материальных остатках, а какие — утрачиваются безвозвратно. Специфика самих погребальных памятников, т. е. конкретных форм отражения системы «А», отсутствие в большинстве случаев письменных источников, состояние наших собственных представлений о предмете и, главное,

неадекватность реальной жизни отражению ее в вещественных остатках — все это делает задачу очень сложной и трудоемкой.

В заключение хотелось бы отметить, что в предлагаемой статье общетеоретические понятия были выработаны на основе изучения конкретного археологического материала. Сама практика исследования потребовала применения четко выработанных основных понятий как основы для формального описания применительно к задачам статистической обработки материала. Предлагаемая система описания дает серию точек отсчета, нечто вроде школы, на базе которой возможно проведение формального анализа. Кроме того, существенно расширяется круг вопросов, которые могут быть поставлены при исследовании.

¹ Федоров-Давыдов Г. А. О датировке типов вещей по погребальным комплексам. — СА, 1965, № 3; он же. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; он же. О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов предметов в археологических комплексах. — Сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

² Каменецкий И. С. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э. Архив ИА, № 1934, 1935.

³ Лебедев Г. С. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка. — Сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

⁴ Назаренко В. А. Классификация погреб-

альных памятников Южного Приладожья. — Сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

⁵ Булкин В. А. Типы погребального обряда в курганах Гнездовского могильника. — Сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

⁶ Смирнов Ю. А. Погребения эпохи неолита и раннего металла лесной полосы Восточной Европы (опыт количественного анализа). — Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972, с. 348 и сл.

⁷ Примерами таких ячеек могут служить указания «у правого плеча», «у левой кисти», «за черепом», «на груди» и т. п.

Г. С. ЛЕБЕДЕВ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК ИСТОЧНИК СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ (по материалам Скандинавии эпохи викингов) *

О необходимости противопоставить «романтическому» представлению о викингах глубокое изучение социально-общественных отношений в Скандинавии IX—XI вв. писала еще в 1940 г. Е. А. Рыдзевская¹. Осуществить это изучение можно только при условии систематизации археологических источников. Из них наиболее массовыми являются погребальные комплексы, социологическая интерпретация которых требует специальной методики.

Погребальный обряд в археологическом значении термина можно рассматривать как систему взаимосвязанных признаков, характеризующих: 1) способ погребения (кремация, ингумация) — признаки I класса; 2) вид захоронения, помещения останков (в урне, яме, гробу, на кострище и т. д.) — признаки II класса; 3) конструкция погребального сооружения (насыпь, грунтовая могила, перекрытая камера, циста и т. д., а также их параметры) — признаки III класса; 4) состав и размещение жертвоприношений, погребального инвентаря (вещи на покойнике, вещи при нем, останки животных) — признаки IV класса. Тип обряда определяется устойчивым сочетанием признаков всех четырех классов, отличающимся от других устойчивых сочетаний признаков тех же классов. Признаками обряда считаются: 1) материальные объекты, появившиеся в комплексе в результате целенаправленных человеческих действий во время совершения захоронения; 2) положение этих объектов в ненарушенных комплексах. Признаки могут быть подразделены на «сакральные» (реализованные в вещах и конструкциях, не имеющих «потребительской стоимости» в реальной жизни, созданных или использованных особым образом специально для похорон) и «социальные» (связанные с вещами, для которых в загробной жизни предполагалось сохранение обычных функций). Устойчивость сочетания признаков может быть определена с помощью статистико-комбинаторных методов².

Тип обряда представляет собой своего рода «запись» определенной последовательности действий, совершенных в древности. Реконструкция этих действий по материальным признакам обряда позволяет выделить типы погребального ритуала, т. е. отличающиеся друг от друга системы действий («актов ритуала»). При данном способе погребения (кремация, ингумация) можно определить необходимый для совершения захоронения минимум действий — метаструктуру ритуала (МС). Каждый тип ритуала представляет собой МС, осложненную дополнительными взаимосвязанными актами. Каждые два последовательно связанных акта образуют ступень ритуала. Количество ступеней определяет абсолютную сложность ритуала (N — число ступеней), а отношение числа ступеней данной структуры N_c к числу ступеней метаструктуры $N_{МС}$ определяет относительную сложность ритуала $R_c = \frac{N_c}{N_{МС}}$.

Разные типы ритуала могут включать в себя тождественные ступени (последовательно связанные акты). Отношение числа общих для двух типов ритуала ступеней (p) к числу ступеней обоих типов ритуала определяет степень близости типов ритуала: $S_{AB} = \frac{2p}{N_A + N_B}$. При $p = N_A = N_B$, $S_{AB} = 1$, т. е. типы ритуала А и В тождественны. Описание типов ритуала в адекватных терминах позволяет установить основные их взаимоотношения: 1) статические — степень сложности и степень близости разных типов; 2) динамические: «генеалогию» (выделение исходных и производных типов ритуала) и «тенденцию» — последовательное упрощение или усложнение генеалогически связанных типов. Эти взаимоотношения могут быть выражены количественно; их установление и анализ являются исходным звеном социологической интерпретации погребальных комплексов.

Система взаимосвязанных типов ритуала, соединенных по степени близости в генеалогические «цепочки» и дифференцированных хронологически на «пласты», определяется как ансамбль некрополя. Он охватывает всю доступную исследователю совокупность религиозных представлений данного общества, связанную с культом мертвых и материализованную в погребальных памятниках. Исходя из положения о синкретизме варварского мышления и общественной практики, необходимо постулировать принципиальное соответствие системы религиозных представлений системе представлений общественных. Следовательно, анализ ансамбля некрополя, т. е. сложности и взаимосвязи структуры типов погребального ритуала, их количественных и хронологических отношений, в конечном счете позволит реконструировать основные направления общественных понятий, отразивших в свою очередь ход социальной эволюции. Группы погребений, совершенных по определенному типу ритуала, соответствуют общественным группам древних людей, сознававших общность своего положения и выразивших это сознание в формах погребального обряда.

Основой для реконструкции ансамбля некрополя скандинавов эпохи викингов послужили материалы памятников Средней Швеции (учтено более 1 тыс. комплексов)³, где представлены семь основных типов погребального ритуала⁴.

Тип А: кремация на месте с захоронением останков в урне на кострище, под курганной насыпью, с мелкими жертвоприношениями, с шейными гривнами с амулетами-«молоточками Тора».

Тип В: кремация на месте в ладье с захоронением останков в урне (вариант В₁) или на кострище (В₂), под курганной насыпью, иногда с каменной оградкой по основанию, с шейными гривнами, гребнями, оружием и другими вещами.

Тип С: кремация на месте с захоронением останков на кострище, под курганной насыпью, с сопровождающими вещами (варианты С₁—С₃) или безынварные (С₄).

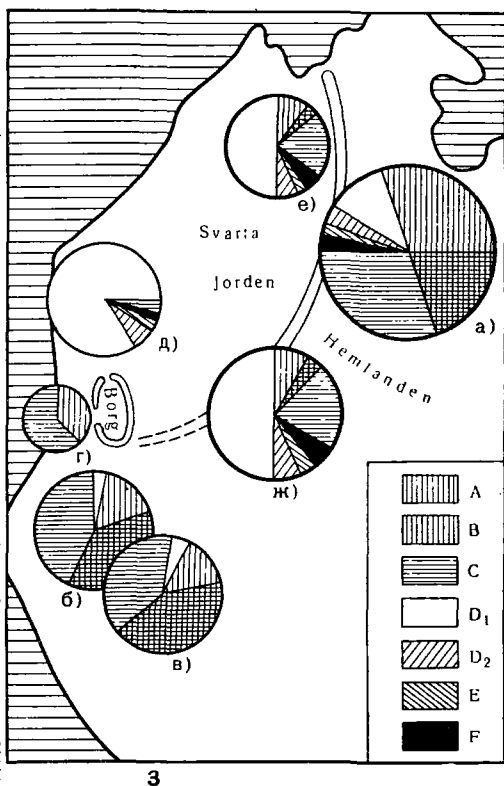
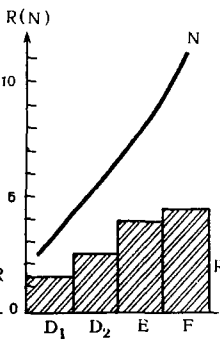
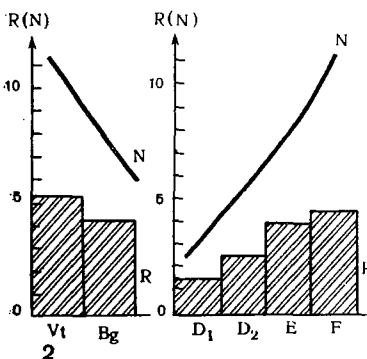
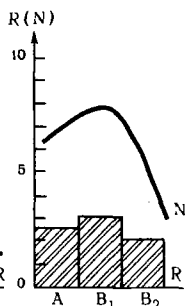
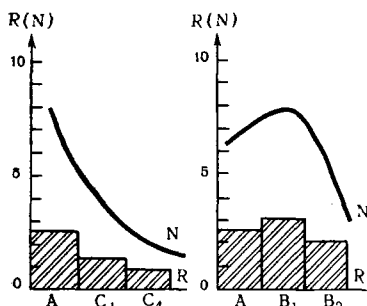
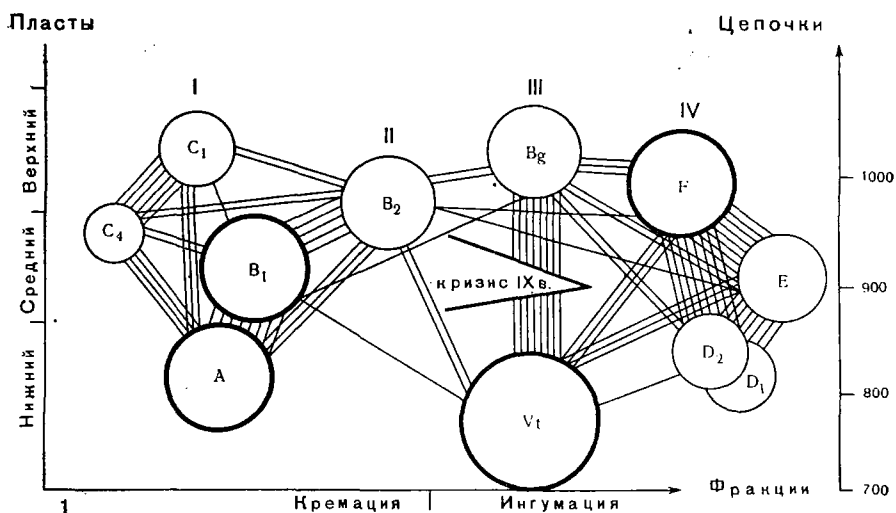
Тип D: ингумация с погребением в гробу в грунтовой могиле (вариант D₁) или в деревянной камере, с оружием (мужские) или украшениями (женские) погребения (вариант D₂).

Тип E: ингумация с погребением в грунтовой могиле, в камере, с деревянным «гробовищем», оружием и другими вещами.

Тип F: ингумация с погребением в камере со специальным уступом для захоронения верхового коня, часто — с сопровождающим женским погребением, под курганной насыпью. В могилах оружие, богатая посуда, ларцы, украшения, бытовые вещи.

Тип Vg: ингумация с погребением в ладье, в грунтовой могиле, с сопровождающими захоронениями лошадей и собак. В мужских погребениях — оружие, посуда, ларцы; в женских — украшения.

Последний тип генетически связан с погребениями более раннего времени (вендельского периода, VII—VIII вв.), выделенными в особый тип

Ансамбль некрополя скандинавов эпохи викингов

1 — граф связи типов погребального ритуала; 2 — тенденции развития ритуала; 3 — топография типов обряда в могильнике Бирки

Vt: ингумация с погребением в ладье, в грунтовой могиле, с сопровождающими захоронениями лошадей, собак, быков, коров, овец и т. д. Погребения эти — только мужские, в «династических могильниках», с парадным оружием, наборами пиршественной посуды, кузнечных инструментов. В течение вендельского периода был распространен, как и в эпоху викингов, обряд типа А, традиционный для Средней Швеции с латенского времени.

Выделенные типы ритуала связаны общими ступенями (табл.) и образуют определенного рода систему, которая может быть описана как граф

Т а б л и ц а
Связи типов погребального обряда по структуре ритуала

Ступени ритуала	Типы обряда										
	C ₁	C ₄	A	B ₁	B ₂	Vt	Bd	D ₁	D ₂	E	F
Кремация на месте		+									
Предметы (ларцы, украшения, посуда) на остатках кремации	+										
Предметы в насыпи	+										
Погребальный костер	+	+	+	+	+						
Погребение на кострище	+	+	+								
Предметы в урне			+	+							
Остатки сожжения в урне			+	+							
Гривна Тора при урне			+	+							
Гривна Тора в сочетании с каменной кладкой внутри насыпи			+	+							
Каменная кладка внутри насыпи			+	+							
Каменная ограда внутри насыпи			+	+	+						
Ладья на кострище				+	+						
Погребение в ладье				+	+	+	+				
Предметы в ладье					+	+					
Предметы в сочетании с оружием					+	+	+			+	+
Оружие при погребении						+	+		+	+	+
Оружие в сочетании с захоронением собаки						+	+				
Береста и ладья						+	+				
Береста в сочетании с могильной ямой						+					
Захоронение коня в сочетании с могильной ямой						+	+				+
Захоронение коровы, быка, овцы или козы в сочетании с могильной ямой						+					
Береста в сочетании с перекрытой ямой						+	+				
Могильная яма, засыпанная и перекрытая						+	+		+	+	+
Ладья в могильной яме							+				
Погребение в гробу								+			
Погребение в гробу и в могильной яме								+			
Могильная яма засыпанная								+			
Погребение в яме и каменная ограда вокруг насыпи									+	+	+
Погребение в камере									+	+	+
Камера перекрытая									+	+	+
Камера с уступом для захоронения коня									+	+	+

(рис., 1). Этот граф — геометрическая фигура, фиксирующая связи типов ритуала, наиболее экономный способ записи ансамбля некрополя скандинавов эпохи викингов в Средней Швеции.

Исследуемый ансамбль некрополя разделяется на две фракции: погребения по способу кремации (типы A, B, C) и по способу ингумации (Vt, Bg, D, E, F). Связи внутри фракций образуют четыре генеалогические линии (цепочки), каждая из которых отражает определенную тенденцию развития.

I цепочка (типы A—C₄—C₁) характеризуется по мере движения от A к C₁ упрощением ритуала (рис., 2). Исчезает обычай помещать останки в урну, выпадают сакральные признаки (сломанные гребни, гривны с «молоточками Тора»); в варианте C₁ их замещают социальные признаки (украшения, оружие, ларцы, посуда).

II цепочка (A—B₁—B₂), напротив, отмечена усложнением первоначального ритуала (сожжение в ладье с сохранением основных сакральных признаков обряда типа А). В дальнейшем происходит некоторое упрощение ритуала за счет замены сакральных признаков социальными, однако он остается более сложным, нежели синстадиальный вариант С₁ (рис., 2).

III цепочка (Vt—Bg), как и I, представляет деградирующую линию развития: ритуал погребений Bg отличается от исходной формы отсутствием ряда категорий жертвоприношений, парадного оружия, пиршественных наборов.

IV цепочка (D—E—F) — наиболее яркое выражение прогрессивной линии развития: первоначальные простые формы ритуала резко усложняются за счет появления и умножения сакральных (курганная насыпь, парные погребения, жертвенные животные) и социальных (оружие, парадная посуда, украшения) признаков. Нужно отметить, что если исходные типы исторически связаны с христианскими представлениями, то производные типы ритуала E и F безусловно языческие.

Взаимосвязи типов ритуала, относящихся к разным генеалогическим цепочкам, в сочетании с данными об абсолютной хронологии погребений объединяют типы ритуала в хронологические пласты ансамбля некрополя, характеризующие отдельные исторические этапы развития погребального обряда скандинавов эпохи викингов (рис., 1).

Нижний пласт, относящийся еще к вендельскому периоду (до рубежа VIII и IX вв.), содержит два основных типа ритуала: массовый, сохраняющийся и в последующее время тип А (сожжения в урнах) и обряд династических могильников вендельского типа (Vt). Противопоставление массового обряда погребальным обычаям немногочисленных «династий», отсутствие связей между ними фиксируют общественное противоречие, возникшее накануне эпохи викингов.

Средний пласт ограничен IX столетием. К этому времени относится большинство погребений типа А эпохи викингов; одновременно появляются новые разновидности обряда сожжения; намечаются две линии его развития: восходящая, связанная с новыми общественными силами (тип В, сожжения в ладье, возникшие в конце вендельского периода в среде шведских переселенцев на Аландах и с начала IX в. известные как в Средней Швеции, так и за ее пределами)⁵; нисходящая — деградации традиционного обряда, вызванная разложением культивировавшего его социального слоя (тип С).

Это разложение проявилось, в частности, в распространении христианства и христианских погребальных обычаев (тип D, варианты D₁ и D₂). Ранние погребения такого рода относятся к IX в. Первые камерные могилы фиксируют выделение нового общественного слоя, с особым, даже в рамках христианского мировоззрения, статусом⁶.

Наконец, развитие погребений в ладье от Vt к Bg в IX в. было прервано глубоким кризисом обряда (в некоторых династических могильниках вообще прекращаются захоронения вплоть до начала X в.). Отсутствие обряда господствующей группы предшествующих столетий — характерная особенность «среднего пласта» ансамбля некрополя Средней Швеции.

Верхний пласт отразил формирование новой общественной структуры. Достигает наивысшего развития обряд с погребением в камерных могилах, образующих своего рода иерархию воинских погребений: в X в. складывается специфический обряд погребения в камерах типа F, во многом близкий погребениям в ладье (верховые лошади, наборы оружия, пиршественной посуды). Этот последний обряд возрождается в виде ритуала типа Bg, тесно связанного с поздними типами камерных могил. Таким образом, на основе слияния нового слоя вооруженного населения со старыми «династиями» образуется особая, вероятно господствующая, группа.

Обряд сожжения в ладье, расцвет которого падает на период кризиса ритуала типов Vt—Bg, в X в. деградирует: сакральные признаки заме-

щаются социальными, правда, сближающими этот тип обряда с обрядом погребения в камерных могилах, что может быть расценено как свидетельство близости социальных функций обоих обрядов. Остальные варианты сожжений этого времени представляют собой результат быстрой деградации языческого ритуала, вытесняемого не только новыми вариантами камерных могил, но и христианским массовым обрядом. Именно к X в. относится основная часть погребений типа D₁ (ингумация в гробу, в яме).

Прямолинейное отождествление структуры ансамбля некрополя со структурой социальной вряд ли оправдано. Погребальный обряд отражает те или иные социальные ситуации лишь опосредствованно, преломленными через особого рода идеологические представления. Для этих представлений, как и для многих других сторон духовной жизни первобытного и варварского общества, характерны застойность, консерватизм, длительное переживание традиций. Поэтому необходимое условие социологической интерпретации погребальных памятников — разделение типов ритуала на социологически детерминативные (определимые, отождествляемые с реальными общественными группами) и индефинитивные.

Детерминативные типы ритуала появляются только в данном хронологическом пласте, характеризуются высокой степенью сложности и прогрессивной тенденцией развития. Появление таких типов связано с оформлением новых общественных групп, занявших прочное положение в социальной структуре и испытывающих потребность в идеологической фиксации этого положения.

Индефинитивны для данного пласта типы ритуала, детерминативность которых определена для пласта предшествующего, а дальнейшее развитие характеризуется устойчивой тенденцией к деградации, падением степени сложности ритуала. Социальный статус связанных с этими типами общественных групп может по сравнению с предшествующим периодом не измениться, а может и весьма существенно измениться, однако это изменение не сразу отразится в погребальном обряде.

Следовательно, опираясь на данные погребальных памятников, можно с наибольшей степенью достоверности выделить лишь ведущие для каждого хронологического этапа общественные группы.

Для вендельского периода детерминативным обрядом является ритуал типа Vt — погребения в ладье, принадлежащие родовой знати — малым конунгам, возглавлявшим небольшие территориальные объединения. Можно полагать, что второй общественной группой вендельского периода, за счет которой резко возросло могущество родовой знати VII—VIII вв., были свободные общинники — «бонды», представленные традиционным, сохраняющим тенденцию к дальнейшему развитию обрядом типа A.

Детерминативным обрядом ранней эпохи викингов (IX в.) являются сожжения в ладье (вариант B₁). Новый массовый обряд генетически связан с традиционным ритуалом «бондов» (тип A), но в то же время занимает одну из привилегий родовой знати VIII в. — право быть захороненным в ладье. Хронологическое распространение сожжений типа B (конец VIII — начало IX в.), появление их за пределами Скандинавии в местах особой активности норманнов, положение таких погребений в ансамбле некрополя позволяют связать их с особой социальной группой Скандинавии IX—X вв. — дружинами викингов.

Время наибольших успехов «движения викингов» как особой формы социальных процессов позднего военно-демократического общества — это период нерасчлененности многих новых общественных функций. Дружины викингов были одновременно и военными, и торговыми объединениями, возникшими на сравнительно широкой общественной основе и долго сохранявшими характер временных объединений. Превращение их в постоянные связано с обособлением различных социальных функций и закреплением их за особыми общественными группами: так, к XI в. выделяются

торговые «братства», а несколько раньше — королевские дружины. Появление последних было возможно на базе выделившихся уже дружин викингов, но с тех пор как королевская власть получает возможность опереться на организацию воинов-профессионалов, начинается последний этап развития военно-демократического общества — упадок «движения викингов» и установление господства вооруженного класса, класса феодалов.

Начало этого процесса зафиксировано верхним пластом ансамбля некрополя Средней Швеции. Детерминативным обрядом поздней эпохи викингов является ритуал погребений в камерных могилах. Связанная с ним иерархическая военная организация может быть отождествлена только с королевской дружиной.

Анализ топографии различных вариантов обряда в крупнейшем из шведских могильников — Бирка (рис., 3) — подтверждает результаты структурно-типологического исследования ансамбля некрополя⁷. Здесь в IX в. возникает особое «кладбище викингов» с господствующими погребениями по обряду сожжения в ладье, отделенное от общегородского могильника. В конце IX — начале X в. на окраинах могильника появляются кладбища сложного состава: судя по размещению здесь камерных могил, в это время королевская дружина, ядро зарождавшегося раннефеодалного класса, объединяет вокруг себя в Бирке все остальные общественные группы, уже неразличимые в мозаике индифференцированных обрядов.

Эпоха викингов в Скандинавии — финальный этап развития варварского, военно-демократического общества в Европе. В силу ряда специфических условий основные закономерности, тенденции и противоречия этого строя в Скандинавии VII—XI вв. приняли особо яркие формы. В виде «движения викингов», демократического по своей природе, произошло разрешение противоречия между родо-племенной знатью и свободными общинниками. Дружины викингов — переходная форма социальной организации, в рамках которой происходит дальнейшее развитие и дифференциация новых общественных функций. Выделением королевской дружины в сочетании с динамическими изменениями старой общественной структуры завершается становление нового господствующего класса, деятельность которого открывает собственно средневековый период истории скандинавских стран.

Детальное изучение этого процесса требует привлечения всей совокупности археологических материалов в сочетании с данными других дисциплин. Исследование погребальных памятников позволяет определить лишь основные направления социальной эволюции и создать базу социологической реконструкции общества эпохи викингов.

* Доклад на секции Пленума ЛОИА 1 апреля 1972 г.

¹ Рыдзевская Е. А. Некоторые данные из истории земледелия в Норвегии и Исландии в IX—XIII вв. — Исторический архив, III, 1940, с. 14.

² Лебедев Г. С. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка. — Сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 180, 182.

³ Arbman H. Birka. Stockholm, 1939—1943; Müller-Wille M. Bestattung im Boot. — Offa, 25-26, 1968—1969. Neumünster, 1970.

⁴ Лебедев Г. С. Разновидности обряда... с. 186; он же. Камерные могилы Бирки. — Тезисы докладов Пятой Все-

союзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, I. М., 1971, с. 11, 12.

⁵ Müller-Wille M. Bestattung im Boot, S. 142—162.

⁶ Ср. дружинные погребения Моравии IX в. (Поулик Й. Древняя Моравия в свете новейших археологических находок. — В кн.: Великая Моравия. Тысячелетия традиция государства и культуры. Прага, 1963, с. 35—66).

⁷ Лебедев Г. С. Социальная топография могильника эпохи викингов в Бирке. — Тезисы докладов Шестой Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Таллин, 1973, с. 117.

И. П. РУСАНОВА

ОДИН ИЗ МЕТОДОВ КЛАССИФИКАЦИИ
РАННЕСЛАВЯНСКОЙ КЕРАМИКИ

Раннесредневековая керамика, распространенная в Поднепровье, на Во-лыни и в Поднестровье, представлена в основном лепными неорнаментированными сосудами, кажущимися на первый взгляд очень однообразными. В различных исследованиях типы сосудов обычно выделяют или по их общему облику, или по отдельным деталям — форме венчика, ширине горла, или по высоте. В результате в одну группу попадают сосуды с разными пропорциями и с различной профилировкой. Такая неточная типология часто приводит или к сближению различных типов сосудов Верхнего и Среднего Поднепровья¹, или к пока еще неоправданному выделению локальной группы памятников на территории Западной Во-лыни².

На всей рассматриваемой территории сосуды существенно различаются по своим пропорциям и по профилировке, что позволяет наметить локальные и хронологические особенности.

Сравнение керамики трех крупных локальных групп второй половины I тысячелетия н. э. — памятников типа Корчак, типа Пеньковки и типа Тушемли—Колочина — показало, что для каждой из этих групп характерны сосуды со специфической формой тулова и его особыми пропорциями. Этот признак и послужил основой при выделении типов сосудов.

Различия в пропорциях тулова керамики всех трех групп (рис. 1, 1) особенно наглядны в соотношении высоты сосуда (H) и высоты наибольшего расширения тулова (H_1), а также в степени профилированности тулова, т. е. в соотношении диаметра наибольшего расширения сосуда (D_3) и диаметра горла (D_2). Учитывая пропорции этих четырех измерений сосудов, можно составить корреляционный график, в котором совмещаются две характерные пропорции каждого сосуда. График строится по системе координат, по одной оси которых откладываются данные $H_1 : H$, а по другой — соотношения $D_3 : D_2$, в результате чего каждый сосуд получает свою определенную точку на графике (рис. 2, 1).

Эта работа, проделанная для каждого доступного измерению сосуда изучаемой территории, показала, что сосуды каждого из трех основных типов занимают на графике строго определенное место. Так, для сосудов типа Корчак характерны наибольшее расширение тулова в верхней части сосуда (H_1 составляет от 0,60 до 0,85 H) и сравнительно четкая профилировка ($D_3 : D_2 = 1,10 — 1,40$). Сосудам типов Пеньковки и Тушемли—Колочина свойственно наибольшее расширение в средней части тулова ($H_1 : H = 0,40 — 0,60$), но сосуды типа Пеньковки гораздо более профилированы ($D_3 : D_2 = 1,20 — 1,50$), тогда как сосуды типа Тушемли—Колочина почти не профилированы или профилированы очень слабо ($D_3 : D_2 = 0,90 — 1,20$).

Корреляционный график помимо простоты в обработке материала дает возможность провести сравнительно объективную дифференциацию керамики и позволяет наглядно представить различие между типами сосудов.

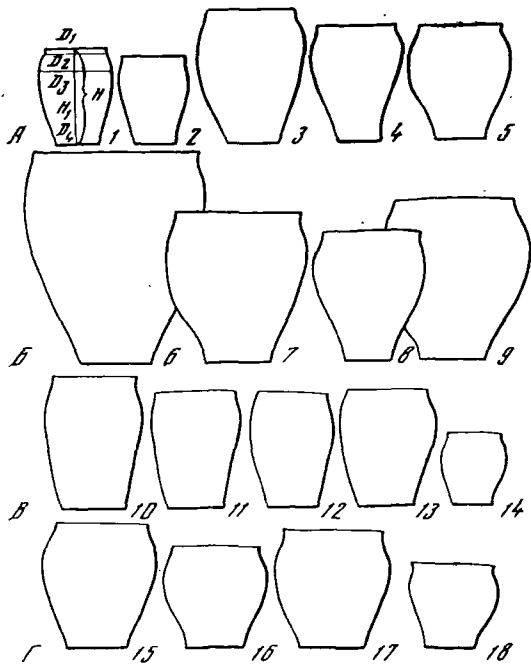

Рис. 1. Сосуды из раннеславянских памятников Северо-Западной Украины
 1, 2, 11-13 — поселение Корчак IX; 3 — поселение Корчак I; 4, 16 — поселение Тетеревка;
 5-7, 10, 15, 17 — поселение Рипнев II; 8, 9, 14 — поселение Корчак VII; 18 — поселение Гуляськ

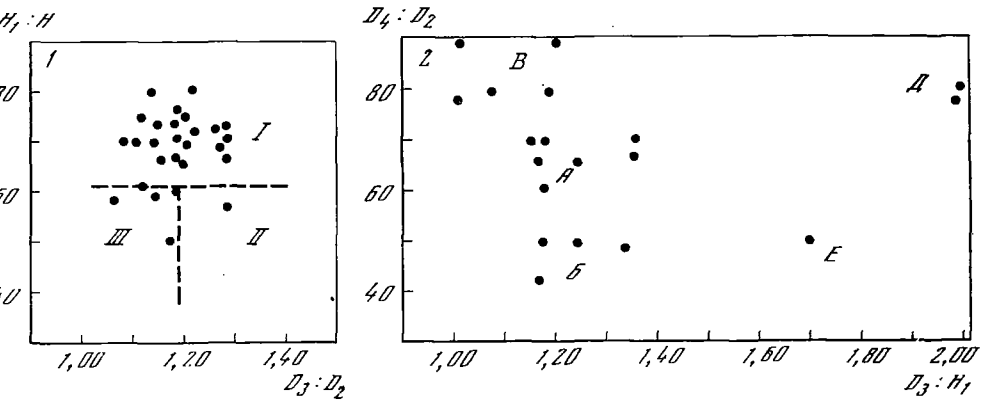

Рис. 2. Корреляционные графики пропорций сосудов

1 — выделение основных типов сосудов: I — сосуды типа Корчак, II — характерные пропорции сосудов типа Пеньковки, III — характерные пропорции сосудов типа Тушмаи — Колочина; 2 — выделение видов среди сосудов типа Корчак

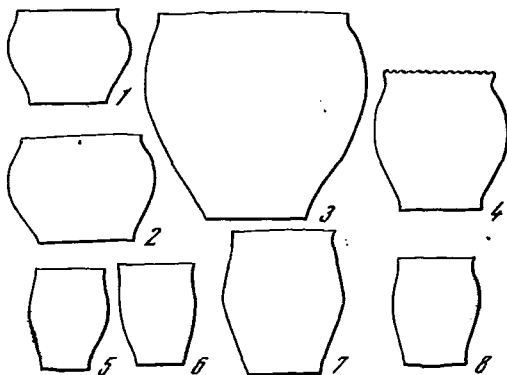

Рис. 3. Единичные сосуды из раннеславянских памятников Северо-Западной Украины

1 — Тетеревка; 2 — Шумск; 3, 4, 8 — Рипнев II; 5 — Корчак I; 6 — Подриже; 7 — Хотомель

Кроме того, благодаря этому графику из общей массы посуды, характерной для определенной территории, выделяются редкие формы, пропорции которых не свойственны этой территории и которые поэтому могут рассматриваться или как случайный элемент, или как инородная примесь, попавшая сюда с соседней территории.

Так, среди массы посуды на некоторых памятниках типа Корчак выделяются своеобразные формы (рис. 3). Часть этих сосудов (рис. 3, 1—3) может рассматриваться как разновидность корчакской посуды, так как их основные пропорции сопоставимы с основной массой корчакской керамики. Но другие формы (рис. 3, 4—8) имеют особые пропорции и стоят ближе к сосудам, характерным для пеньковских и тушемлинских памятников. Сосуд рис. 3, 4 имеет округлую форму тулова и расширение почти по середине высоты, он сравнительно сильно профилирован. По своей форме и пропорциям он относится к пеньковской посуде и на графике (рис. 2, I (II)) попадает в раздел, занимаемый пеньковскими сосудами. Для сосудов рис. 3, 5—8 характерны слабопрофилированное и ребристое тулово, расширение в средней части сосуда, что свойственно керамике тушемлинского типа. На графике (рис. 2, I (III)) эти сосуды относятся к разделу посуды типа Тушемли—Колочина.

Точно так же среди массы посуды, найденной на пеньковских памятниках, выделяются сосуды, по пропорциям относящиеся к типам Корчак и Луки-Райковецкой. Они составляют довольно большую примесь на пеньковских памятниках и со временем полностью вытесняют специфическую пеньковскую посуду.

Каждая из этих трех крупных керамических групп в свою очередь подразделяется на многочисленные виды и варианты. В основе этого деления лежат пропорции других величин сосудов. Так, сосуды типа Корчак, для которых в целом характерны приведенные выше основные пропорции, бывают вытянутыми и более приземистыми, широко открытыми и с суженным горлом. Эти различия отражаются в соотношениях диаметра дна (D_4) и диаметра горла (D_2), а также в пропорциях наибольшего диаметра (D_3) и высоты наибольшего расширения (H_1). Эти две пропорции четырех измерений сосудов отражены на графике (рис. 2, 2), построенном по тому же принципу. На одной из осей координат отложены показатели $D_4 : D_2$, а на другой — соотношения $D_3 : H_1$.

В результате сосуды, помещенные на рис. 1, разделились на графике на четыре вида, каждому из которых присущи свои пропорции. Сосуды первых трех видов (А, Б, В) характеризуются вытянутой формой тулова (соотношения D_3 и H_1 колеблются от 1,00 до 1,35), но разными соотношениями дна и горла. Сосуды вида А имеют узкое дно и неширокое горло ($D_4 : D_2 = 0,60—0,70$), вида Б — широко открытые ($D_4 : D_2 = 0,40—0,50$), вида В — с более широким дном и узким горлом ($D_4 : D_2 = 0,78—0,90$). Вид Г объединяет более приземистые сосуды ($D_3 : H_1 = 1,30—1,50$).

Помимо сосудов этих четырех видов в комплексе с ними найдены сосуды не совсем обычной формы. Два из них — из поселений Тетеревка и Шумск — имеют такую же профилировку верхней части, что и основная масса керамики на корчакских памятниках, но они очень низкие, что значительно меняет их пропорции (рис. 3, 1, 2). На графике (рис. 2, 2) они занимают определенное место и выделяются в вид Д. Их приземистость отражает соотношение D_3 и H_1 , равное почти 2,00. Один сосуд из поселения Рипнев II — низкий и широкооткрытый — по своим пропорциям также отличается от других сосудов и отнесен к виду Е.

Таким образом, корреляционный график двух пропорций сосудов помогает выделить среди кажущейся однообразной массы корчакских сосудов отдельные виды. Применение математических подсчетов вносит некоторую объективность в классификацию керамики, чего не всегда можно добиться при подразделении керамики просто на глаз. Но при этом следует иметь в виду, что на приведенных рисунках и графиках учтены целые сосуды

лишь из некоторых памятников (поселения Корчак I, VII, IX, Рипнев II, Подриже, Гульск, Шумск). Если включить в график пропорции всех известных в настоящее время раннеславянских сосудов, то строгого разграничения видов не будет и границы между ними могут быть проведены лишь условно. Это и естественно, так как различия между сосудами очень незначительны, виды сосудов связаны между собой и есть много переходных между ними ступеней. Но все же выделение видов имеет существенное значение как при сравнении керамики из разных районов, так и при хронологическом членении материала.

При сравнении посуды из поселений Житомирщины и Западной Волыни оказывается, что в обоих этих районах представлены один и тот же тип сосудов и те же основные его виды. Отличия в керамическом материале между этими районами крайне незначительны. Так, на поселении Рипнев II найдены два сосуда (рис. 3, 3, 4), которые пока неизвестны на Житомирщине. На корчакских поселениях северной и восточной части их ареала встречаются иногда слабопрофилированные сосуды тушемлинско-колочинского облика, что может быть объяснено или соседством этих двух культур, или влиянием субстратного населения. Всех этих данных недостаточно, чтобы выделять локальные варианты среди корчакского ареала.

Классификация корчакской керамики важна и для хронологических наблюдений. Так, на памятниках конца I тысячелетия н. э. типа Луки-Райковецкой распространяются более приземистые сосуды, лишь в незначительном количестве известные в материалах ранних памятников (виды Г и Д). Это подтверждается рядом стратиграфических наблюдений и корреляцией вещей и керамики³. На поздних памятниках господствуют сильно профилированные сосуды с более выделенными плечиками, с орнаментом, но в основном сосуды типа Луки-Райковецкой по своим пропорциям близки корчакским, чем подтверждается генетическое родство этих двух последовательных этапов развития раннеславянской посуды.

Хронологические изменения в керамике на территории Северо-Западной Украины более четко выражаются в развитии верхней части сосудов — их шейки и венчика. По этим признакам все виды сосудов делятся на варианты. По степени отогнутости шейки и форме венчика можно выделить девять вариантов сосудов: 1 — без шейки, с загнутым внутрь венчиком; 2 — с прямой короткой шейкой и срезанным венчиком; 3 — с такой же шейкой, но более выступающим плечиком; 4 — с более высокой прямой шейкой; 5 — с короткой шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком; 6 — с более отогнутым венчиком; 7 — с резко отогнутым наружу венчиком; 8 — с отогнутой шейкой и утолщением на венчике; 9 — с высокой цилиндрической шейкой и резко выступающим плечиком⁴. Это деление на варианты несколько условно, твердой границы между отдельными вариантами нет, поскольку они связаны между собой. Для более четкого выделения вариантов можно установить границы между ними по углу отгиба шейки или по разнице в пропорциях между диаметром отверстия (D_1), диаметром горла (D_2) и диаметром плечиков (D_3). Эти пропорции показывают степень отгиба шейки и профилировки плечика. Но в то же время изменения сосудов по вариантам заметны на глаз, и подсчеты в данном случае не всегда целесообразны.

Керамический материал, рассмотренный по более или менее четким комплексам — отдельным поселениям, их слоям и отдельным жилищам, показывает последовательное развитие верхней части сосуда от слабопрофилированной с короткой прямой шейкой к более профилированной с отогнутой наружу шейкой и усложненным венчиком. Наиболее ранними являются сосуды вариантов 1—4, позднее распространяются сосуды вариантов 5—9. Но каждый вариант существовал долгое время, изменения происходили постепенно, и относительная датировка возможна не по отдельным сосудам, а в целом — по керамическим комплексам. Подразделение сосудов на варианты важно еще и потому, что дает возможность производить ста-

тистические подсчеты массового керамического материала по венчикам сосудов, что пока еще нельзя сделать по их целым формам.

Описанный метод классификации керамики может быть дополнен данными о составе теста, характере поверхности сосудов и орнаментации. По этим дополнительным особенностям сосуды также распадаются на два последовательных этапа. Для сосудов типа Корчак характерны мелкие примеси песка и дресвы в тесте, сравнительно ровная поверхность и отсутствие орнамента. Сосуды типа Луки-Райковецкой содержат, как правило, более крупные примеси в тесте, поверхность их часто бугристая, появляется орнамент в виде вдавлений и насечек по венчику и неровной волны на тулове.

Классификация керамики по типам и видам на основании сочетания различных пропорций сосудов и выделение вариантов по форме их верхней части дают относительно объективные критерии для дифференциации посуды по сравнительно однородным группам. При этом важны многие мелкие детали — особенности пропорций и форма венчика сосудов, которые указывают на локальные или хронологические изменения. Классификация керамики по единому принципу поможет при изучении лепной керамики во всех славянских землях.

¹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 271; он же. Что такое «пастырская культура»? — СА, 1971, № 4, с. 105—110; Сымонович Э. А. О связях лесных и лесостепных ранне-средневековых культур Поднепровья. — СА, 1966, № 3, с. 43—45.

² Баран В. Д. Ранні слов'яні між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972, с. 90—95.

³ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, Е1-25, 1973, с. 17—25.

⁴ Русанова И. П. Славянские древности... с. 11 и 13.

Л. Л. ГУРЕВИЧ

МЕТОДИКА АРХИТЕКТУРНЫХ ОБМЕРОВ
И ОБМЕРНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ В ПЕНДЖИКЕНТСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ *

Архитектурно-обмерные материалы заняли прочное место в полевой документации раскопок среднеазиатских городов. Однако организация обмерных работ и оформление графических материалов зачастую не отвечают требованиям, которые диктуются спецификой конкретных памятников: общих методических руководств¹ в таких случаях оказывается недостаточно.

Обмен опытом между экспедициями способствовал бы дальнейшей разработке методики архитектурных обмеров.

Потребность в совершенствовании методики особенно остро ощущается сейчас, когда наметился широкий переход от исследований отдельных городов к изучению процессов урбанизации в древности и средние века². Удельный вес археологических материалов среди всех данных о городе непрерывно растет; очевидна необходимость точнейшей плановой увязки всех элементов городского ландшафта и строгой фиксации объективно аргументированной стратиграфии городских объектов³. Не только отдельное сооружение или комплекс сооружений, но и город в целом все чаще становится объектом единого архитектурного обмера.

В многолетней полевой практике Пенджикентской экспедиции сложилась методика обмеров, обусловленная характером объекта и спецификой его археологического изучения. Кроме общих для археологического исследования любого города целей (изучение градостроительной деятельности, исследование материальной среды и пространственной структуры городского организма, создание объективной основы для возможного проекта археологического заповедника с реконструкцией построек), обмерная деятельность в Пенджикенте преследует специфичную для среднеазиатских памятников с сырцово-архитектурой цель создания системы пространственной увязки всего археологического комплекса⁴. Задача заключается в составлении такой обмерной документации, которая может не только оперативно использоваться для решения текущих задач изучения памятника, но также упорядоченно, экономно и однозначно суммировать результаты многолетних исследований сложного целого — города с ближайшим окружением.

Особенностями городища являются постоянно продолжающаяся деформация массивов глиняных конструкций; постоянная угроза их саморазрушения в процессе раскрытия; невозможность «прочитать» многие сооружения в поле из-за искривлений и разрушений поверхностей стен, по материалу с трудом отличаемых от завала. Все это обусловило следующие практические требования к технике обмеров: 1) создание системы отсчета, независимой от деформации объекта обмеров; 2) оперативность обмеров отдельных помещений и конструкций в ходе их раскрытия; 3) избыточность точно фиксируемых на объекте точек и, следовательно, избыточность замеров. Значительный ежегодный объем работ требует четкого разделе-

ния труда между обмерщиками и точного определения содержания каждой операции.

Взаимовязанные чертежи всех элементов городского ландшафта составляются в масштабе 1:50. Основой сведения чертежей является увязка планов раскапываемых объектов; порядок составления единого плана определяет структуру обмерных работ. Принята трехуровневая методика обмера плана: 1) обмер всего архитектурного материала на объектах; 2) промер сетей колышков, служащих системами отсчета при обмерах объектов; 3) геодезическая привязка сетей колышков к опорной триангуляционной сети городища. Ежегодная трехуровневая привязка всего обмеряемого материала к единой системе отсчета позволяет устранить неизбежные в обмерах разных лет погрешности.

Первые пять операций, производимые на отдельном археологическом объекте, фиксируются каждая отдельно на листах кроки, которые хранятся постоянно.

Первая операция заключается в разбивке и промере привязочной сети колышков на сезонной части раскопа (рис. 1). Сеть должна обладать по возможности правильной триангуляционной схемой с отрезками в пределах 7—8 м и хорошо стыковаться в промерах с сетью предыдущего сезона. Предусматривается удобное для обмеров провешивание бечевки с фиксированными отвесами. Превышение между соседними колышками должно быть не более 1,5 м — иначе невозможен точный промер расстояния между ними при помощи отвеса и рулетки. Колышки забиваются на современной поверхности в прочные стены, способные выстоять еще несколько сезонов. Не менее трех колышков на периферии сезонного полигона должны предусматривать установку над ними теодолита в рабочем положении — эти так называемые привязочные пункты особо отмечаются на кроки и чертежах. Каждый колышек сети связывается промерами не менее чем с шестью соседними — это обеспечивает правильную последовательность при черчении и повышает надежность результатов. Промер сеток проводится в безветрие, по два-три раза для каждого отрезка, с точностью 0,5 см. Применение матерчатых рулеток на расстоянии 10—15 м может исказить длину на 2—3 см, несмотря на учет растяжения лент. Операцию производят двое.

Вторая операция — провешивание и промер бечевки с фиксированными отвесами. Ее цель — опустить с современной поверхности до уровня полов помещений (или до материка) фиксированные на плане сетки точки. Бечевка должна свободно повисать между двумя колышками и пересекать максимум помещений (рис. 2). Отвесы распределяются таким образом, чтобы любая фиксируемая на плане точка объекта связывалась замерами горизонтальных проложений по крайней мере с двумя отвесами, и расстояния до отвесов с расстоянием между ними образовывали удобный для вычерчивания треугольник. В противном случае приходится связывать точку замерами с дополнительными отвесами (в том числе с отвесами других бечевки). Перемещение грузов вдоль бечевки и вывешивание новых в процессе обмера требуют нового промера всей цепочки размеров вдоль бечевки. Промер каждой бечевки с отвесами производится в двух-трех полных цепочках размеров от колышка до колышка. Особую трудность представляет измерение расстояния от колышка до первого отвеса над глубоким помещением (в Пенджикенте — до 6—7 м), когда приходится повисать в напряженной позе над обрывом с еще одним отвесом в руке, и точность измерений страдает. Поэтому первый отвес должен быть максимально приближен к стене с колышком (рис. 2). Операция требует участия двух человек. На кроки показываются план размещения бечевки с отвесами и цепочки размеров отрезков между отвесами и колышками. Здесь же производятся просчет цепочек и выбор оптимального варианта размеров.

Третья операция — обмер плана объекта — относится к другому уровню, требует меньшей тщательности, но гораздо большей скорости измерений. Обмеру предшествует заготовка кроки всех помещений, обычно на не-

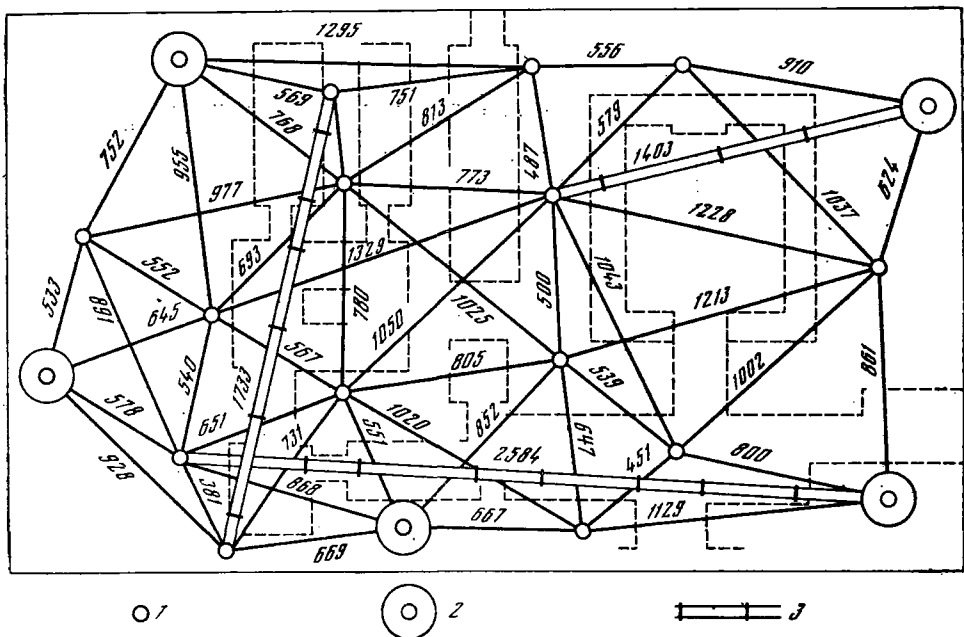

Рис. 1. Привязочная сеть колышков отдельного объекта

1 — колышки; 2 — привязочные пункты; 3 — бечевки с фиксированными отвесами

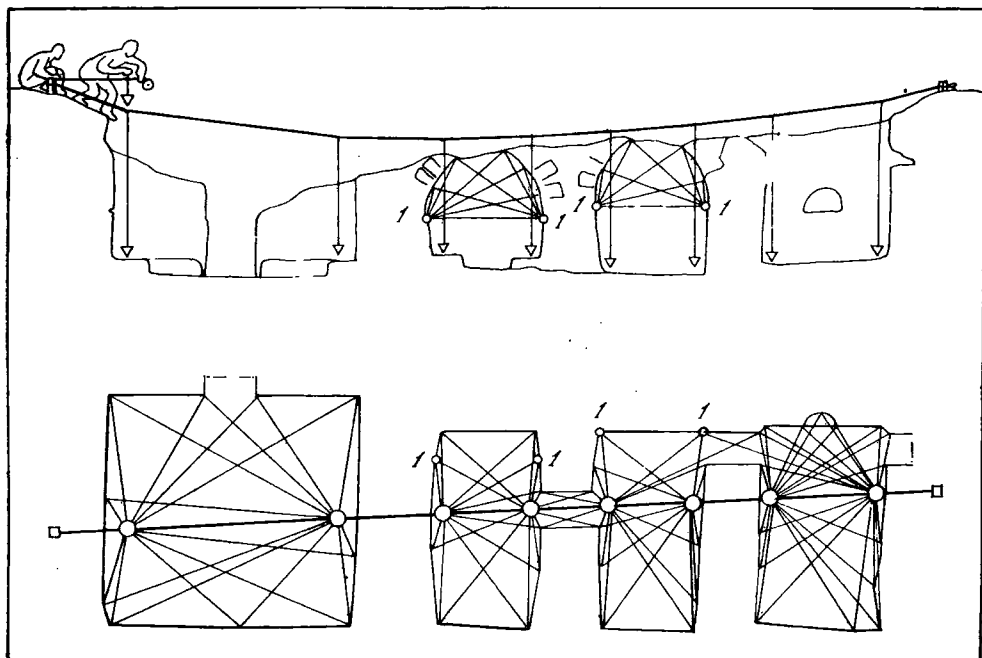

Рис. 2. Схема обмера помещений при помощи бечевки с фиксированными отвесами (вид сбоку, план)

1 — пары точек на пятах сводов, служащие базой для промера кривизны сводов

скольких листах. Существенным качеством удобного для заполнения при обмере плана кроки является его непропорциональность — сложные детали, на которые приходится большинство фиксируемых точек, изображаются крупнее простых. Необходимо фиксировать на плане пары точек на пятах сводов, которые послужат базой при промере кривизны сводов (рис. 2, 1).

Работа проводится втроем в очень быстром темпе. Один обмерщик устанавливает очередность замеров и записывает результаты; второй прикладывает нулевое деление рулетки к фиксируемым точкам; третий тянет ленту к отвесам, снимает показания и диктует результаты. Расстояния измеряются с точностью 0,5 см, однако скорость измерений и невозможность уследить иногда за неподвижностью всех отвесов могут исказить результат на 2—3 см. На кроки плана отвесы обозначаются разными цветами, расстояние между отвесом и точкой записывается около ее обозначения цветом этого отвеса.

Четвертая операция, принадлежащая тому же уровню, — нивелировка. На каждом объекте установлен нивелировочный репер, связанный с главным репером городища. Каждая станция привязывается к реперу объекта; результаты наблюдения с каждой из станций записываются своим цветом на общем листе. Работают трое — один указывает точки, требующие фиксации, и записывает результаты; второй устанавливает рейку; третий — снимает отсчеты и диктует результаты.

Пятая операция — геодезическая увязка привязочных пунктов между собой и их привязка к опорной сети городища — относится к третьему уровню работ, требующему особой точности и тщательности. Фиксируются только горизонтальные углы. Каждый привязочный пункт связывается с двумя другими на объекте и с тремя вершинами треугольника опорной сети, в котором расположен объект; встречные наблюдения производятся с опорных пунктов для проверки угловой невязки. Применение теодолита с полуминутной точностью фиксации углов при горизонтальных проложениях в пределах 100 м дает линейное отклонение от положения наблюдаемого объекта $\pm 1,35$ см. Таким образом, допускаемая ошибка в измерениях не превышает 2,7 см, что создает предпосылки непротиворечивого сочетания результатов трех уровней обмера на чертежах одного масштаба. Работают двое. Наблюдения заносятся в пикетажный журнал; составляются (со ссылками на журнал) схемы для каждого объекта с расчетами угловых невязок, допускаемых в пределах $00^{\circ}02'$.

Пять полевых операций, перечисленных в порядке обычного их выполнения, могут выполняться и в любом другом — в зависимости от конкретной ситуации. Следующая полевая операция, связанная с фиксацией разрезов, эскизы которых составляются в Пенджикенте только в редких случаях, требует чертежных заготовок.

Сначала по данным промера рулеткой вычерчивается на кальке в масштабе 1:50 план привязочной сети колышков. Этот чертеж корректируется данными геодезической привязки — конфигурацией полигона привязочных пунктов и вычислением их координат. Когда сезонная сеть «сходится», ее стыкуют с общей привязочной сетью объекта, так же на кальке. После этого на миллиметровке вычерчивается план объекта. Калька с общей привязочной сетью объекта накладывается на его прошлогодний план, на котором отмечены все колышки, и сезонная часть сети перекальвается. Наносятся бечевки с отвесами, по засечкам вычерчиваются все элементы плана. Вычерченный план обычно требует прорисовки деталей в поле. Затем приступают к вычерчиванию болванок разрезов. Каждый разрез составляется на отдельном листе миллиметровки. На основе материалов плана и нивелировки врисовываются общие габариты вновь открытых сооружений.

Шестая полевая операция — дочерчивание и прорисовка разрезов — производится двумя обмерщиками. В помещении объекта устанавливается на треноге чертежный планшет размером в лист ватмана. Один обмерщик,

имея перед собой разрезы и план объекта, устанавливает порядок необходимых замеров, заносит в чертежи их результаты и прорисовывает детали по чертежному «скелету». Второй выставляет крашенные метры и рейки, устанавливает отвесы, производит измерения и диктует результаты. Так завершают все разрезы по помещению и переходят в следующее. Если высота раскопанных стен позволяет охватить взглядом с одного места несколько помещений, удобнее выполнять дочерчивание и прорисовку последовательно по листам разрезов.

Следующий этап — графическое оформление чертежей: нанесение обозначений строительных периодов, номеров помещений, линий и номеров разрезов, штампов⁵. После согласования чертежей составление полевой обмерной документации сезона можно считать окончанным.

Затем приступают к седьмой, последней, полевой операции — консервации систем отсчета. Бечевки с отвесами снимаются; колышки забиваются в грунт и маскируются — на следующий год их найдут по плану; утраченные колышки особо маркируются на чертежах. Независимость сети колышков как системы отсчета от деформаций объекта обеспечивается их избыточностью, ради их сохранения раскопщик не должен выходить в поле без замыкающего плана в масштабе с обозначением всех колышков.

Независимость опорной сети от деформаций объекта обеспечивается расположением ее пунктов на плоских вершинах рельефа, не подверженных смывам и оползням. Каждый пункт зафиксирован деревянным колышком, строго вертикально вбитым в грунт. В нерабочие периоды пункты закапываются и маскируются. С 26 опорных пунктов просматривается вся территория городища (рис. 3).

При разбивке сети были использованы некоторые станции геодезической съемки городища, произведенной И. Н. Тереховым (1971 г.). Теодолитную съемку горизонтальных углов опорной сети произвели А. Е. Ильин (1972, 1973 гг.) и В. А. Янков (1973 г.). Угловая невязка в треугольниках допускалась в пределах $00^{\circ}02'$. Вычисления горизонтальных проложений по показаниям дальномера были сочтены нецелесообразными, поэтому промерили 95-метровый базовый отрезок в середине полигона. Вогнутый рельеф позволил повесить на двух треногах, зафиксированных над опорными пунктами, шпагат с 19 промежуточными зафиксированными отвесами. Расстояние промерялось по отрезкам двумя парами обмерщиков разными рулетками в шести независимых цепочках. Измерения производились с точностью 1 мм. Расхождение в суммах цепочек достигало 50 см. Однако корректировка постоянного искажения рулеток на 10-метровом бетонном основании, рассчитанном по железному метровому эталону, сократила разрыв до 4 см, что составляет около 0,05% отрезка, и для расчетов было принято расстояние в пределах этого диапазона расхождений.

Двойная схема геодезической триангуляции опорной сети — связывающая ближайшие соседние пункты и базовая, связывающая пять периферийных пунктов полигона (рис. 3), — позволила В. А. Янкову вычислить координаты последних двумя способами (следуя в расчетах ходам малой триангуляции и базовой), что явилось проверкой достоверности расчетов. Расхождение вариантов координат наиболее удаленных пунктов С и IV по обеим осям не превысило 15—20 см, что было сочтено допустимым для принятия окончательного значения координат пунктов в этих пределах и с точностью 1 см. Начало системы координат принято вне городища, северо-западнее его, оси параллельны ранней прямоугольной планировочной сети Пенджикента, открытой на основе анализа аэрофотосъемки, геодезических съемок и планов объектов⁶.

Начата точная вертикальная увязка опорных пунктов. Впредь вертикальные отметки каждого объекта будут корректироваться по установленным отметкам трех опорных пунктов, между которыми он расположен.

Точное исчисление координат объектов позволяет начать переход к составлению единого плана городища в масштабе 1:50 на жестких планшетах.

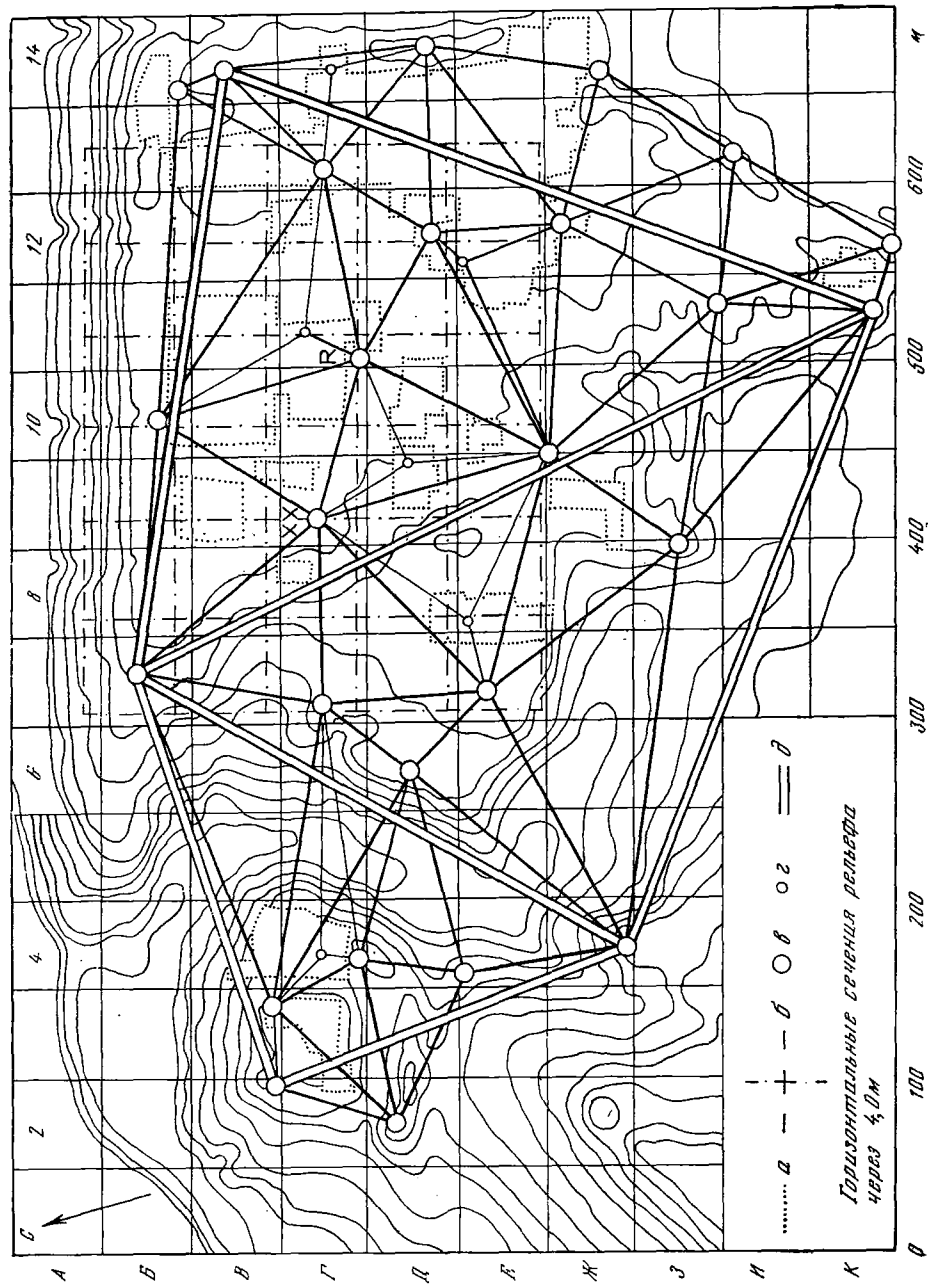

Рис. 3. Схема триангуляции сети опорных пунктов и разрезки плана Пенджикентского городища на планшеты

- а — границы раскопанной территории;
- б — модульная сеть плавирки конца V в.;
- в — опорные пункты;
- г — некоторые правящие пункты;
- д — ходы базовой триангуляции

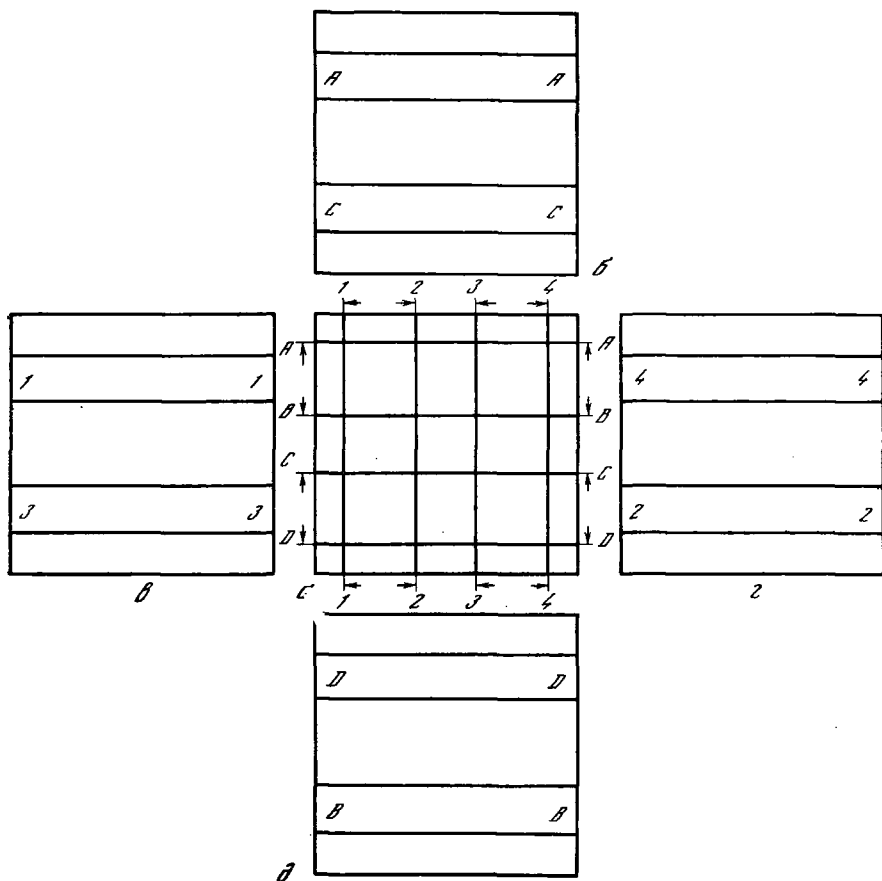

Рис. 4. Комплект планшетов с планом и соответствующими ему разрезами

а — план; *б* — *д* — разрезы: *б* — на север, *в* — на запад, *г* — на восток, *д* — на юг

Они должны быть изготовлены из древесно-волокнутой плиты (оргалита) размерами 1×1 м, обклеиваются ватманом с двух сторон и хранятся в полиэтиленовых конвертах, открываемых только для черчения; изучение чертежей и снятие калек возможно сквозь пленку. Предусмотрена скользящая шкала обозначений строительных периодов, обеспечивающая включение любого возможного числа новооткрытых ранних, средних или поздних периодов, а также стратиграфическую синхронизацию слившихся объектов. Так как линии разрезки плана на планшеты параллельны ранней планировочной сети и, следовательно, стенам почти всех построек города, становится возможным упорядочить и разрезы — их направления будут также параллельны краям планшетов плана, и каждому планшету плана будут соответствовать четыре с разрезами, по числу ориентаций изображаемых проекций (рис. 4). Составление чертежей на планшетах позволяет сократить объем чертежных работ, вызванных необходимостью стыковки отдельно вычерченных планов и обновления истрепавшихся чертежей. Такая организация чертежей является закономерным развитием форм хранения обмерной документации в условиях длительного, все более полного археологического исследования города.

В первые годы работ Пенджикентской экспедиции обмерные чертежи группировались по сезонам; потом с увеличением числа объектов пришлось усложнить их организацию и группировать по объектам, а внутри объектов — по сезонам. Теперь, когда объекты сливаются и необходима увязка их строительной стратиграфии, кроме пообъектного с посезонным разделе-

нием хранения кроки, эскизов чертежей, деталей и подготовительных чертежей привязочных сеток, необходим единый обмерный документ — план с разрезами. Его опубликование сможет дать наиболее полное представление о Пенджикенте, как о памятнике истории градостроительства, на его основе может быть изготовлен макет городища в том же масштабе. Составление генерального плана требует постоянного накопления специальных чертежных навыков и совершенствования методики обмеров. Практика Пенджикента показывает, что архитектурно-археологическое исследование города, хотя бы на уровне полевой фиксации материала, требует создания обмерной группы с относительно постоянным составом участников.

* Доклад на заседании методической комиссии ЛОИА.

¹ *Авдусин Д. А.* Археологические раскопки и раскопки. М., 1959, с. 247; он же. Полевая археология СССР. М., 1972, с. 246.

² *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973; Древний город Средней Азии. Краткие тезисы докладов к заседанию на конференции, посвященной полевым исследованиям в области археологии и этнографии в 1972 г. Л., 1973; *Массон В. М.* Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. — Сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974; Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Тезисы к совещанию в г. Фрунзе 24—29 ноября 1970 г. Л., 1970.

³ *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... с. 140—141.

⁴ Из-за значительной высоты сохранившихся стен сетку квадратов разбивать нецелесообразно, все находки и стратиграфия привязываются к конструкциям сооружений.

⁵ Штамп на каждом чертеже включает индекс экспедиции, год составления чертежа, номер объекта, название чертежа, линейный масштаб. На конверте с чертежами объекта перечисляются их названия и годы составления каждого.

⁶ Обоснование этой планировочной сети содержалось в двух докладах автора 14 и 27 апреля 1973 г. на Самаркандской и Ленинградской сессиях, посвященных итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР.

В. Б. ВИНОГРАДОВ, В. А. ПЕТРЕНКО

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ
САРМАТСКИХ ЗЕРКАЛ-ПОДВЕСОК
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА *

Генезису сарматских бронзовых зеркал, их типологии и датировке посвящена специальная статья А. М. Хазанова¹. Заметное место в ней уделено зеркалам, имеющим боковую ручку с отверстием для подвешивания. А. М. Хазанов попытался обосновать предположение, что они появились у сарматов в результате подражания сибирским и более восточным формам зеркал.

В 1971 г. М. П. Абрамова опубликовала итоги изучения зеркал-подвесок². Выделив три варианта, она впервые обратила внимание на широкую распространенность зеркал варианта I (с валиком по краю и коническим утолщением в центре обратной стороны диска) на памятниках Северного Кавказа I—начала II в. н. э. Хорошо аргументирована М. П. Абрамовой (с привлечением результатов металлографического анализа Т. Б. Барцевой)³ мысль о кавказском производстве основной массы таких зеркал.

Полемизируя с А. М. Хазановым, М. П. Абрамова выдвигает версию об их кавказском (точнее позднекобанском) происхождении.

Статья М. П. Абрамовой интересна и полезна, но не лишена некоторых существенных недостатков. Так, географически не обосновано предпринятое автором для доказательства горнокавказского происхождения зеркал-подвесок деление Северного Кавказа на горные и предгорные районы, согласно которому понятие «равнины» будто бы вообще не свойственно рассматриваемому региону, а предгорья якобы начинаются к северу от подножия Черных гор⁴. Скрупулезно собрав и систематизировав образцы зеркал-подвесок из собственно кобанских памятников Центрального Кавказа, М. П. Абрамова далеко не исчерпывающе привлекла материалы смежных территорий⁵. В статье много досадных неточностей и противоречивых данных. Все это побуждает нас изложить свой взгляд на существо вопроса.

Собственно кобанские (или какие-либо другие аборигенно-кавказские в границах Центрального и Северо-Восточного Кавказа) прототипы зеркал-подвесок варианта I отсутствуют, хотя мнение М. П. Абрамовой, что на памятниках кобанской культуры более раннего времени зеркала совершенно не встречаются, неточно. В тех кобанских могильниках VI—I вв. до н. э. плоскостной зоны и предгорий, которые отмечены печатью контактов со скифо-савроматами, а позднее сарматами, зеркала разных кочевнических и подражающих им типов встречаются довольно регулярно (особенно в границах Пятигорья)⁶. Так что использование зеркал не было чуждо равнинным кобанцам к рубежу нашей эры, а традиционно развитое местное металлургическое производство позволяет предполагать изготовление части зеркал в местных литейных мастерских. В горы же зеркала попадали крайне редко, и горные кобанцы были знакомы с ними куда хуже.

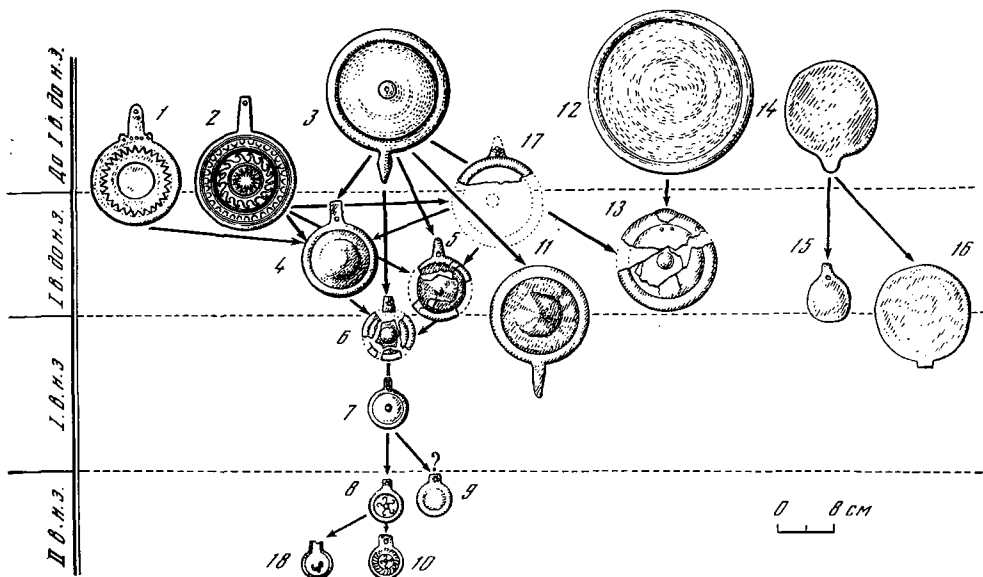

Схема происхождения и развития сарматских зеркал подвесок I в. до н. э. — II в. н. э.

1 — Усть-Лабинский могильник, погребение 84 1938 г.; 2 — Усть-Лабинский могильник, разрушенное погребение 1931 г.; 3 — с. Заплавное, курган 8, погребение 9; 4 — Зубовский курган; 5 — Карабудахкентский могильник I, погребение 5; 6 — с. Брута, разрушенное погребение; 7 — ст. Шелковская, разрушенный курган; 8 — Карабудахкентский могильник I, погребение 27; 9 — с. Урус-Мартан, разрушенный курган; 10 — г. Кисловодск, могильник Церковная горка, разрушенное погребение; 11 — Армавирский курган; 12 — пос. Шульдц, курган В-4; 13 — Хаякальский могильник, погребение 56; 14 — могильник Кара-Оба, курган 9; 15 — Хавкальский могильник, погребение 62; 16 — Бережновский могильник II, курган 20; 17 — окрестности г. Нальчик, разрушенный курган; 18 — случайная находка в Северной Осетии

Иное дело — широкая распространенность зеркал у всех без исключения сарматских племен и групп, у которых на протяжении всей их истории зеркала составляли важный элемент материальной и духовной культуры⁷. Сарматы так называемого сусловского этапа (II в. до н. э. — I в. н. э.) не были в этом смысле исключением: в их могилах зеркала встречаются «особенно часто»⁸. Излюбленным типом сарматского зеркала в IV — I вв. до н. э. являлись массивные и большие зеркала с валиком по краю на тыльной стороне и с боковой ручкой-штырем или длинной плоской ручкой. Именно у сарматов бытовала и крайне важная для нашей темы разновидность традиционных зеркал: зеркала с валиком по краю и с коническим утолщением в центральной части (тип VIII по А. М. Хазанову), т. е. оформление их корпуса (за исключением большого размера) аналогично основным признакам корпуса зеркал-подвесок варианта I (рис., 3).

В свое время П. Рау высказал предположение, что такие зеркала составляли особенность сарматских памятников Кавказа и Кубани, а в Поволжье они якобы попадали в виде исключения⁹. А. М. Хазанов опроверг это мнение, показав, что из известных ему 12 зеркал типа VIII всего лишь 2 найдены в Прикубанье, тогда как 7 — в Поволжье, а остальные 3 — в Северном Причерноморье¹⁰. Последующие исследования подтвердили этот вывод¹¹. Находки же аналогичных зеркал в сарматизованных могильниках Средней Азии — лишнее свидетельство в пользу их широкой популярности именно в степях Северного Прикаспия, где между прочим некоторые зеркала такого типа получают и оригинальное декоративное оформление: их валик по краю украшают фасетками. Зеркала типа VIII были наиболее распространены в начале новой эры у сарматов Поволжья и, вероятно, именно от них попадали к населению Прикубанья, Танаиса, Подольщины, Средней Азии, Ирана и т. д.

М. П. Абрамова, специально занимаясь среднесарматской культурой, датировала все сарматские зеркала с валиком по краю и конической вы-

пуклостью в центре I—II вв. н. э.¹², а затем и А. М. Хазанов уверенно заявил: «Все зеркала VIII типа бытуют в одно и то же время, в I—II вв.»¹³. Такая датировка создала впечатление, что зеркала типа VIII не могли служить прототипом зеркал-подвесок варианта I, исходные образцы которых принадлежат I в. до н. э. Но мнение это ошибочно. Еще в 1963 г. М. Г. Мошкова выделила среди сарматских зеркал прохоровской культуры зеркала с валиком по краю, конической выпуклостью на оборотной стороне диска и боковой ручкой (штырем или плоской), аргументированно отнеся их к III—II вв. до н. э.¹⁴ Опубликованы еще и зеркала с валиком, но без выпуклости, на месте которой помещен имитирующий ее орнамент. Весьма важно, что зеркала типа VIII в III—II вв. до н. э. известны на всей сарматской территории — от Нижнего Дона до верховий Урала. М. Г. Мошкова вполне основательно предполагает их местное производство, считая, что подобные зеркала из памятников V—IV вв. до н. э. более восточных районов (типа находок в Пазырыке, Мечет-Сае, лесостепном Зауралье) послужили образцами для этой группы сарматских зеркал. В свою очередь К. Ф. Смирнов, относя такие зеркала к «прохоровскому типу», привлекает их редкие находки в Северном Причерноморье для доказательства действительности сарматского влияния по крайней мере с III в. до н. э.¹⁵

Наше внимание к только что описанным зеркалам мотивировано задачей установления генезиса зеркал-подвесок варианта I. Ведь в конечном счете единственное конструктивное отличие последних от рассмотренных сарматских зеркал состоит (кроме размера) в том, что традиционно сарматский черенок для насаждения деревянной (или костяной) рукоятки, или плоская ручка без оправы, превратился в боковую ручку с отверстием для подвешивания, и зеркала начали подвешивать на пояс или носить на шее¹⁶. Последнее повлекло быстрое уменьшение зеркал в среднем до 4—6 см, ибо носить в подвешенном на шнуре состоянии зеркала средним диаметром 15—18 см крайне неудобно.

Важно подчеркнуть, что эта эволюция прослеживается в связи с генезисом культуры именно северокавказских сарматов, но не абorigineво-кавказцев. В сарматских курганных могилах III—I вв. до н. э. Предкавказья хорошо известны зеркала с боковой ручкой и валиком по краю. Здесь же отмечен случай, когда ручка достаточно большого (диаметр не менее 13 см) зеркала с валиком приобретает отверстия, что абсолютно не свойственно ранним сарматским зеркалам и знаменует, на наш взгляд, шаг к превращению исконной формы сарматского зеркала в зеркало-подвеску (рис., 17). И, наконец, именно в сарматском погребении кургана у хут. Зубовского, твердо датированном I в. до н. э., найдено самое раннее из зеркал-подвесок варианта I (рис., 4)¹⁷.

Зубовское зеркало диаметром (10,5 см) и траптовкой корпуса (выпуклина широка и невысока), а особенно — ручки (она неудобно длинна для зеркала-подвески), близко еще традиционным сарматским зеркалам, но маленькое круглое отверстие у корпуса не оставляет сомнений, что это уже зеркало-подвеска.

Почти тождественно зубовскому и зеркало из погребения 5 Карабудахкентского могильника I (рис., 5). Это зеркало К. Ф. Смирнов справедливо считает более ранним, нежели прочие зеркала этого же некрополя I—II вв. н. э., и датирует его еще I в. до н. э.¹⁸ Карабудахкентское зеркало-подвеска необычайно близко поволжско-сарматским зеркалам типа VIII¹⁹, что свидетельствует в пользу нашего построения.

Зеркало переходного типа от зубовско-карабудахкентских образцов к классическим зеркалам-подвескам варианта I найдено у с. Брута (Северная Осетия) в комплексе вещей не позднее середины I в. н. э.²⁰

Следовательно, ранние зеркала-подвески зафиксированы на равнинах Северного Кавказа повсеместно, что закономерно приходится объяснять сарматским, а не горнокобанским влиянием. М. П. Абрамова признает, что

ранние прототипы зеркал-подвесок известны не в Кобани, а на территории Прикубанья, где они «занимают промежуточное положение» между зеркалами варианта I и «крупными зеркалами с валиком и утолщением в центре (тип VIII по А. М. Хазанову)»²¹. Но, не называя зеркала типа VIII сарматскими, она умалчивает и о сарматской принадлежности захоронения в Зубовском кургане, где встречен самый яркий прототип зеркал варианта I, оставляя читателю право в свете кавказской версии их происхождения считать все названные исходные формы кавказскими, т. е., по терминологии М. П. Абрамовой, аборигенными.

В действительности же сарматы Северного Кавказа поддерживали тесные связи с местными племенами, но сохраняли основу своей культуры. В этих контактах, как мы полагаем, и таится объяснение того, что именно предкавказские сарматы создали зеркала-подвески. А. М. Хазанов подыскивал далекие восточные прототипы для сарматских зеркал-подвесок. Но никто прежде не придавал значения тому, что большие (12—17 см) бронзовые богато орнаментированные зеркала-подвески широко бытовали у меотов Прикубанья в III — первой половине I в. до н. э., составляя около 40% всех используемых ими зеркал²². Эти прикубанские зеркала, отличаясь от сарматских, имеют определенные черты сходства с зеркалами-подвесками зубовско-карабудахентского типа (I в. до н. э.) (рис., 1, 2). Таким образом, можно думать, что соседние и хорошо знакомые сарматам Предкавказья меоты дали дополнительный стимул для создания зеркала-подвески. Это, однако, не меняет того факта, что тип зеркал-подвесок варианта I сложился на базе сарматских зеркал и у самих сарматов Предкавказья. Среди этих сарматов, по нашему мнению, вплоть до начала нашей эры задавали тон сираки и подвластные им племена, находившиеся в напряженных отношениях с прочими сарматами²³. Не в этом ли разгадка того, что зеркала-подвески варианта I возникли, распространились и господствовали именно у сарматов Северного Кавказа, в то время как подонско-поволжские сарматы предпочитали использовать традиционные крупные зеркала с ручкой-штырем, что и способствовало сохранению у них зеркал типа VIII вплоть до конца II в. н. э.²⁴

Зеркала-подвески очень скоро (к I в. н. э.) проделали путь от крупных к наиболее рациональным мелким (диаметром 6—7 см) образцам. Облик их (несмотря на большое разнообразие деталей) в целом становится весьма стандартным. Утилитарные достоинства (меньший расход металла, преимущество отливки в малой форме, удобный размер и способ ношения), а также и подготовленное прежними веками сармато-кавказских связей «общественное мнение» в пользу применения в быту бронзовых зеркал заставили кавказцев (причем, конечно, отнюдь не только кобанцев, но и прикубанские и северодагестанские племена) производить зеркала новой формы, которая привилась не только у самих сарматов Предкавказья, но и у их кавказских соседей.

Число учтенных нами зеркал-подвесок варианта I на Северном Кавказе составляет 110. Памятники, в основе своей кобанские, дают нам 56 находок (чуть больше 50%), меотские — около 15 (около 13%), ичкеринско-дагестанские — 22 (около 20%) и собственно сарматские (катакомбы, впускные и основные подкурганские погребения) — 16 (около 15%). Как будто бы преобладание кобанских зеркал налицо²⁵. Но надо учитывать, что кобанские районы изучены гораздо лучше, чем все иные²⁶, и этим может объясняться такая статистика.

Таким образом, сарматское происхождение зеркал-подвесок варианта I выглядит вполне правдоподобным и получает дополнительные обоснования. Производство же большинства из них в кавказских металлургических мастерских (разумеется, не только кобанских, но и прикубанских, северодагестанских)²⁷ и даже из кавказского металла²⁸ вполне вероятно, как и то, что они служили предметом импорта в Северное Причерноморье и в области Северного Прикаспия.

В пользу изложенного свидетельствуют и редчайшие зеркала-подвески варианта III («совершенно гладкие; неорнаментированные» по М. П. Абрамовой). Мы не можем согласиться с датировкой их II—III вв. н. э. и с трактовкой как производных «от более ранних профилированных (I варианта) зеркал кавказского типа»²⁹. Вновь напомним, что ни бережновское, ни карабудахкентское зеркала, на дате которых строит свои выводы М. П. Абрамова, не относятся к варианту III зеркал-подвесок³⁰. Зеркало же из кургана 23 могильника «Три брата»³¹ чрезвычайно близко недавней находке (рис., 15) в погребении 62 Ханкальского 2 городища (Чечено-Ингушетия)³². На основании выразительных образцов посуды и общей характеристики этого своеобразного памятника погребение 62 датируется временем не позднее I в. н. э., а возможно, и рубежом нашей эры. Следовательно, ханкальское зеркало, достоверно относящееся к варианту III, оказывается синхронным времени сложения зеркал-подвесок варианта I. Надо думать, что гладкие неорнаментированные зеркала-подвески с плоской ручкой и неправильно круглой формой диска генетически не связаны с зеркалами-подвесками варианта I³³, но, будучи синхронны им, развиваются параллельно от более ранних сарматских пластинчатых (плоских) зеркал с небольшой боковой ручкой (тип VII по А. М. Хазанову). Их превращение в зеркала-подвески шло у сарматов обычным путем устройства отверстия в традиционной ручке (рис., 14, 15).

Во II в. н. э. зеркала-подвески на всех территориях их бытования приобретают орнамент на оборотной стороне. Важно заметить, что на многих из них орнаменты непосредственно связаны с сарматскими тамгообразными знаками и орнаментальными мотивами. Основной состав северокавказских коллекций подобных зеркал II—III вв. н. э. — не исключение. И это вновь доказывает действенность именно сарматских культурных воздействий на генезис данной категории предметов.

* Статья представляет собой сокращенный вариант доклада, прочитанного 1 февраля 1974 г. на заседании Сектора скифо-сарматской археологии ИА.

¹ Хазанов А. М. Генезис сарматских зеркал. — СА, 1963, № 4, с. 58—70.

² Абрамова М. П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры. — Сб.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 121—132.

³ Барцева Т. Б. Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа. — Сб.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 133—138.

⁴ Ср.: Гвоздецкий К. А. Физическая география Кавказа. М., 1954, с. 39, 90, 118; Рыжиков В. В. География Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, с. 7; Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 104, 105; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 6, 7; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 231, 232 и др.

⁵ Базируясь на материалах, известных к 1970 г., мы можем без малого удвоить количество зеркал-подвесок типов I и II, учтенных М. П. Абрамовой для некобанских районов Центрального и Северо-Восточного Кавказа (соответственно не 23, а 42, и не 11, а 20).

⁶ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 135 сл.; Виноградов В. Б., Рунин А. П. Новые данные по археологии Северного Кавказа. — АЭС, 3, с. 119, рис. 17.

⁷ Хазанов А. М. Генезис сарматских зеркал, с. 58—70; он же. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов. — СЭ, 1964, № 3.

⁸ Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э. — СА, 1959, № 1, с. 65.

⁹ Rau P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, S. 91.

¹⁰ Хазанов А. М. Генезис сарматских зеркал, с. 64. Автор говорит о 13 зеркалах, но карабудахкентское зеркало из погребения 5 ошибочно отнесено к этому типу, ибо является зеркалом-подвеской.

¹¹ Максимов Е. К. Ново-Липовские курганы. — АО 1968 г. М., 1969, с. 156; Минаева Т. М. К истории Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 126; Заднепровский Ю. А. Находки зеркал сарматского типа в Северном Иране. — Сб.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 133—139.

¹² Абрамова М. П. Сарматская культура..., с. 65; она же. Культура сарматских племен поволжско-приднепровских степей II в. до н. э. — I в. н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1962, с. 6.

- ¹³ *Хазанов А. М.* Генезис сарматских зеркал, с. 64.
- ¹⁴ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. — САИ, Д1-10, 1963.
- ¹⁵ Там же, с. 42, 43; *Мошкова М. Г., Генинг В. Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири. — Сб.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 110; *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию. — ПСА, с. 194, 195.
- ¹⁶ *Хазанов А. М.* Религиозно-магическое понимание... с. 73 сл.
- ¹⁷ *Думберг К. Е.* Раскопки кургана на Зубовском хуторе Кубанской области. — ИАК, 1, 1900, с. 93—103.
- ¹⁸ *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у селения Карабудахкент. — МАД, II, 1961, с. 207.
- ¹⁹ Сходство столь велико, что породило путаницу. Так, *К. Ф. Смирнов, А. М. Хазанов, В. Б. Виноградов* относили карабудахкентское зеркало к армавирским зеркалам типа VIII. Ошибается и *Т. М. Минаева*, когда относит карабудахкентское и зубовское зеркала к тем же армавирским находкам зеркала типа VIII, а новое зеленокумское зеркало сопоставляет с ними всеми, а также с **брутским зеркалом** (*Минаева Т. М.* К истории Прикубанья..., с. 124—126). Ср.: ОАК за 1902 г., с. 87; за 1903 г. — с. 102.
- ²⁰ *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 204, рис. 30. В этой книге брутский комплекс находок ошибочно приписан подкурганной катакомбе, раскопанной *С. С. Кусаевой*. Между тем он связан с разрушенным погребением в окрестностях с. Брута.
- ²¹ *Абрамова М. П.* Зеркала..., с. 126, 131.
- ²² *Анфилов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. — МИА, № 23, 1951, с. 184, рис. 13, 7, 8; *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник. — МИА, № 60, 1959, с. 436.
- ²³ *Виноградов В. Б.* Сиракский союз племен на Северном Кавказе. — СА, 1965, № 1, с. 108—121; он же. Локализация Ахардея и сиракского союза племен. — СА, 1966, № 4, с. 38—50; *Петренко В. А.* Сарматские двуручные канфаровидные сосуды Северного Кавказа. — Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 41, 42 и др.
- ²⁴ Меотские зеркала описанного типа изредка встречаются и в Поволжье (*Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. — МИА, № 60, 1959, с. 238; *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник..., с. 434—436). Однако там они были единичны и не изменили общей моды.
- ²⁵ В подсчеты не включены полностью неопубликованные материалы раскопок после 1970 г.
- ²⁶ *Абрамова М. П.* Зеркала..., с. 132.
- ²⁷ *Мамаев М.* К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища. — Уч. зап. ИИЯЛ, 19, 1969, с. 215; *Барцева Т. Б.* Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке. — СА, 1974, № 1, с. 32—36.
- ²⁸ Состав металла не может считаться безупречным признаком места производства, ибо и металл импортировался, и вещи переплавлялись по мере необходимости в руках новых владельцев.
- ²⁹ *Абрамова М. П.* Зеркала..., с. 131.
- ³⁰ Ср.: *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана. — МИА, № 60, 1959, с. 76, рис. 23,2 и 28,5; *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 216, 218, рис. 40, 64.
- ³¹ *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области. — СА, I, 1936, с. 152, рис. 19; *Хазанов А. М.* Генезис сарматских зеркал, с. 66, рис. 4, 1.
- ³² Раскопки *В. Б. Виноградова* и *В. А. Петренко* в 1970 г. (см. отчет в архиве ИА).
- ³³ Иное дело — редчайшие зеркала-подвески, сохраняющие валик по краю, но теряющие коническую выпуклость в центре (рис., 9). Мы знаем всего три таких зеркала (Березновка II, «Три брата», Урус-Мартан). Но они — разновидность варианта I, если не особый вариант, не получивший распространения.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Г. АЛИЕВ

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГЕМИГАИ

Гемигая — самая высокая вершина Малого Кавказа. Она расположена на высоте 3900 м над уровнем моря, севернее г. Ордубад на территории Нахичеванской АССР. На живописных западных склонах горы рассыпано большое количество черных, отполированных до зеркального блеска скал. На первый взгляд кажется, что эти камни специально отшлифованы человеческой рукой. По мнению геологов, эти глыбы — остатки разрушившихся в третичном периоде скал.

В 1968 г. при археологических разведках, проведенных нами на западном склоне горы Гемигая, обнаружено около 50 наскальных изображений: фигурки людей и животных, астральные символы, условные знаки. Рисунки размещены по одному, по два или же группами.

Основную часть рисунков составляют изображения коз. Некоторые из них — с привязью (рис. 1). Есть рисунки хищных зверей и собак.

Особое внимание привлекает сцена охоты. Охотник расставил ноги,

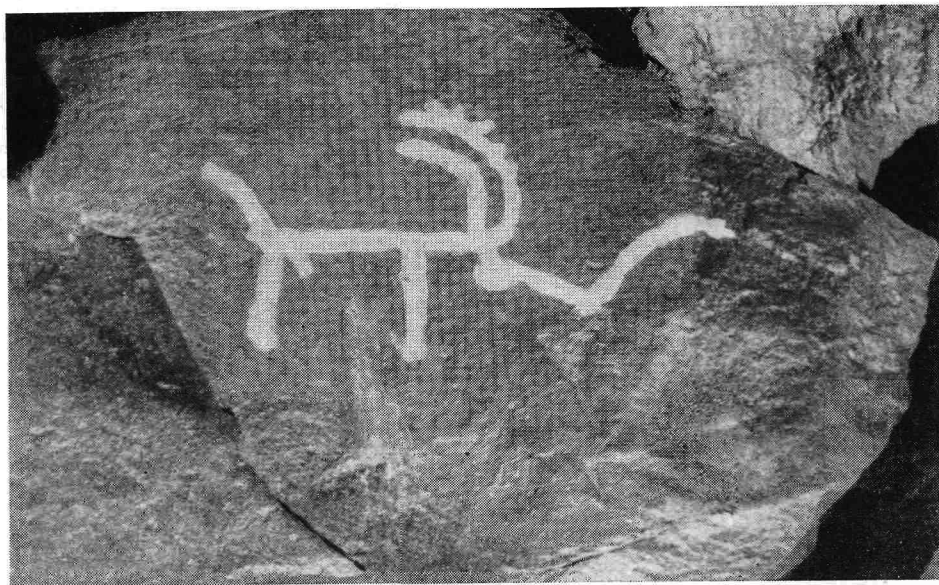

Рис. 1. Гемигая. Изображение козы

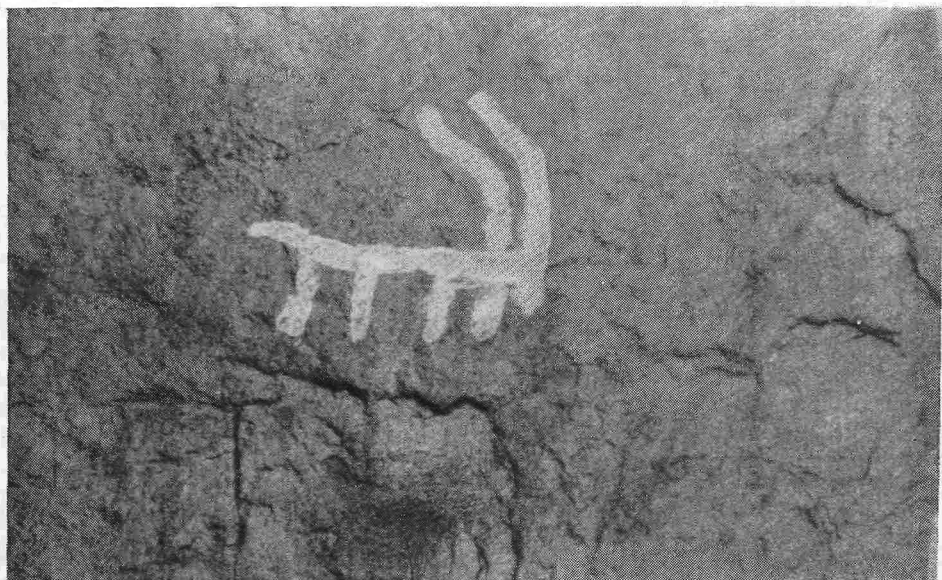

Рис. 2. Гемигая. Сцена охоты

Рис. 3. Гемигая. Изображение козла

правая рука его, только что выпустившая стрелу, оттянута в сторону, в левой — лук. Выпущенная стрела пронзила грудь козла. На шею охотник набросил аркан (рис. 2).

Второе композиционное изображение — танцующие люди. В центральной части рисунка — небольшой круг, от которого отходят в стороны короткие линии. Возможно, древние художники изобразили таким образом огонь или солнце. Вокруг этого круга-солнца показаны танцующие люди. Первый человек изображен с рогами. Видимо, это жрец, который ведет танец. Другие люди следят за ним, повторяют его движения. Здесь же рядом — изображение козла (рис. 3).

На Гемиге часто встречаются и различные условные знаки — трезубцы, якоробразные рисунки, кружочки и др. — возможно, древние пиктограммы.

Наскальные изображения Гемиги находят аналогии среди рисунков Кобыстана¹, Апшерона и Кельбаджара². На основе сопоставлений с материалами Кобыстана и Апшерона наиболее древние рисунки Гемиги можно отнести ко второй половине II тысячелетия до н. э.

Другая часть рисунков относится к I тысячелетию до н. э., а некоторые — к началу нашей эры и средним векам. Это более схематические и небрежно выполненные изображения.

Из археологических исследований известно, что яйлажные пастбища Малого Кавказа были основной базой, обеспечивающей потребности скотоводческих племен. Гора Гемигая и окружающее ее горное плато в этом отношении были очень благоприятны. Вероятно, наскальные изображения Гемиги созданы древними племенами Нахичевана, населявшими эти места в летние сезоны. Для более полной характеристики рисунков Гемиги надо провести широкие археологические исследования.

¹ Джафарзаде И. М. Гобустан. Баку, 1937.

² Эти наскальные изображения исследуют Г. М. Асланов и Г. С. Исмаилов.

А. В. КУЙБИШЕВ

ДРЕВНИЕ СТОЯНКИ КУЛУНДЫ

Район Кулундинской лесостепи до недавнего времени был почти не изучен в археологическом отношении. В 1969 и 1970 гг. Западно-Сибирский отряд ИА АН СССР под руководством М. Ф. Косарева провел археологические разведки в Карасукском районе Новосибирской области, в бассейне р. Карасук. Открыто более 20 местонахождений керамики и каменных орудий, в том числе три стоянки с культурным слоем. Разведочные раскопы были заложены на стоянках Мелкое II и Шилова-Курья. В 1971 г. Кулундинская группа Западно-Сибирской экспедиции продолжила исследование стоянок Шилова-Курья и Мелкое II. Описанию этих памятников, а также материалу, собранному на стоянках Мелкое I и Благодатное, и посвящена настоящая заметка.

Древние кулундинские поселения, как правило, располагались по берегам проточных озер с относительно постоянным водным режимом. Стоянки встречены только на тех озерах, где кроме впадающей в озеро реки имелась и впадающая в озеро протока — «курья», т. е. в местах, удобных для запорного рыболовства. На непроточных озерах и на берегах р. Карасук находили отдельные кремневые изделия, но при шурфовке не было обнаружено ни новых находок, ни культурного слоя.

Стоянка Мелкое I находится в 18 км к востоку—северо-востоку от г. Карасук, на берегу проточного озера Мелкое, между дер. Мелкое и впадением в озеро р. Карасук. Культурный слой стоянки нарушен идущей вдоль берега дорогой. Собран подъемный материал. Большею частью это скребки на отщепях (рис. 1, 1—3), часто с высокой спинкой; концевые скребки (рис. 1, 4); ножевидные пластины, часто с подработкой края; нуклеусы (рис. 1, 7) и отщепы. Скребки изготовлены на отщепях, реже — на концах ножевидных пластин. Несколько скребков сделано на расколотых вдоль нуклеусах. Керамики нет. Арханческий облик каменного инвентаря, скребки с высокой спинкой, наконечники стрел на ножевидных пластинах, преимущественно с односторонней обработкой лезвия (рис. 1, 6), и отсутствие керамики позволяют предположительно датировать этот памятник концом мезолита или ранней стадией неолита.

Стоянка Мелкое II расположена в 3 км к северо-востоку от дер. Мелкое, на левом берегу курьи Черной, в 500 м от впадения ее в р. Карасук. В 1970 г. на площади памятника были заложены два небольших (9 и 18 кв. м) раскопа и несколько разведочных траншей. В 1971 г. заложен третий раскоп площадью 60 кв. м и проведены две разведочные траншеи.

Темный гумусированный культурный слой начинался под дерном, с глубины 10—15 см, достигал мощности 30—35 см. В раскопе 1 у кромки берега курьи материк появился на глубине 65—70 см. Здесь на глубине 60 см было обнаружено скопление каменных орудий — шлифованный топорик из зеленоватой сланцевой породы, несколько скребков и обломок наконечника стрелы (рис. 1, 8—10, 13).

В раскопе 2 и в разведочных траншеях 1970 г. встречены скребки, отщепы, ножевидные пластины, стрела (рис. 1, 11, 12, 14) и кости крупных

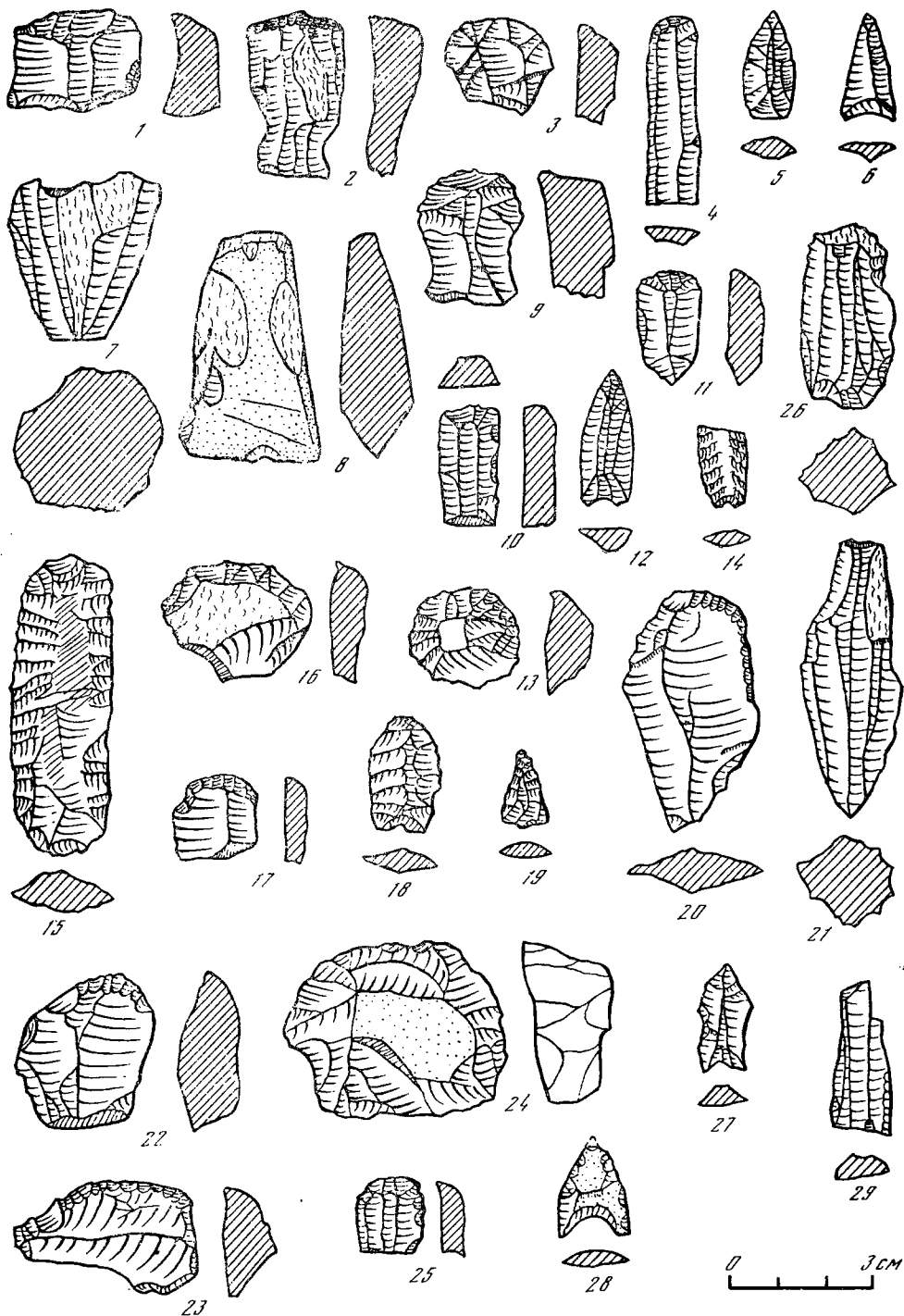

Рис. 1. Камешный инвентарь Кулундинских стоянок

1-7 — Мелкое I; 8-14, 24-29 — Мелкое II; 15-19 — Благодатное; 20-23 — Шишова-Курья

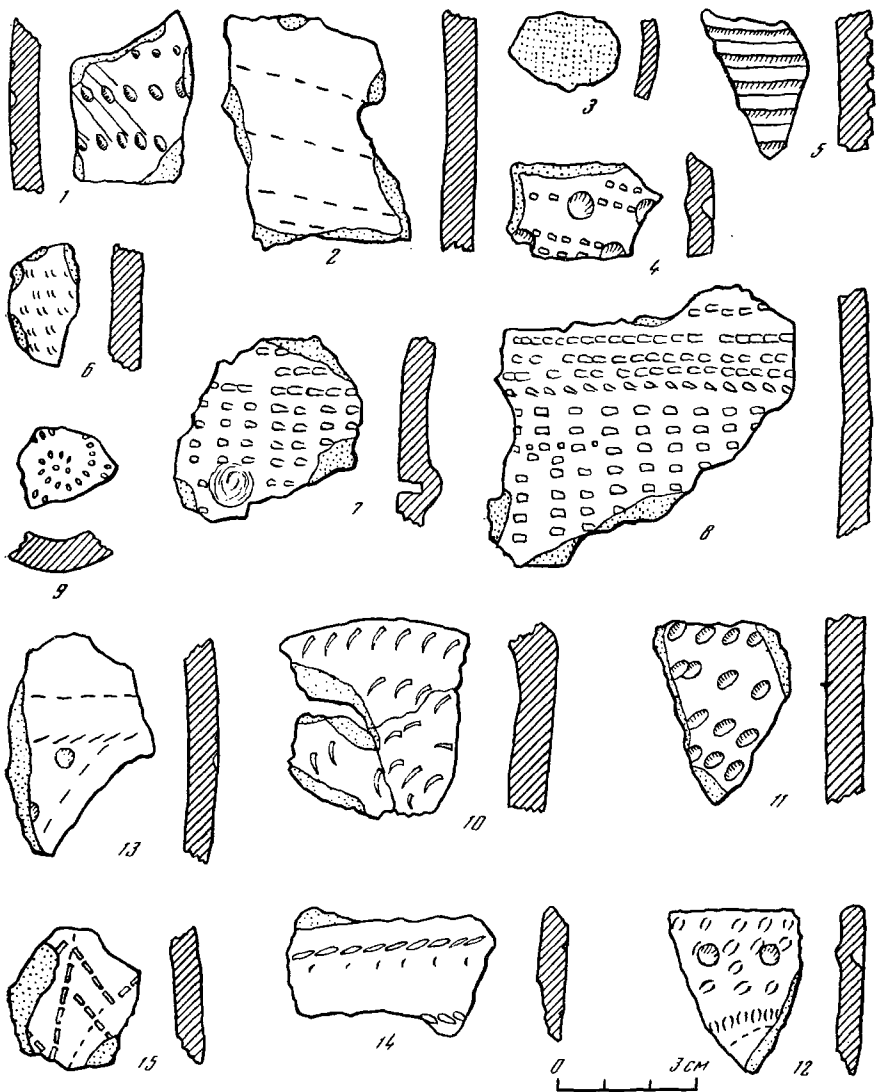

Рис. 2. Керамика Кулундинских стоянок
1-3, 13-15 — Мелкое II; 4-12 — Шилова-Курья

копытных животных. Керамика из первого горизонта (глубина 10—20 см) украшена ямочным орнаментом, один фрагмент — с псевдоплетеночным узором, выполненным мелкозубой гребенкой. На глубине 20—40 см найдена керамика, украшенная горизонтальными пунктирными линиями (рис. 2, 1—3).

В раскопе 3 культурный слой серо-бурого цвета также имеет толщину 30—35 см. В южной части раскопа на площади 2 кв. м по всей толщине культурного слоя зафиксирована линза грунта с интенсивной черной окраской. Большинство находок встречено на глубине от 20 до 40 см. В восточной части раскопа встречено пять скопления керамики. В каменном инвентаре преобладают скребки на отщепе (58), концевые скребки (18) и ножевидные пластины с подработкой (13) (рис. 1, 24—26). Встречено семь наконечников стрел, в основном треугольной формы, с глубокой выемкой в основании, в большинстве случаев с односторонней обработкой (рис. 1, 27, 28). Найдено также изделие из серого шлифованного сланца, трехгранное в сечении, с глубоким продольным пропилом на одной

из граней. Судя по залощенности пропила, это изделие могло применяться для изготовления сухожильных ниток. Интересны подвески: одна из них — просверленный клык хищника; две другие — овальной формы, с отверстием посередине — изготовлены из толстой (2,5 мм) раковины.

Костяные изделия представлены остроконечником из трубчатой кости длиной 20 см и заостренным стержнем длиной 5 см.

Керамика в основном плохой сохранности. Характерный орнамент — ямки, пунктирные линии, «мелкая гребенка» и «ложный шнур» (рис. 2, 13—15). Тесто керамики иногда содержит растительную примесь. Толщина стенок от 5 до 8 мм.

В раскопе и траншеях обнаружено большое количество костей копытных животных. Osteологический материал раскопок 1970—1971 гг. свидетельствует о возможности существования животноводства у обитателей стоянки¹.

Вид	Общее число костей	Число особей
Лошадь	79	4
Крупный рогатый скот	11	3
Мелкий рогатый скот	2	2
Лось	8	3
Хорь	1	1
Птица	4	1

Вероятно, хозяйство древних кулундинцев было комплексным и совмещало зачаточное скотоводство с рыбной ловлей (найденно два скопления крупных костей рыб) охотой и собирательством, так как в условиях лесостепи ни один из названных видов добывания пищи не мог в отдельности обеспечить надежных запасов продовольствия.

Шилова-Курьинская стоянка расположена в 11 км к северо-востоку от г. Карасук на северном берегу проточного оз. Шикалово, в 300 м от места впадения в него курьи. Стоянка раскапывалась в 1970 и 1971 гг. Здесь был заложен раскоп и проведено пять траншей общей площадью около 180 кв. м. Темный гумусированный культурный слой начинался под дерном, на глубине 10 см, имел мощность 35—50 см и подстилался материковым суглинком. В северной части раскопа культурный слой начался на глубине 30 см. Таким образом, горизонт с находками имеет некоторый уклон от берега озера. Основная масса находок встречена на глубине 20—40 см.

Найдены каменные орудия — семь скребков на отщепях, три нуклеуса, восемь ножевидных пластин (рис. 1, 20—22) и более 120 фрагментов керамики. Характерный орнамент — горизонтальные ряды продолговатых ямок, ряды «отступающей гребенки», отпечатки расщепленной палочки в виде кавычек. Найдены фрагмент круглого дна со спиральным узором из мелких ямок, два фрагмента дна плоскостонных сосудов, один из них с ногтевым орнаментом (рис. 2, 7—12). Толщина стенок сосудов 5—8 мм.

В раскопе замечено много мелких обломков кальцинированных костей. В разведочных траншеях, кроме аналогичного инвентаря, найдены два наконечника стрел: один — треугольный, другой — иволостной формы.

Местонахождение у оз. Благодатное находится в 18 км к северо-востоку от г. Карасук. На протяжении 3 км вдоль берега озера найдены тщательно обработанный вкладышевый нож, два наконечника стрел, скребки, пластины и отщепы (рис. 1, 15—19), немногочисленные обломки сосудов с орнаментом из ямок и рядов «отступающей гребенки».

Керамика со стоянок *Шилова-Курья*, *Мелкое II* и с озера *Благодатного* по общему облику, по технике нанесения и композиции орнамента сходна с поздненеолитической и энеолитической керамикой *Верхнего Приобья*² и *Томского могильника*³. Керамика, похожая на кулундинскую, встречена также на *Омской*⁴ и *Екатерининской* стоянках⁵.

Близость этих керамических групп проявляется в наличии как круглодонных, так и плоскодонных сосудов (преобладают плоскодонные), в орнаментации днищ и технике нанесения орнамента (отступающая палочка, отступающий гребенчатый штамп, ряды ямок).

Значительное сходство наблюдается и в каменном инвентаре. Стрелы треугольной формы с выемкой в основании характерны как для стоянки Мелкое II, так и для Кипринского поселения⁶ и Омской стоянки⁷. Стрелы миндалевидной формы с закругленным основанием встречены на Омской стоянке, на Ирбинском и Кипринском поселениях, на Екатерининской стоянке и в Томском могильнике.

На стоянке Мелкое II был найден клювовидный шлифованный нож из зеленосланцевой породы. Два таких же ножа, сделанных из зеленого сланца, есть в материалах Кипринской стоянки на Верхней Оби и один — в материалах Екатерининской стоянки на Иртыше⁸.

Такое сходство свидетельствует об этнической и культурной близости племен, заселявших лесостепную и южнотаежную зоны Приобья и Прииртышья в эпоху позднего неолита и раннего металла. Каменный инвентарь и керамику стоянок Шилова-Курья и Мелкое II предварительно можно датировать поздним неолитом или энеолитом, т. е. концом III—началом II тысячелетия до н. э. Стоянка Мелкое I относится, вероятно, к более раннему времени.

Следует отметить некоторые особенности кулундинских стоянок по сравнению со стоянками таежной зоны.

Для кулундинских стоянок характерно преобладание скребков и подработанных ножевидных пластин (их, очевидно, применяли как вкладыши). Показательна в этом отношении стоянка Мелкое I. На таежных стоянках Западной Сибири каменные орудия более разнообразны, а пластины-вкладыши встречаются редко. Еще одна особенность стоянок бассейна р. Карасук — небольшое количество отщепов. Соотношение орудий, необработанных пластин и отщепов на стоянках показывают следующие данные (с учетом подъемного материала):

Стоянки	Скребки	Концевые скребки	Ножевидная пластина с подработкой	Наконечники стрел	Прочие орудия и заготовки	Ножевидные пластины	Отщепы	Соотношение
Благодатное	8	2	—	2	3	4	20	15/24*
Мелкое I	118	15	34	11	61	115	190	238/305
Мелкое II	92	24	25	9	21	114	495	171/609
Шилова-Курья	40	7	4	3	15	32	130	69/162

* В числителе — орудия; в знаменателе — необработанные пластины и отщепы.

Таким образом, соотношение орудий и необработанных отщепов на кулундинских стоянках колеблется от 5 : 6 (Мелкое I) до 3 : 10 (Мелкое II). В таежных районах Западной Сибири это соотношение иное. Так, на поздненеолитической Лавровской стоянке в Томской области соотношение каменных орудий и отщепов составляет приблизительно 1 : 30. Такое незначительное количество отщепов можно объяснить тем, что каменное сырье в Кулундинской лесостепи было привозным, ценилось очень высоко, и в работу шло большинство отщепов, а отходы обработки камня сводились к минимуму.

Замечательно также разнообразие каменного сырья, из которого изготовляли орудия. Это всевозможные разновидности кремня, различные яшмовые породы, кварциты, окремненные известняки, сланцы и т. д. Интересно, что в таежных районах Западной Сибири для изготовления охотничьего и бытового инвентаря в это время использовался преимущественно кремнистый сланец.

В отличие от рыболовецко-охотничьего хозяйства обитателей таежной зоны с их относительно долговременными стоянками, у обитателей степных и лесостепных стоянок хозяйство имело другой характер. Они были вынуждены вести более подвижный образ жизни, чем и объясняются малые размеры стоянок, небольшая мощность культурного слоя и слабая насыщенность его находками, а также крайняя малочисленность керамики.

- ¹ Osteологический материал определен в лаборатории ИА АН СССР В. П. Данильченко.
- ² Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья. — КСИА, 64, 1956, рис. 40—42.
- ³ Комарова М. Н. Томский могильник, памятник историн древних племен лесной полосы Западной Сибири. — МИА, № 24, 1952, с. 13, рис. 5.
- ⁴ Матющенко В. И. Омская стоянка. — Уч. зап. Томского государственного университета, 60, 1966, с. 80—84, табл. I.
- ⁵ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, № 35, 1953, с. 32, 33, табл. X; XI.
- ⁶ Комарова М. Н. Неолит..., с. 95.
- ⁷ Матющенко В. И. Омская стоянка, табл. II.
- ⁸ Чернецов В. Н. Результаты археологической разведки в Омской области. — КСИА, XVII, 1947, с. 85.

В. КВИЦИНИЯ

АНТИЧНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В С. АТАРА

В с. Атара Абхазской АССР в 1971 г. было обнаружено погребение в неглубокой (40 см) вытянутой четырехугольной яме (2,4×1,25 м), ориентированной по оси север—юг. По краям могильной ямы были уложены в один ряд булыжники. Дно ямы, вымощенное плотно подогнанной галькой, представляло собой каменную площадку, связанную на концах с наружной обкладкой. В слое, покрывавшем погребение, найдены фрагменты плоской импортной черепицы.

Поверх галечной вымостки на дне могильной ямы обнаружен сплошной черный слой угля и золы, в котором находился погребальный инвентарь. У южного конца ямы, в средней части площадки, лежали друг на друге два калиптера, под нижним калиптером — фрагмент чернолакового блюда, по сторонам от него — два железных гвоздя. У северного края могильной ямы лежали еще три калиптера, под одним из них — амфориск. В северо-западном углу ямы в наклонном положении стоял небольшой орнаментированный кувшинчик. В черном углистом слое вокруг северной группы предметов найдены 138 бусин и обломок железного браслета.

Металлические предметы, в отличие от керамики, несут на себе следы огня. Бусы и керамические предметы, видимо, были положены в могилу уже после трупосожжения. Судя по мощному слою угля и золы, покрывавшему галечную подстилку дна могильной ямы, кремация была произведена непосредственно на месте захоронения.

На территории Абхазии применение обряда кремации зафиксировано неоднократно¹. Однако захоронение с обрядом полного трупосожжения в вытянутой четырехугольной могильной яме открыто впервые.

Галечная вымостка встречена во многих одновременных погребениях на территории Абхазии. Следует подчеркнуть, что вымостка дна могильной ямы галечником относится к числу древнейших общекавказских традиционных деталей погребального обряда, сохранившихся на Черноморском побережье Абхазии еще с поздней бронзы². Каменная вымостка дна могильной ямы в рассматриваемом погребении хотя и отличается от простой подсыпки, гальки, но, очевидно, является сохранением указанной традиции в более позднее время.

В рассматриваемом погребении, как уже было отмечено, найдены железные гвозди, браслет, бусы и керамика.

Гвозди имели одинаковые кнопкообразные шляпки (диаметр 1,8 см) и стержни (длина 8,6 см) четырехгранного сечения (рис. 1, 2). Вероятно, они остались от гроба, который был сожжен в могильной яме. Аналогичные гвозди встречаются на различных памятниках античности и средневековья³.

Обломок железного браслета (рис. 1, 14) имеет утолщенный конец. Сечение круглое (диаметр 6 мм). Ближайшую аналогию составляют два железных браслета из погребения в урне III—II вв. до н. э. в с. Эшера⁴. Железные браслеты с утолщенными концами по форме восходят к бронзовым⁵.

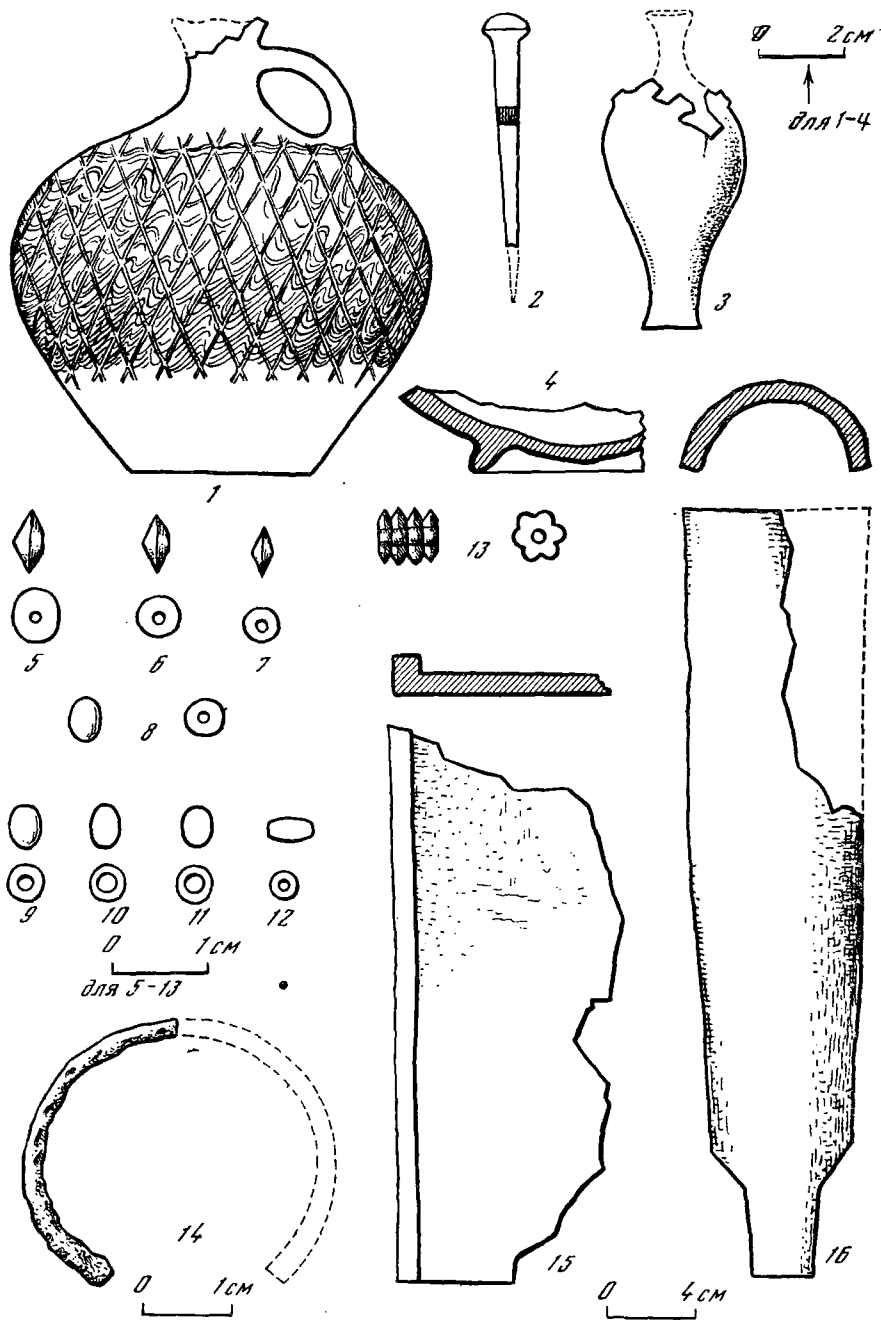

Рис. 1. Вещи из античного погребения III—II вв. до н. э. в с. Атара

1 — красноглазый кушин; 2 — железный гвоздь; 3 — амфориск; 4 — фрагмент черноглазого сосуда;
5—13 — бусы; 14 — железный браслет; 15, 16 — черепица

Среди бусин, найденных в атарском погребении, преобладают стеклянные полупрозрачные темно-синие. По форме они разделяются на два типа. К типу I относятся дисковидно-биконические (104 экз.; рис. 1, 5—7). Отличаются они друг от друга только размерами (диаметр от 0,6 до 1 см). Стеклянные бусины такой формы были распространены с VI в. до н. э.⁶

по VI—IX вв. н. э.⁷ Хронологически наиболее близки к описываемым бусины из нижних слоев Эшерского городища, которые Г. К. Шамба датирует IV—III вв. до н. э.⁸

Тип II — бочонковидные темно-синие бусины (23 экз.; рис. 1, 8). К этому же типу следует отнести пять бусинок темно-голубого и одну бирюзового цвета.

Тип III представлен двумя пастовыми бусинами (1,1 × 1,2 см) бочонковидной формы с поверхностью, разделенной глубокими поперечными и продольными бороздками (рис. 1, 13). На поверхности сохранились следы светло-голубого покрытия. В погребении 72 меото-сарматского могильника у ст. Усть-Лабинская найдена пастовая аналогичная бусина, датированная III—началом I в. до н. э.⁹

Тип IV — сердоликовая темно-красная прозрачная эллипсоидная бусина (0,7 × 0,5 см) (рис. 1, 12).

Тип V — кольцевидные стеклянные бусины с широким цилиндрическим каналом и тонким слоем золотой фольги (3 экз.; рис. 1, 9—11). Диаметр 0,5 см, диаметр отверстия 0,3 см. Самые ранние находки подобных бусин на территории Абхазии происходят из античного погребения в с. Эшера¹⁰. Бусины с золотой фольгой были распространены в Северном Причерноморье (Ольвия, III—I вв. до н. э.; Пантикапей, I—II вв. н. э.). Производство бус с металлической прокладкой освоили в Александрии в III—II вв. до н. э.¹¹

Рис. 2. Кувшин из античного погребения в с. Атара

Найденный в погребении красноглиняный кувшин (рис. 2) имеет почти сферическое тулово, узкое горлышко и плоское дно. Венчик сосуда утрачен. Овальная в сечении дуговидная ручка была верхним концом прикреплена к горлышку под венчиком, а нижним — к плечу кувшина. Значительная часть корпуса покрыта орнаментом в виде резной волны и редкими лощеными косыми линиями, образующими ромбическую сетку поверх волнистого орнамента. Поверхность горлышка и нижней части корпуса сосуда залощены. Высота кувшина 17,5 см, наибольший диаметр тулова 15,5 см, диаметр дна 8,3 см, толщина стенок 0,6 см.

Глиняные кувшины, украшенные волнистым орнаментом, поверх которого прочерчена редкая косая сетка из лощеных полос, известны из раскопок Л. Н. Соловьева в Гюэносе¹² и из античного селища в с. Эшера¹³, исследованного Б. А. Куфтиным. Памятники эти датируются IV—II вв. до н. э. Подобные сосуды известны также из погребений 17 и 28 младшей группы могильника Гуадику¹⁴, датированных в целом V—III вв. до н. э. Несколько сосудов и черепков с аналогичным орнаментом найдены при раскопках Г. К. Шамба на Эшерском городище.

Кувшины типа найденного были распространены на территории Абхазии в V—II вв. до н. э. Ареал аналогичных сосудов не установлен, но они не выходят за пределы Западной Грузии. По наблюдениям Б. А. Куфтина, подобных кувшинов нет ни в археологических материалах Прикубанья, ни южнее Очамчиры¹⁵. На наш взгляд, они имеют генетическую связь с близким по форме, но лишенным орнамента кувшином из погребения 1 на Сухумской горе¹⁶ и с сосудами из Гуадику¹⁷.

Найденный под одним из калиптеров чернолаковый фрагмент (рис. 1, 4) представляет часть кольцеобразного поддона рыбного блюда с углублением на дне. Диаметр дна 10,5 см, высота кольцевой ножки 1,8 см.

Амфориск из отощенной красно-желтой глины (рис. 1, 3) сохранил на плечиках следы ручек; горлышко отломано. Высота сохранившейся части 9 см. Установить центр производства не представляется возможным. Меньший по величине, но близкий по форме амфориск происходит из погребения 3 на Сухумской горе¹⁸, датированного IV—III вв. до н. э. Однако наш амфориск имеет более стройный корпус. Подобные амфориски больших размеров найдены в с. Эшера¹⁹, они датируются тем же временем.

Черепица, обнаруженная в погребении, плоская с загнутыми под прямым углом бортами (рис. 1, 15). Подобные широкие плоские черепицы найдены на Сухумской горе²⁰ и в одном из погребений младшей группы Красномаяцкого некрополя²¹. Они датируются V—II вв. до н. э.

В погребении найдены также калиптеры (5 экз.) из светло-красной глины с включениями черных кристаллических частиц. Полная длина наиболее сохранившегося калиптера (рис. 1, 16) равна 62 см, остальные фрагментированы. Обломки таких частиц найдены на Сухумской горе и в античном селище в с. Эшера²². В большом количестве подобная черепица представлена в позднеантичных слоях II—V вв. н. э. в Себастополе²³. Судя по составу глины, и плоская черепица, и калиптеры импортные, синопского происхождения.

Почти все калиптеры лежали желобчатой стороной вниз. Под одним из них находился фрагмент чернолаковой посуды, а под другим — амфориск. Несомненно, калиптеры были применены здесь не по прямому назначению, а для защиты мелких предметов от заполнения могильной ямы. Находки плоской черепицы могут свидетельствовать о черепичном перекрытии могилы. В раннеантичном погребении 32 Красномаяцкого некрополя найдены обломки плоской красноглиняной черепицы, служившей перекрытием²⁴.

Судя по приведенным аналогиям, комплекс атарского погребения может быть датирован временем в пределах III—II вв. до н. э.

Известные до сих пор в Абхазии памятники эллинистической эпохи, за исключением отдельных случайных находок, концентрируются в прибрежной полосе. Атарское погребение в предгорной Абхазии указывает на распространение античной культуры в глубь страны.

¹ Трапш М. М. Труды, т. II, Сухуми, 1969, с. 45—46, рис. 7, 17, 18; т. III, Тбилиси, 1971, с. 26, 45, рис. 6, 10;

Каландадзе А. Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954, с. 86, 87; Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949, с. 96.

² Трапш М. М. Труды, т. II, с. 155.

³ Трапш М. М. Труды, т. II, с. 345, табл. 47, 11—13.

⁴ Газ. «Апсны Капш», июль 1972 г.

⁵ Лукин А. Л. Археология Бзыбской Абхазии. — Труды Отдела истории первобытной культуры ГЭ, I, 1941, с. 77.

⁶ Крупнов Е. И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. — СА, 1957, № 2, с. 161, рис. 4, 19, 20.

⁷ Деопик В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы. — СА, 1961, № 3, с. 216, рис. 4, 4.

⁸ Материалы раскопок Г. К. Шамба.

⁹ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. — МИА, № 23, 1951, с. 24, рис. 14, 25.

¹⁰ Из материалов раскопок И. И. Мещанинова в Абхазии в 1934 г.

¹¹ Деопик В. Б. Классификация бус Се-

верного Кавказа. — СА, 1959, № 3, с. 55.

¹² Соловьев Л. Н. Следы древнего солевого промысла близ г. Сухуми и г. Очамчыра. — Труды Абхазского музея, 1, 1947, с. 38—40, рис. 6.

¹³ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I, с. 43, 44, рис. 12.

¹⁴ Трапш М. М. Труды, т. II, с. 258, 259.

¹⁵ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I, с. 34.

¹⁶ Каландадзе А. Археологические памятники Сухумской горы, с. 76, табл. V, 3.

¹⁷ Трапш М. М. Труды, т. II, табл. I, 10; XXXI, 4; I, 11; XXXI, 6.

¹⁸ Каландадзе А. Археологические памятники Сухумской горы, с. 78, табл. XI, 4.

¹⁹ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I, с. 31—33, табл. IV, а.

²⁰ Каландадзе А. Археологические памятники Сухумской горы, с. 80—81.

²¹ Трапш М. М. Труды, т. II, с. 281.

²² Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I, с. 16.

²³ Трапш М. М. Труды, т. II, с. 320.

²⁴ Трапш М. М. Труды, т. II, с. 281.

Г. И. СОКОЛОВ

СКЛЕП У ПОС. ПРИМОРСКИЙ НА ТАМАНИ

В 1972 г. строители совхоза «Залив», расположенного на Таманском полуострове, брали землю из кургана в 0,5 км от восточной окраины пос. Приморский и обнажили в нем каменную кладку склепа. Курган находился в 60 м справа от дороги Сенная—Тамань и в 150 м от берега Таманского залива. Высота нетронутой части кургана 4,5—5,0 м. Размеры сохранившейся насыпи достигают с севера на юг 12 м, с запада на восток — 18 м.

Курган входит в западную аллею курганов Фанагорийского некрополя и принадлежит тому ряду высоких курганов, который располагался дальше от моря.

Склеп расположен в западной части кургана. Рельеф участка свидетельствует о том, что курган был насыпан на небольшом склоне с подъемом от востока к западу. Почва в непосредственной близости от кургана и вокруг него песчаная. Грунт же в основании кургана иной — глина. Воздвигать насыпь на песке древний строитель счел нецелесообразным, и для прочности на большой участок диаметром около 18 м был насыпан слой простой глины, поверх которой был уложен слой (толщина 0,65 м) глины-белоглазки, более прочной, чем простая глина. Для предохранения насыпи кургана от сползания со склона глина-белоглазка была уложена с легким наклоном, противоположным естественному склону местности. Этот наклон особенно хорошо заметен в разрезе насыпи кургана в направлении северо-запад—юго-восток. Над глиной-белоглазкой был уложен слой мелкого морского песка (толщина около 1,5 см), а выше — суглинок, составивший основу насыпи кургана.

В насыпи кургана при зачистке бровки по линии запад—восток на глубине 1,90—2,10 м от нулевой точки в трех местах были обнаружены незначительные скопления черепков остродонных амфор и костей домашних животных. Возможно, это были участки тризн, совершавшихся в процессе возведения насыпи кургана. При зачистке бровки по линии север—юг на той же глубине обнаружены еще два небольших скопления битой посуды и костей животных. Они располагались в непосредственной близости от восточной стенки склепа. Надо думать, что здесь тризны были совершены перед окончательной засыпкой склепа, когда его свод еще слегка возвышался над частично насыпанной землей кургана.

Склеп представляет собой прямоугольное в плане сооружение размерами 5,90×4,30 м, со сводчатым входом с западной стороны высотой 1,40 м. Склеп перекрыт полуциркульным сводом, переброшенным с одной его длинной стороны на другую (рис. 1). Глубина залегания склепа от нулевой точки кургана 4—4,2 м.

Склеп поставлен на глине-белоглазке. Стены и сводчатое перекрытие сложены из бутовых камней различной породы (известняк, ракушечник, плитняк, булыжник и пр.) размерами примерно 0,40×0,25×0,10 м, мелких обломков черепицы и фрагментов керамики, положенных на известковом растворе серого цвета с включениями песка и гравия.

Рис. 1. Общий вид склепа у пос. Приморский

Площадка, выровненная и подготовленная для кургана, была создана задолго до сооружения склепа, насыпанная земля должна была достаточно хорошо уплотниться. В насыпном слое был вырезан котлован, а затем сооружен склеп. После этого склеп, в котором было совершено захоронение, был засыпан землей. О таком процессе строительства кургана и склепа свидетельствуют неровные поверхности стен склепа и профиль бровки по линии запад—восток, по которому заметно, что граница темного и светлого грунта в основной насыпи кургана проходит на уровне верхней части стен склепа. На этом же уровне расположены места тризн, совершенных перед окончательной засыпкой склепа землей.

Судя по характеру кладки с известковым раствором, первой была возведена западная стенка со входом. Верхние участки северо-западного и юго-западного углов склепа принадлежат соответственно северной и южной стенкам, которые в своих верхних частях выкладывались вместе с верхними боковыми частями западной стенки. Связь этих стенок друг с другом особенно хорошо заметна снаружи, в юго-западном углу склепа.

Сохранность склепа не очень хорошая: пробито сводчатое перекрытие, сильно разрушены северная и западная стенки. Северная стенка сохранилась в западной части на высоту 1,10 м, а в восточной — 1,90 м (включая свод). Западная стенка сохранилась в северной части на высоту 1,55 м, в южной — 2,40 м (включая начало свода); она значительно деформирована в своей северной части, сдвинутой внутрь склепа. Высота наиболее сохранившейся южной стенки 2,55 м, ее верхняя часть разрушена вместе с лежавшим на ней краем свода. Стенки имеют многочисленные трещины.

Обращает на себя внимание характер пола в склепе. Строитель, несомненно, хотел сделать пол красивым при тех скромных возможностях и простых материалах, которыми он располагал. Он использовал известь, измельченный ракушечник, толченую керамику и черепицу. На глину-белоглазку был уложен плотный слой известкового раствора, включавший перечисленные компоненты и образовавший пол склепа. Общая толщина пола 0,06—0,07 м, причем нижний слой (0,05—0,06 м) — это известковый раствор с измельченными камнями ракушечника, а верхний (около 0,01 м) — красивая черепяная и керамическая крошка, также схваченная

известковым раствором. Характер цветного, тонального решения интерьера склепа, несомненно, занимал внимание его создателя.

Пол клал после сооружения стен, но до возведения свода. Пол сильно разрушен. В северо-восточной части склепа он выбран на площади $1,40 \times 3,00$ м. В юго-западном углу он выбран неровным овалом $0,60 \times 0,80$ м. На остальной части пол имеет трещины, выбоины, царапины.

В юго-восточном и северо-западном углах склепа на полу можно заметить следы, оставшиеся от крепления кружал, использовавшихся для возведения свода. Это круглые в плане углубления диаметром 0,05 м и глубиной 0,02 м. В юго-восточном углу их три: два расположены вдоль восточной стенки и одно — на расстоянии 0,40 м от южной и 0,45 м от восточной стенок. В северо-западном углу два углубления несколько большего диаметра (0,08 м) расположены вдоль западной стенки, и два меньших (диаметром 0,05 м) — у северной стенки.

В северо-восточном и юго-восточном углах склепа, соответственно на южной, северной и восточной стенках, сохранились пазы, с помощью которых кружала крепились к стенкам. В северо-восточном углу пазы горизонтальные на высоте 1,30 м от пола, длиной 0,40 м, шириной и глубиной 0,10 м. На восточной стенке имеется еще вертикальный паз длиной 0,50 м, глубиной 0,05 м, суживающийся книзу. В юго-восточном углу пазы такие же: длиной 0,40 м, шириной 0,10 м, глубиной 0,08 м. Кружала опирались на уже выложенный пол. Под пазами в восточной стенке можно видеть в полу углубления от опор, на которых держались кружала. В западной стенке пазов нет — возможно, кружала крепились лишь на стойках, располагавшихся вдоль западной стенки: в северо-западном углу в полу остались углубления, подобные тем, что видны в юго-восточном углу.

Нижние части юго-западного и северо-западного углов склепа заметно скруглены, в отличие от восточных углов. Более того, нижние части этих углов слегка возвышаются над верхним уровнем глины-белоглазки, почти покоятся на ней, в то время как юго-восточный и северо-восточный углы врезаны довольно сильно в ее толщу. Такую особенность вряд ли можно считать случайностью. Это, несомненно, технический прием: строитель стремился к тому, чтобы в случае сильного колебания почвы и давления большой массы кургана стены амортизировали, не будучи с одной стороны жестко врезанными в слой плотной глины-белоглазки.

А. С. Башкиров в своем труде об антисейсмических особенностях древних построек юга нашей страны обращает внимание на высказывания М. И. Ростовцева и архитектора Шмакова о конструкции склепа 1852 г., погибшего в середине XIX в. и относимого М. И. Ростовцевым к римскому времени: стены его пахидились «частью на природном грунте, а частью на поверхности земли»¹. Очевидно, и строитель склепа у пос. Приморский располагал стены своего сооружения частично в плотной глине-белоглазке, частично над ней, стремясь создать антисейсмическую конструкцию. Подобная предосторожность была актуальной в античную эпоху: достаточно вспомнить засвидетельствованное древними авторами большое землетрясение в Боспорском царстве в I в. до н. э. В районе кургана у пос. Приморский почва подвержена сдвигам и оползням, о чем, возможно, знали древние строители кургана. Лет 50 тому назад в 100 м от склепа по направлению к морю находилась усадьба. Некоторые жители пос. Приморский еще помнят сдвиг почвы, который привел к сползанию в залив большого участка ныне брошенной усадьбы.

А. С. Башкиров указывает, что в погребальной, преимущественно курганной архитектуре Ольвии антисейсмическим приемом являлось размещение склепов не в центре кургана, а в его поле. Этому отвечает и расположение склепа в кургане близ пос. Приморский².

Живопись, украшавшая все четыре стенки склепа, воспроизводила систему квадратной кладки. Восстановить ее схему позволили линии, прочер-

ченные по сырой штукатурке перед нанесением краски (рис. 2). Внизу шла полоса, граница которой отстояла от пола на 0,25—0,30 м. Над ней обозначена вторая непрерывная полоса шириной 0,24 м. Выше располагались прямоугольные квадраты (орфостаты) высотой 0,62 м, поставленные на короткую сторону шириной 0,40 м. Над орфостатами шла полоса квадров, будто уложенных плашмя, шириной также 0,40 м и высотой 0,19 м. В верхней полосе квадраты также были обозначены уложенными плашмя, но при ширине 0,40 м их высота 0,28 м. Всю систему прочерченных квадров завершает полоса, обозначающая карниз кладки шириной 0,035 м. Характер проведения углубленных линий по сырой штукатурке говорит о тщательности, с которой художник размечал поверхность стен перед нанесением краски. Как позволяет утверждать хорошо сохранившийся участок разметки росписи на западной стенке, горизонтальные линии наносили по уровню, а вертикальные — по отвесу.

Обращает на себя внимание расположение квадров. На западной стенке живописец размещает квадраты симметрично по обе стороны от дверного проема. В каждой простенке оказываются по три полных орфостата и части неполных орфостатов в углах и по обе стороны от дверного проема. В то же время на южной и северной стенках семь полных орфостатов и один неполный размещены на стене не симметрично: полные сдвинуты к востоку, а неполный оказывается, такие образом, в западном углу. Художник мог бы, разделив ширину неполного орфостата пополам, разместить эти части симметрично справа и слева от семи полных; мог бы он поместить неполный орфостат в восточный угол. Но он поступил иначе, для того чтобы срезанный орфостат не бросался в глаза при входе в склеп. Уменьшить же величину орфостатов или других квадров, чтобы разместить в пределах стены целое число квадров, было, очевидно, немислимо для архитектурно-строительных присмов того времени. Эти размеры диктовались, несомненно, определенным стандартом, размерами настоящих квадров, из которых складывались каменные стены в соседней, богатой камнем европейской части Боспорского царства. Действительно, склеп Деметры в Керчи имеет квадраты, соответствующие по размерам живописным квадрам склепа у пос. Приморский.

Связь живописного оформления склепа с его архитектурой особенно отчетливо проявляется в том, что полоса намеченного живописного карниза находится на высоте, с которой начинается свод на наружной части склепа. Сама же эта полоса, нанесенная на внутреннюю поверхность стенки, находится уже на сводчатой поверхности. Живописец поместил эту полосу карниза внутри именно на этой высоте, несомненно, для того, чтобы этой деталью интерьера подчеркнуть внешнюю архитектурную конструкцию склепа.

Детали внешней поверхности стен склепа также соотнесены с элементами интерьера. Тому уровню на западной стенке, где внутри склепа начинается свод, соответствует снаружи довольно неровная граница, означающая прекращение кладки одной части стенки и начало кладки другой, уже связанной со сводом. Так живописной системой интерьера мастер стремится передать архитектуру склепа, плоскостной системой росписи выразить пластическую сущность сооружения. Это качество, свойственное многим античным сооружениям, проявляется и здесь, на далекой окраине античного мира, в сравнительно позднюю эпоху, на рубеже нашей эры.

Важна и другая деталь, свидетельствующая о связи росписи с архитектурной конструкцией склепа. Высота крупных квадров-орфостатов (0,62 м) стоит в несомненной связи с толщиной стен склепа: это наибольшая, самая длинная сторона квадров, из которых складывались подобные склепы в Боспорском царстве в те времена. В рисунке на стенке склепа у пос. Приморский квадраты, изображенные над орфостатами двумя рядами, нужно думать, были такими же квадратами, с такой же длинной стороной, только положенными плашмя и видными с торцовой стороны.

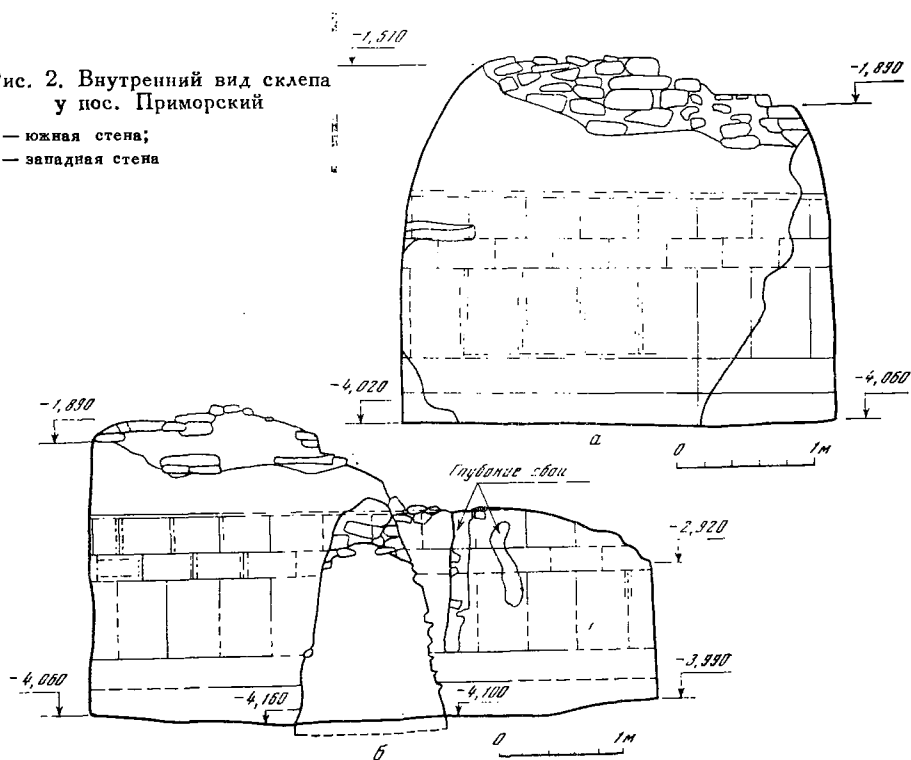
Существовало, таким образом, два стандартных размера квадров: $0,40 \times 0,62 \times 0,19$ м и $0,40 \times 0,62 \times 0,28$ м. Верхние два ряда таких квадров, уложенных плашмя, уходят длинной стороной в глубину стенки. Если учесть, что толщина штукатурки на стенке 1—1,5 см, то общая толщина стен склепа должна была приближаться к 0,64—0,65 м. И действительно, толщина стен склепа составляет 0,65 м. Толщина стен склепа Деметры также около 0,65 м. Совпадают и другие размеры: ширина многих квадров, из которых сложен склеп Деметры, $0,40$ м³.

Склепу у пос. Приморский близки по типу росписи склепы, отмеченные в свое время М. И. Ростовцевым: склепы Алкима, Анфестерия, 1852 г., 1891 г. Система псевдосодомной росписи сближает эти памятники. Вход в виде проема со сводом вверх также близок элементам архитектуры этих склепов. В склепе Алкима Гегесипова 1867 г. внизу можно видеть также узкую панель и над ней довольно низкий цоколь⁴. Примечательно, что склепы Алкима и Анфестерия были вырезаны в глине, склеп 1891 г. вырублен в скале, а склеп у пос. Приморский сложен из бутового камня на известковом растворе. Но во всех этих склепах роспись воспроизводит квадратную кладку.

Датировка описываемого кургана затруднена малочисленностью материала и невыразительностью обломков керамики в местах тризн. Подъемный материал, среди которого встретилась ножка колпачковой амфоры IV в. до н. э., вряд ли в данном случае может быть опорой для датировки кургана. Более важен найденный в слое глины-белоглазки уцелевший светильник. Полпой аналогией ему является светильник, опубликованный О. Ф. Вальдгауэром и датируемый им I в. до н. э.⁵ Характерным признаком светильников такого типа служат не только сильно вытянутый рожок и широкое колючко вокруг отверстия вместилища, но и орнамент в виде двойных палочек и дуг, напоминающих овы. Находка светильника в насыпи подтверждает предположение о сооружении кургана в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э.

Рис. 2. Внутренний вид склепа у пос. Приморский

а — южная стена;
б — западная стена

Важны для датировки также редкие фрагменты краснолаковой посуды из ямы, расположенной с северной стороны курганной насыпи. Опираясь на эти датирующие материалы, а также на дату керченских склепов конца I в. до н. э.—начала I в. н. э., росписи которых близки росписи склепа у пос. Приморский, можно предположить, что курган и склеп были созданы в одно время, в конце I в. до н. э.—начале I в. н. э.

При очистке склепа от запылившей туда земли не было найдено камней от обрушившегося свода. Нет сомнения, что разрушение сводчатого перекрытия и ограбление склепа относятся к очень древним временам и что после ограбления склеп был очищен от земли, от обрушившихся в него кусков свода и мог служить пристанищем пастухам или кочевникам. Возможно, что после разрушения и ограбления в древности склеп стоял открытым, и в поздней античности был использован для вторичного захоронения. Здесь найден обломок стеклянного сосуда III в. н. э. Не исключено, что отдельные человеческие кости, встреченные в северо-западном углу склепа, могут быть остатками позднего захоронения, нарушенного в еще более поздние времена.

¹ Башкиров А. С. Антисейсизм древней архитектуры. IV. Юг СССР. Калинин, 1948, с. 247.

² Там же, с. 171.

³ Соколов Г. И. Новые данные о склепе Дементры. — АИБ, II, 1962, с. 272.

⁴ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России, т. I. СПб., 1914, с. 163.

⁵ Вальдгауэр О. Ф. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, с. 8, табл. V, 58.

М. А. ТИХАНОВА

ЖИЛИЩЕ РЕМЕСЛЕННИКА-ДРЕВОДЕЛА НА ПОСЕЛЕНИИ У С. ЛУКА-ВРУБЛЕВЕЦКАЯ НА ДНЕСТРЕ

В 1957 г. раскопками Днестровско-Волинского отряда Галицко-Волинской экспедиции ИИМК АН СССР в Луке-Врублевецкой наряду с шахтной печью¹ были вскрыты остатки наземного жилища с интереснейшим набором деревообделочных орудий. Памятник этот оставался неопубликованным². Раскоп, в котором были вскрыты остатки жилища (III/XIV), был заложен в 30 м к северу—северо-западу от названной печи сначала на очень небольшой площади (16 кв. м), а затем, по обнаружении развала глиняной обмазки, расширен и доведен до площади 130 кв. м (рис. 1; 2).

Как и на всем поселении, культурные остатки на данном участке залегают на очень небольшой глубине. Максимум насыщенности культурного слоя приходится на глубину 0,20—0,40 м, на глубине 0,55—0,60 м находки единичны, на 0,70 м залегает материк, на поверхности которого их нет совсем. Насыщенность культурного слоя довольно значительна и вполне отчетлива — в виде керамики и отдельных предметов черняховской культуры, костей животных, небольших кусков обожженной обмазки; встречается железный шлак. Керамика, в том числе и в довольно крупных фрагментах, преимущественно гончарная (78, 90%).

Среди гончарной керамики преобладают обломки столовой лощеной посуды без орнамента. Орнаментированных фрагментов только два: обломок стенки кувшина с орнаментом из штампованных розеток и нанесенных зубчатым колесиком многорядных линий, образующих треугольники, и обломок стенки миски, украшенной исполненной вдавливанием косой сеткой. Встречен один обломок стенки амфоры. Лепшая керамика представлена невыразительными фрагментами, среди которых только два обломка черной лощеной керамики пшеворского типа.

Наземное жилище сохранилось только частично в виде развала обмазки, обнаружившегося на глубине 0,20—0,22 м. Развал этот толщиной до 0,20—0,25 м вытянут с запада на восток в длину на 8,3 м при ширине 3,5 м. Первоначально постройка была, очевидно, значительно шире, о чем говорит уходящий под северо-восточную стенку раскопа развал обмазки³, к западу от которого найдены лежащие в анатомическом порядке скелеты двух собак крупной породы (рис. 2). Обмазка — с примесью соломы и половы, с отпечатками прутьев и жердей; с одной стороны она заглажена. Это остатки плетневых, обмазанных глиной стен. Пол в постройке земляной, очаг в раскрытой ее части отсутствует. Хотя нет сомнения, что памятник этот погиб в пожаре (об этом говорят сильная обожженность и даже местами ошлакованность обмазки и некоторых фрагментов керамики), ни одного целого или сохранившегося в сколько-нибудь значительной части сосуда на полу обнаружено не было.

Рассматриваемые остатки наземной постройки на поселении в Луке Врублевецкой не единственные. Всего на вскрытой здесь площади 2100 кв. м за все годы раскопок (1946—1950, 1953, 1955—1958) было

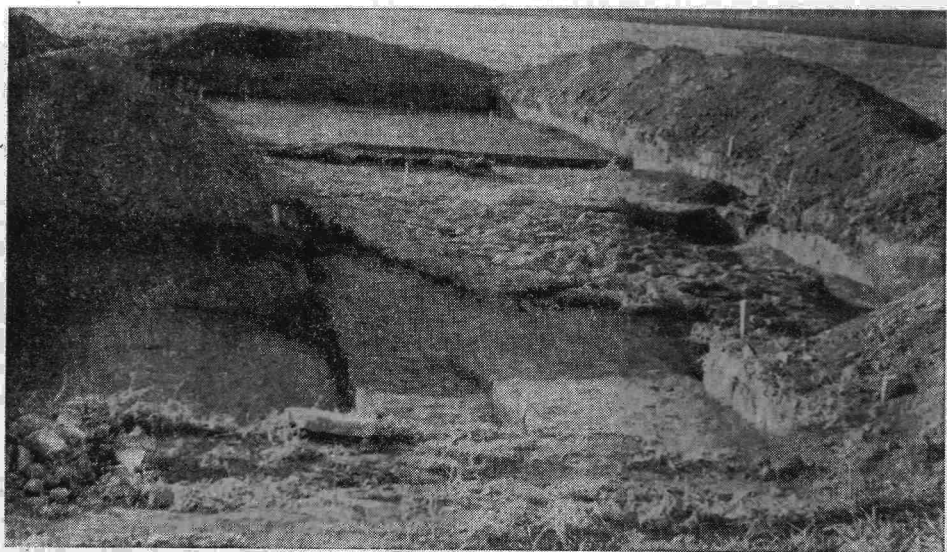

Рис. 1. Развал обмазки стен жилища на поселении у с. Лука-Врублевская. Вид с востока

обнаружено десять наземных и пять углубленных жилищ черняховской культуры.

Как известно, для поселений и жилищ черняховской культуры характерна бедность изделиями из железа, что наблюдалось и в других жилищах поселения у Луки-Врублевской. Особенностью же данного жилища является относительная многочисленность и, главное, специфичность его инвентаря. Наряду с обычно встречающимися керамикой, бытовыми вещами и украшениями (фибулы, ножи, оселки) здесь выступают предметы иного рода — набор деревообделочных инструментов из железа: одноручная пила, долота, тесло, особого типа нож, причем все они великолепной сохранности (рис. 3). Сомнений в том, что набор этот связан с черняховским временем, быть не может. Об этом говорят керамика и такие датирующие вещи, как фибулы: фрагмент пружины серебряной фибулы (длина 1,7 см; рис. 4, 1); классического типа бронзовая двучастная прогнутая подвязная фибула варианта 1 (длина 4,0 см; рис. 4, 3), представленного в Луке-Врублевской несколькими экземплярами⁴; фибула с высоким держателем иглы (длина 4,9 см), также бронзовая (рис. 4, 2), типа, распространенного в Верхнем Поднестровье⁵. Это четвертый экземпляр фибул данного типа в Луке-Врублевской, впервые найденный в наземном сооружении (все три предыдущих происходят из углубленных жилищ), что лишний раз подтверждает синхронность тех и других.

Рассмотрим набор инструментов и прежде всего уникальную для черняховской культуры пилу-ножовку (рис. 3, 1). Общая длина пилы 32,75 см, длина полотна 25,23 см, длина рукояти 7,52 см, максимальная ширина 2,5 см. Это типичная пила-ножовка (*serrula, serrula manubriata, Messersäge, Stichsäge, Handsäge, scie à guichet, scie à main*).

Железные пилы-ножовки впервые появились в эпоху позднего латена у кельтов⁶, владевших в совершенстве техникой металлургии и металлообработки: у них известно до 70 видов железных изделий, в том числе и всевозможных орудий и инструментов, большинство из которых почти без изменений прослеживается вплоть до средневековья. Железные пилы-ножовки, притом близкого к лукинской типа, найдены на самой стоянке Ла-Тен⁷, в Страдонице⁸, в Ветки у Краулуна на Втаве⁹, на дакийских городищах в Мунчелулуй¹⁰ и Пьятра-Рошие¹¹. Пилы-ножовки наряду

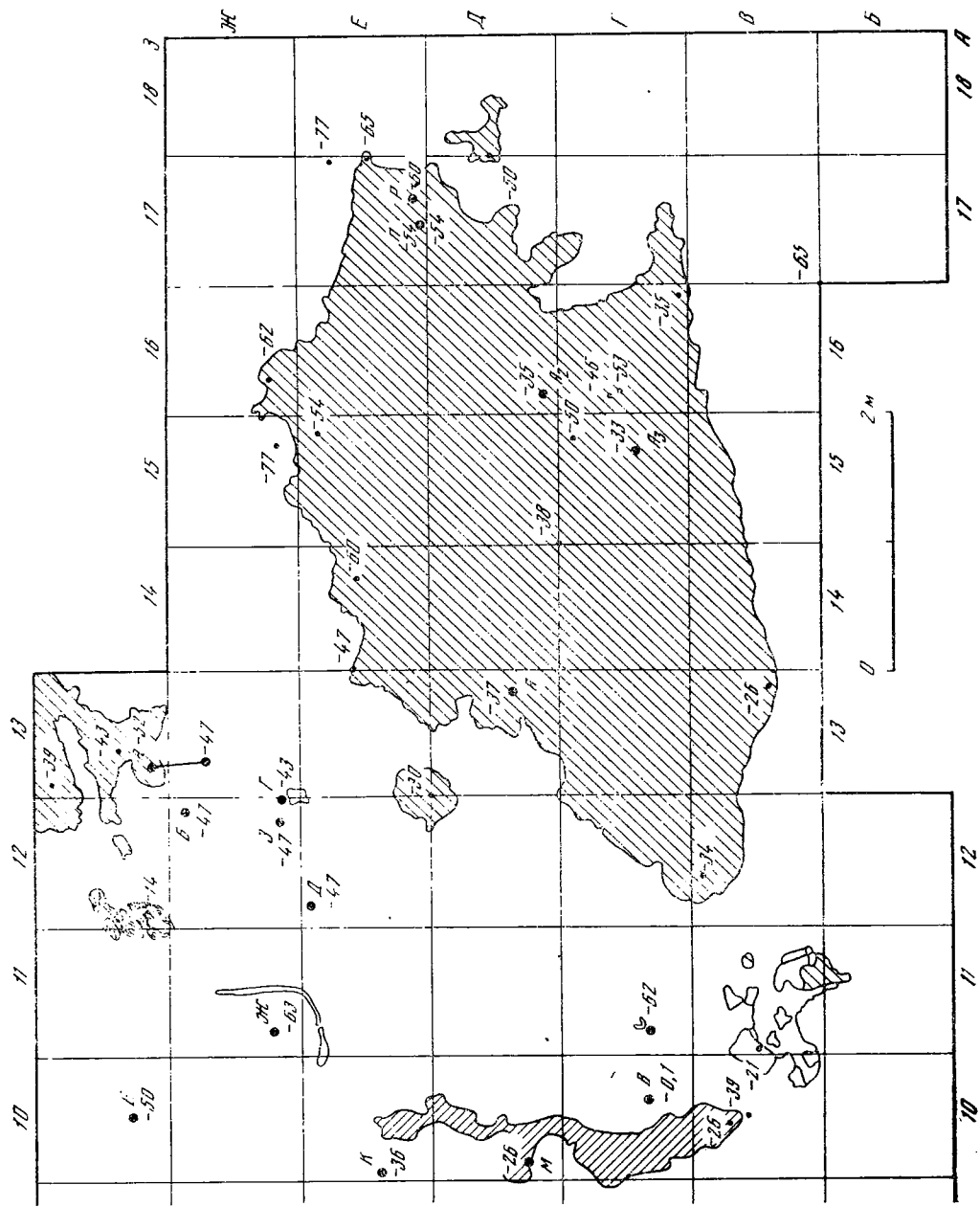

Рис. 2. План раскопа III (XIV) поселения у с. Лука-Врубле-вечая

- А — железная пила-ножовка;
- А₂ — бронзовая фибула;
- Г — фрагмент пружины серебряной фибулы;
- Д — железный нож с витым стержнем;
- Ж — бронзовая фибула;
- З — железное тесло;
- М — железное долото;
- П — железное долото

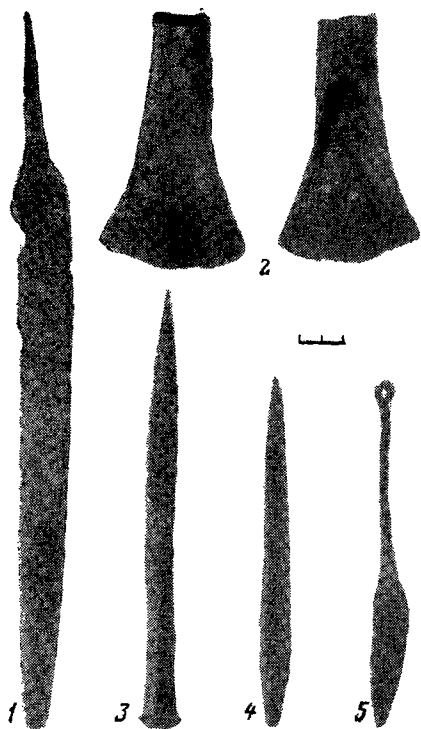

Рис. 3. Орудия из жилища на поселении у с. Лука-Врублевцевкая

1 — пила-ножовка; 2 — тесло; 3, 4 — долота; 5 — нож

с лучковыми (которых у кельтов нет)¹² были известны в римском мире¹³: в частности, они найдены в римских лагерях в Заальбурге¹⁴, в Камбодунуме¹⁵ и в римских виллах в окрестностях Компьеня¹⁶. В «варварском» мире находки пил-ножовок единичны: кроме Луки-Врублевцевкой, они встречены только в трех удаленных друг от друга пунктах — в Северо-Восточной Венгрии на поселении позднеимперского времени (250—350 гг. н. э.) в Озд¹⁷, в урновом погребении 22 могильника III—IV вв. н. э. пшеворской культуры у Кошена в левобережной Мазовии¹⁸. Еще один обломок недавно был найден на поселении зарубинецкой культуры на правобережье Днепра у с. Лютез в Киевской области¹⁹. Как венгерская, так и польская пилы-ножовки, судя по ширине их полотна, близки пиле из дакийского городища Пятра-Рошии и относятся к большим пилам, служившим, видимо, для распиловки досок или даже бревен, тогда как все остальные, в том числе и лукинская, хотя и использовались для деревообделочных работ, но выполняли иные функции, например прорезное выпиливание.

В отличие от пилы, другие орудия из жилища в Луке-Врублевцевкой не представляют чего-то исключительного. Таково тесло (рис. 3, 2) с прямоугольной и почти квадратной закрытой втулкой и расширяющейся рабочей частью (общая длина его 11,16 см, ширина лезвия 6,75 см, размеры втулки 2,75×2,5 см). Орудие это насаживалось на деревянную рукоять. Такая форма тесла, или втульчатого топора (Tüllenbeil, Dachsbeil, hache à douille, herminette), известна с глубокой древности, а железные тесла — с эпохи позднего гальштата. Они были широко распространены у кельтов. Тесла близких размеров, чаще с открытой или неполностью закрытой втулкой, прямоугольной или округлой, найдены на стоянке Ла-Тен²⁰, в Страдонице²¹, в кладе железных орудий в Колине²², в Словакии²³, в Венгрии²⁴, на позднелатенских памятниках Малопольши (в Виценже, Новой Гуте)²⁵, в Закарпатье²⁶, на упоминавшемся дакийском городище Пятра-Рошии²⁷, а также в римских лагерях, например в Сорвиодунуме (современный Штраубинг) III в. н. э.²⁸, и виллах²⁹. Тесла того же типа и размеров (длина колеблется между 6,5 и 18,5 см) встречаются на памятниках римского времени и за пределами империи — в Северо-Западной³⁰ и Центральной Европе, в могильниках пшеворской культуры II—III вв. (в Хмелеве Песчаном, Хоруле, Ванхоцке)³¹.

Найдены тесла и на некоторых поселениях черняховской культуры на Южной Волини, в Верхнем Поднестровье, верховьях Буга и Поднепровье. Так, при раскопках в Лепесовке в 1960 г. неподалеку от гончарной печи 2 оказалось тесло с прямоугольной не вполне сомкнутой втулкой (длина 12,5 см, ширина лезвия 7,2 см, ширина втулки 4,2 см). Как показало металлографическое исследование, тесло отковано целиком из железа³². Близко по типу и размерам тесло из землянки XIII на поселении той же

культуры Рипнев II (длина 14 см, ширина лезвия 6,6 см, втулка (здесь она закрытая) квадратной формы 2×2 см)³³. Встречены тесла и на поселениях в Неслухове³⁴ и в Журавке Ольшанской. Как показал анализ последнего тесла, оно отковано из железа, а лезвие цементировано³⁵. Бытование тесел этого типа прослеживается и позже — в Центральной Европе в эпоху переселения народов³⁶.

Долото из Луки-Врублевецкой четырехгранное в сечении (длина 19,5 см; рис. 3, 3). Не исключено, что долотом, т. е. инструментом для долбежки пазов и различных выемок в дереве, было и другое железное орудие, в сечении овально-округлое (длина 15,9 см; рис. 3, 4). Железные долота достаточно многочисленны уже в позднелатенских кельтских комплексах. Правда, большей частью они втульчатые³⁷, хотя встречаются и четырехгранные³⁸. Однотипны и долота в римских лагерях и виллах³⁹, на памятниках пшеворской культуры⁴⁰, а также в более западных комплексах римского времени⁴¹.

Среди железных изделий зарубинецкой культуры долота были неизвестны — впервые два долота найдены на уже упоминавшемся Лютежском поселении⁴². На поселениях черняховской культуры долота, притом однотипные, четырехгранные, большие и малые, распространены почти по всей ее территории. Так, в Лепесовке было найдено семь долот, в том числе одно длиной 28,5 см⁴³. Маленькое долото (длина 8,1 см) происходит из разрушенных погребений могильника в Привольном на Днепре⁴⁴. На поселении у с. Криничка на Южном Буге еще при раскопках С. С. Гамченко было найдено долото тех же размеров (длина 8 см)⁴⁵. Два долота (длиной 25,5 и 22,5 см) обнаружены на поселении Рипнев II: одно — в яме 13, другое — в землянке 11, датированной по фибулам IV в. н. э.⁴⁶ Найдены долота на поселениях в Будештах (длина 15,5 см; найдено вне комплексов)⁴⁷ и в Ботошанах (длина 14,3 см)⁴⁸.

Некоторое сомнение вызывает назначение еще одного из найденных в жилище орудий. Оно представляет собой железный витой стержень с загнутым в петельку верхним концом, с уплощенно-вогнутой ножевидной рабочей частью — лезвием. Общая длина его 15,3 см, длина рукоятки 9 см, длина лезвия 6,5 см (рис. 3, 5). Полных аналогий ни в наших, ни в зарубежных материалах нет. Наиболее близок по форме и по соотношениям длины рукоятки и лезвия (хотя у него не перевитая, а прямая рукоять) нож из погребения рубежа III—IV или начала IV в. н. э. могильника Абсолоць в Восточной Словакии. Он был найден подвешенным на бронзовом колечке вместе с железным ключом и определен как туалетный нож из поясного набора⁴⁹. Аналогичные предметы, притом с перевитой рукоятью, найдены и в Польше — в позднешеворском могильнике в Добродзене, однако польские археологи определяют их (предположительно) не как туалетные ножи, а как бритвы⁵⁰. Аналогичный ножичек в виде маленькой модели встречен в позднешеворском могильнике Опатув. В погребении 49 среди других вещей там был найден цепчочковидный железный браслет с подвешенными на нем двумя ножами (один из которых — с витым черенком), молоточком, пожницами и ключом. Кстати, автор публикации называет упомянутый предмет не бритвой, а просто ножом⁵¹.

Весьма близки по форме и размерам (длина 14,5 см) железные изделия, в которых французский исследователь Шампьон видит орудия гончара, применявшиеся для окончательной отделки на гончарном круге поверхности глиняных сосудов после их просушки. Он называет их спатулами. Происходят они из римских вилл под Компьнем⁵². Однако такое назначение подобных орудий представляется маловероятным — в работах, посвященных гончарству, они не встречаются.

Что касается наших материалов, то, как говорилось, полные аналогии неизвестны. Но при раскопках могильника черняховской культуры близ Лохвицы Полтавской области был найден «железный предмет, возможно

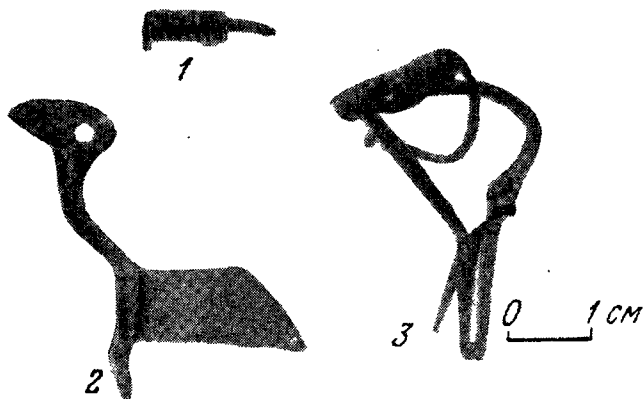

Рис. 4. Вещи из жилища на поселении у с. Лука-Врублевцевка

1 — обломок серебряной пружины фибулы 2 — бронзовая фибула с высоким держателем иглы; 3 — бронзовая подвояная фибула

ножик, с лавролистым обоюдоострым лезвием и четырехгранным черенком, который свернут жгутом и заканчивается загибом, образующим колечко» (длина 13,2 см)⁵³. В могильнике той же культуры в с. Коблево Николаевской области в одном из погребений с сожжением (11) найден бронзовый нож ланцетовидной формы со скругленным лезвием (длина 15 см), подвешенный на кольце⁵⁴. Соотношение длины черенка и лезвия как у лохвицкого железного ножа, так и у коблевского бронзового иного, чем у лукинского: обе части — черенок и лезвие — равновелики. Э. А. Сымонович видит в них и прежде всего в коблевском экземпляре хирургические ножи⁵⁵, что представляется весьма маловероятным. Все известные до сих пор римские хирургические ножи, а их находки достаточно многочисленны, совершенно отличны по форме⁵⁶, не говоря уже о том, что такой инструмент, имеющий, как правило, железное лезвие и бронзовую рукоятку, вряд ли могли носить на поясе в открытом виде, нарушая тем самым элементарные правила асептики.

Не исключено, что ножевидное орудие из Луки-Врублевцевкой могло также использоваться при деревообделочных работах.

Рассмотренный набор орудий для обработки дерева позволяет предположить, что раскопанное нами жилище являлось и мастерской древодела, владевшего специальным набором инструментов.

В заключение приходится выразить большое сожаление, что данный комплекс железных орудий не подвергся металлографическому исследованию, как это было сделано со многими изделиями из железа с поселений в Лепесовке (70 предметов) и Журавке (50)⁵⁷. Металлографический анализ мог бы выяснить, являются ли эти изделия, в частности уникальная для черняховской культуры пила-ножовка, местными, или привозными, или сделанными пришлым, «бродячим» кузнецом, равно как осветить и другие вопросы, важные для выяснения техники изготовления всех рассмотренных орудий.

¹ Тиханова М. А. К вопросу о развитии черной металлургии в черняховской культуре. — КСИА, 140, 1974.

² См. предварительный отчет о работах 1957 г. (Тиханова М. А. Днестровско-Волынский отряд Галицко-Волынской экспедиции. — КСИИМК, 79, 1960, с. 93).

³ Прослеживание обломки и дальнейшие раскопки на данном участке предполага-

лось продолжить в 1958 г., что осуществилось, однако, не удалось из-за начатого на поселении строительства.

⁴ Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР. — САИ, вып. Д1-30, 1966, с. 63.

⁵ Там же, с. 73. Этого же типа фибула — в Южной Польше в погребении 6 могильника Крапковице (Godłowski K. The Chronology of the Late Roman

and Early Migration Periods in the Central Europe. Kraków, 1970, pl. II, 3). *Déchelette J.* Manuel d'archéologie pré-historique, celtique et gallo-romaine, II. Paris, 1924, p. 1375, fig. 608, 3.

Две целые и один обломок, длина 34, 32 и 12 см (*Vouga P.* La Tène. Leipzig, 1923, pl. XLV, 1—3).

Обломки длиной 5,7 и 5,0 см (*Pleiner R.* Stare evropské kovárství. Stav metalografického výskumu. Praha, 1962, str. 84, tabl. XXII, 1 (№ 42); str. 85, tabl. XXII, 4 (№ 43).

Обломок длиной 13,5 см (*Pleiner R.* Stare evropské kovárství, str. 85, tabl. XXIII (№ 25).

Daicovicu C. Şantierul Grădiştea Muncelului. — SCIV, 4, 1953, p. 171, fig. 22.

Daicovicu C. Cetatea dacica de la Piatra Roşie. Bucureşti, 1954, p. 20, pl. X, 19.

Единственное исключение — обломок пила из Галлиш-Ловачки под Мукачевом (*Бідзіля В. І.* Исторія культуры Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971, с. 69, рис. 27, 7 (на с. 71).

Blümner H. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern, Bd 2. Leipzig, 1879, S. 219, 221, Abb. 42.

Jacobi L. Das Römerkastell Saalburg bei Homburg vor der Höhe. Homburg vor der Höhe, 1897, S. 207, 208, Abb. 28, 27, 28, Taf. XXXIV, 5, 6. Обломки длиной 10,0 и 7,5 см. Обломок длиной 16,5 см из одного из рейнских лагерей хранится в Римско-Германском центральном музее в Майнце (*Lindenschmit L.* Altertümer unserer heidnischen Vorzeit, Bd IV, 1902, Taf. 46, 24).

Обломок длиной 7,6 см (*Krämer W.* Cambodunumforschungen 1953. I. Die Ausgrabung von Holzhausen zwischen I. und Querstrassen.—Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte, 9, S. 68, Taf. 20, 13).

Champion B. Outils en fer du Musée de Saint Germain.—RA, 5-e série, t. II, mars-avril 1916, p. 220, pl. III, 38126, 15916.

Длина 27,3 см, ширина 4,4—5,4 см (*Párducz M., Körek J.* Eine Siedlung aus der Kaiserzeit.—AA Hung., 10, 3-4, 1959, S. 165, Taf. II, 1).

Пила больших размеров, сохранилась в девяти обломках общей длиной 42 см, шириной 5,5 см. В состав погребального инвентаря наряду с пилой входят сделанная на гончарном круге погребальная урна, фрагмент бронзовой подвязной фибулы, железный умбон (*Ketpisty A.* Ciałopalne cmentarzysko z różnego okresu rzymskiego w miejscowości Korzen, pow. Gostynin.—MS, XI, 1968, str. 330, 331, tabl. XVI—XVII (пила — tabl. XVII, b). Ступенью C₂ (вторая половина III—середина IV в. н. э.) датирует этот могильник и К. Годловский (*Godłowski K.* The Chronology..., pl. III).

Длина сохранившейся части 4,7 см, ширина 2,1 см. Условия находки неизве-

стны (*Бідзіля В. И., Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. — МИА, № 160, 1969, с. 71, рис. 11, 25 на с. 70). Авторы датируют находку второй половиной II в. н. э., а может быть, и III в. н. э. Напомним, что на этом поселении — крупном металлургическом центре — встречались фрагменты черняховской керамики.

²⁰ *Vouga P.* La Tène, p. 110, pl. XLIII, 2—4; *Déchelette J.* Manuel..., p. 1367.

²¹ *Pleiner R.* Stare evropské kovárství, str. 82, tabl. XVII, 1.

²² *Filip J.* Hospodářský stav Českých zemí na rozhraní letopočtu. — OP, XII, 1946, str. 23, obr. 1.

²³ *Eisner J.* Slovensko v praveku. Bratislava, 1933, str. 180, tabl. LIX, 2, 5—8.

²⁴ *Hunyady I.* Die Kelten im Karpatenbecken. — Diss. Pann., S. II, № 18. Budapest, 1942, Taf. LIII, 21—23.

²⁵ *Buratyński S.* Zespoly narzedzi żelaznych z okresu lateńskiego (I w. przed n. e.) znalezione w m. Wyciąży pow. Kraków.—PA, IX, 2-3, 1953, str. 348, 349, rys. 3, 4; *Wielowiejski J.* Przemiany gospodarczo-społeczne u ludności południowej Polski w okresie późnolateńskim i rzymskim. — MS, VI, 1960, str. 82.

²⁶ *Бідзіля В. І.* Исторія культуры Закарпаття..., с. 69, рис. 27, 1—6.

²⁷ *Daicovicu C.* Cetatea dacica..., p. 78, pl. VII, 11.

²⁸ *Heim J., Klumbach H.* Der römische Schatz von Straubing. München, 1951, S. 38, Taf. 33.

²⁹ *Champion B.* Outils en fer..., p. 214, pl. II, 50847, 50641.

³⁰ В болотных кладах Вимосе и Нидам (*Brøndsted J.* Nordische Vorzeit. Bd 3. Eisenzeit in Dänemark. Neumünster, 1963, S. 220; *Engelhardt C.* Vimosefundet. Kjøbenhavn, 1869, Taf. 18, 25, 27, 29; *idem.* Nydamfundet. Kjøbenhavn, 1867.

³¹ *Wielowiejski J.* Przemiany..., str. 82, 83.

³² *Тиханова М. А.* Днестровско-Волынская экспедиция 1960—1961 гг. — КСИЛ, 102, 1964, с. 54; *Вознесенская Г. А.* Техника обработки железа и стали. — В кн.: *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры. М., 1972, с. 11, 18, 20, 44, анализ 624.

³³ *Баран В. Д.* Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. — МИА, № 116, 1964, с. 238, 245, рис. 4, 11 на с. 219; *Вознесенская Г. А.* Техника..., с. 12, рис. 2, 30.

³⁴ *Kozłowski L.* Zaręys pradziejów południowo-wschodniej Polsce. Lwów, 1939, str. 100, tabl. XXVII, 6.

³⁵ *Вознесенская Г. А.* Техника..., с. 13, 20, 44, анализ 215.

³⁶ Например, погребение в Шверине около 500 г. н. э. или начала VI в. н. э. (*Sprockhoff E.* Ein germanischer Grabfund der Völkerwanderungszeit in Schwering. — Germania, 18, 1934, S. 43, 44, Abb. 4).

³⁷ *Déchelette J.* Manuel..., p. 1336, fig. 101;

- Pleiner R. Stare evropské kovárství, str. 83, tabl. XXI; *Hunyady I.* Die Kelten..., Taf. LV, 5, 6; *Buratyński S.* Zespoły narzędzi żelaznych..., str. 356, rys. 5, 6; *Бідзія В. І.* Історія культури Закарпаття..., с. 68, рис. 26, 14—33.
- ³⁸ *Daicovicu C.* Cetea dacica..., p. 78, pl. VII, 10.
- ³⁹ См., например: *Jacobi L.* Das Römerkastell Saalburg..., Abb. 28, 13—15; *Champion V.* Outils en fer..., pl. IV, 221.
- ⁴⁰ Например, пять долот в могильнике Хмелеве Пясковом (Опатов). См.: *Wielowiejski J.* Przemiany..., str. 84. На территории могильника в Спицимеже (Турек) найдено вне комплекса среди случайных находок долото втульчатое (*Kiełlińska A., Dąbrowska T.* Smentarzisko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spycimierz, powiat Turzek. — MS, IX, 1963, str. 186, tabl. XXXVIII, 18).
- ⁴¹ Например, на поселении II—III вв. н. э. в Клитове — долото длиной 9 см (*Marschallek K. H.* Die ostgermanische Siedlung von Kliestow bei Frankfurt (Oder). — PZ, 30/31, 1939/1940, S. 297, Abb. 31, f).
- ⁴² *Бідзія В. И., Пачкова С. П.* Зарубиенское поселение..., с. 71, рис. 11, 21, 27.
- ⁴³ Не опубликованы. Упоминание о находке долот см.: *Тиханова М. А.* Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. — СА, 1963, № 2, с. 187.
- ⁴⁴ *Кухаренко Ю. В.* Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. — СА, XXII, 1955, с. 144, tabl. IV, 24.
- ⁴⁵ *Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры в с. Кринички. — МИА, № 82, 1960, с. 243, рис. 3, 5.
- ⁴⁶ *Баран В. Д.* Памятники черняховской культуры..., с. 219, 245, рис. 4, 3, 5.
- ⁴⁷ *Рикман Э. А.* Жилища Будештского селца. — МИА, № 82, 1960, рис. 17, 1 на с. 320.
- ⁴⁸ *Jonița J.* Contribuții cu privire la cultura Sintana de Mureș—Cerneahov pe teritoriul Republicii Socialiste România. — Arheologia Moldovei, IV. București, 1966, p. 201, 202, fig. 85.
- ⁴⁹ *Bona I.* Beiträge zur Archäologie und Geschichte der Quaden. — AA Hung., 15, 1963, S. 276, 277, Taf. XLIII, 15. Сходный предмет имеется, по словам Бона, среди находок Пухова. Бона ссылается на кн.: *Beninger E.* Germanische Bodenfunde aus der Slowakei, 1937, Taf. 16, 168.
- ⁵⁰ *Kostrzewski J., Chmielewski W., Jazdzewski K.* Pradzieje Polski. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, str. 294, rys. 101, 16, 17.
- ⁵¹ *Reyman T.* Dwa groby z okresu rzymskiego w Opátowie. — Światowit, XVIII, 1947, str. 167, rys. 2.
- ⁵² *Champion V.* Outils en fer..., p. 244, p. XV, особенно 27076a.
- ⁵³ *Березовец Д. Т., Петров В. П.* Лохвицкий могильник. — МИА, № 82, 1960, с. 96, табл. I, 26.
- ⁵⁴ *Сымонович Э. А.* Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье. — МИА, № 139, 1967, с. 217, рис. 9, 8.
- ⁵⁵ Там же, с. 217; он же. Хирургия в черняхівську епоху. — Сб.: Середні веки на Україні, вип. 1. Київ, 1971, с. 83—87, рис. 1, 2, 3. В. В. Кропоткин также включил в число медицинских инструментов, найденных на нашей территории, наряду с бесспорно медицинским пинцетом из черняховского могильника Ружичанка (Хмельницкая область) нож из Коблева (*Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.—V в. н. э.). — САИ, вып. Д1-27, 1970, с. 40 и 129, № 1265). Авторы исследования изделий из цветных металлов Восточной Европы первой половины I тысячелетия н. э. называют бронзовый нож из Коблева туалетным (*Черных Е. Н., Барцсва Т. Б.* Силваы цветных металлов. — В кн.: *Барцсва Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры. М., 1972, с. 87, 104, рис. 20, a).
- ⁵⁶ Находки в Помпях, Заальбурге, Бингене, Бадене и др. (*Daremberg C. et Saglio E.* Dictionnaire d'antiquités grecques et romaines, t. I. Paris, 1875, p. 1106 suiv., специально fig. 1395, p. 1109; *Monaco D.* Les monuments du Musée National de Naples. Naples, 1884, p. 22, 23, pl. 130; *Gusman P.* Pompei. La ville — les moeurs — les arts. Paris, 1899, p. 267—272; *Jacobi L.* Das Römerkastell Saalburg..., S. 452, 453, Textfigur 71, Taf. LXII, 6; *Стоянов П. И.* Хирургические инструменты. — ИВАД, V, 1912, с. 47, tabl. XI; *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов. — МИА, № 69, 1959, с. 219, рис. 89, 2; *Финогенова С. И.* Античные хирургические инструменты. — СА, 1971, № 1, с. 146—161, специально рис. 1, 1—33).
- ⁵⁷ *Вознесенская Г. А.* Техника..., с. 27, специально инструменты для обработки дерева — с. 43, 44.

К. А. СМИРНОВ

ГОРОДИЩЕ ГРАФСКАЯ ГОРА

Городища раннего железного века в Верхнем Поволжье представляют большой интерес для изучения прошлого центральной части Восточной Европы. Они неоднократно исследовались¹.

В 1968—1969 гг. экспедиция Кимрского краеведческого музея и ИА АН СССР провела раскопки одного из памятников этого района — городища Графская Гора на восточной окраине г. Кимры Калининской области. Городище находится на левом высоком берегу Волги. Площадка его, ориентированная по странам света, имеет форму, близкую к прямоугольнику, размеры ее 120 м с востока на запад и 50 м с севера на юг. Над окружающим полем она возвышается примерно на 3 м. С запада и востока городище ограничено двумя оврагами. С севера прослеживаются остатки укреплений: расплывшийся вал длиной 35 м и сильно заплывший ров длиной около 65 м. Высота вала и глубина рва не превышают 0,8 м.

В конце XVIII в. на городище велось строительство дворца, поэтому на площадке имеется слой кирпичной щебенки и извести. Во время Великой Отечественной войны здесь были выкопаны окопы. Наконец, в 1968 г. западная часть городища была уничтожена при строительстве. На городище был заложен раскоп около обрыва к Волге площадью 96 кв. м. Кроме того, велись наблюдения над земляными работами при строительстве.

Траншея, проведенная через край площадки и остатки укреплений, позволила реконструировать систему оборонительных сооружений поселения. На расстоянии 10 м от подошвы городища имеется сильно расплывшийся вал. Его ширина в основании около 6 м, высота не превышает 0,8 м. Вал сложен из материковой глины, слой погребенной почвы в его основании не прослеживается. Сразу за валом исследовано углубление, заполненное гумусированным суглинком, — засыпанный ров. Его ширина 3,8 м, глубина 1,6 м. На расстоянии 4,5 м от первого рва находился второй, ширина которого 4,3 м, а глубина 2 м. Несомненно, между рвами во время жизни на городище был вал. Между подножием площадки городища и внутренним валом культурного слоя нет. По-видимому, при строительстве в конце XVIII в. валы были спланированы, а рвы засыпаны. Сохранились лишь часть вала в виде небольшого всхолмления и часть рва в виде лощины. Таким образом, в древности поселок был огорожен со стороны поля двумя рвами и валами. На гребне валов, вероятно, был установлен тын. Третий ряд тына мог располагаться на краю площадки. Но о существовании деревянных сооружений мы можем только догадываться. Остатки их прослежены не были. Аналогичная система укреплений со стороны поля исследована на Пекуновском городище в нескольких километрах выше по Волге².

Раскоп, заложенный на площадке, показал, что культурный слой здесь достигает 2—2,2 м, включая строительный слой XVIII в. Он представлял собой однородную светло-серую супесь, в которой прослеживаются четкие прослойки глины, песка, угля и золы — остатки сгоревших построек. Выше

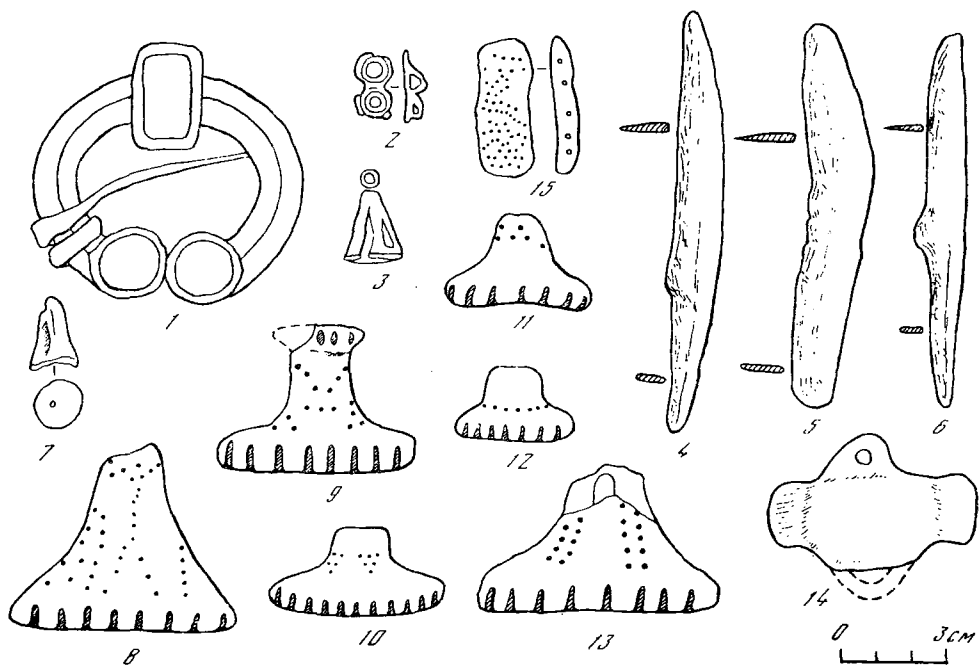

Рис. 1. Находки на городище Графская Гора

1-3 — бронзовые украшения; 4-6 — железные ножи; 8-15 — керамические предметы

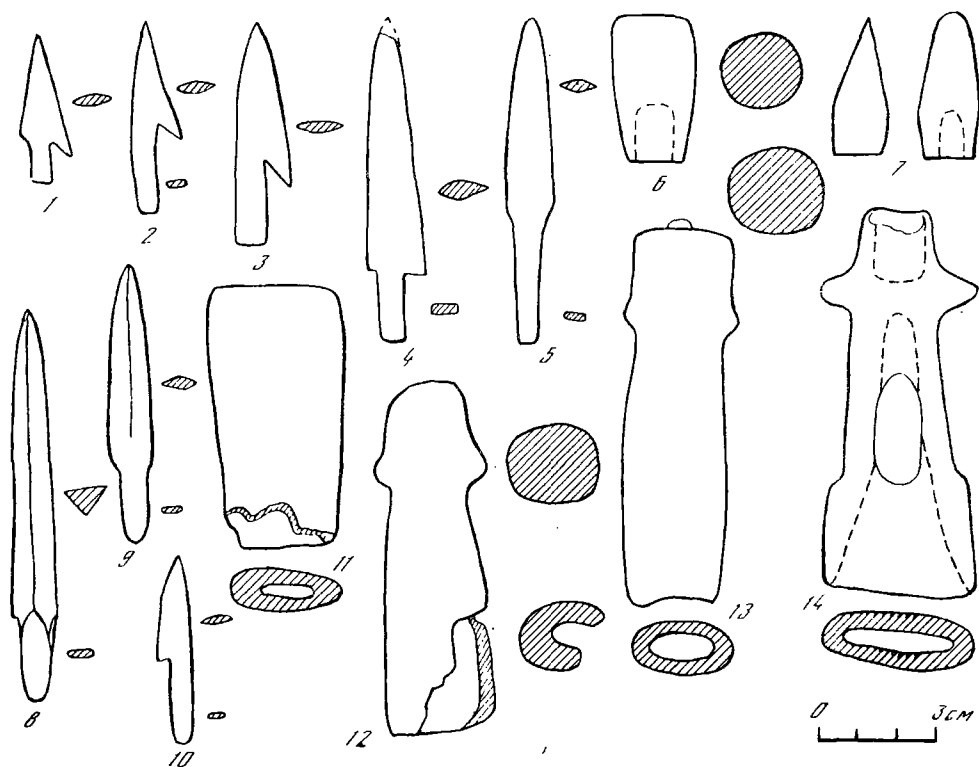

Рис. 2. Костяные наконечники стрел (1-10) и роговые рукоятки ножей (11-14) с городища Графская Гора

супеси, непосредственно под дерном залегал слой извести и кирпичной щебенки — остатки строительства конца XVIII в. Местами в культурном слое имелись ямы, достигавшие глубины 1,3 м от поверхности, также заполненные известью и щебенкой.

В процессе раскопок были обнаружены остатки построек, но ни в одном случае не удалось исследовать их полностью из-за малых размеров раскопа и многочисленных нарушений культурного слоя.

Культурный слой удалось расчленить на пять горизонтов.

Первый горизонт в виде светло-серой супеси, почти лишенной вкраплений, идет до глубины 0,5 м от поверхности. Остатки сооружений в нем не встречены. Горизонт должен быть датирован второй четвертью I тысячелетия н. э. по бронзовым подковообразной фибуле (рис. 1, 1), бляшке (рис. 1, 2) и подвеске (рис. 1, 3) и керамике с черным лощением, которая составляет около 6% общего количества керамического материала. Костяные стрелы и сетчатая керамика попали в этот горизонт, по-видимому, из более древних отложений.

Второй горизонт находился на глубине 0,5—0,8 м от поверхности. В нем обнаружены остатки двух построек. Одна из них (1), сохранившаяся лучше, достигала в ширину 4,1 м. Ее пол представлял собой площадку из песка и глины с четкими границами, мощностью 0,1—0,15 м. Стены постройки, судя по остаткам бревен, имели срубную конструкцию. В восточной и западной частях постройки прослежены остатки двух очагов в виде плотных скоплений угля и золы с четкой границей. Наличие двух очагов может косвенно свидетельствовать о делении постройки на две части. От постройки 2 удалось проследить только угол. Второй горизонт, по-видимому, следует датировать периодом до н. э., так как сетчатая керамика в нем составляет около 75%.

Третий горизонт был выделен на глубине 0,8—1,2 м. В нем были прослежены остатки только одной сильно разрушенной постройки (3). Сохранилась часть площадки пола из необожженной глины толщиной 0,1 м. Остатки обугленных бревен позволяют сделать вывод, что жилище представляло собой сруб. В пределах постройки прослежены два скопления обожженной глины — по-видимому, остатки очагов. Они помещались у стены дома. Чтобы предохранить стену от огня, ее обмазывали глиной. Находки скоплений обожженной глины у стен построек наблюдались и на других дяковских городищах. В южной части постройки был найден череп собаки, лежавший теменем вверх и ориентированный на юг.

Третий горизонт следует датировать серединой I тысячелетия до н. э., наиболее вероятное время его отложения — V—IV вв. до н. э. В пользу этой даты свидетельствуют большое количество сетчатой керамики (около 75%), а также находки однокрылой удлиненной костяной стрелы (рис. 2, 4) и роговой грибовидной рукоятки (рис. 2, 12).

Четвертый горизонт залегал на глубине 1,2—1,6 м от поверхности. Остатки построек в нем были прослежены на глубине 1,4—1,6 м. В южной части раскопа открыта постройка 4. От нее сохранились остатки глиняной площадки пола толщиной 5—8 см и большое количество угля и золы. Измерить площадку не удалось, так как края ее разрушены. В углублении пола обнаружен очаг размерами 0,4×0,6 м, сложенный из камней.

Пятый горизонт находился на глубине 1,6—2 м. На глубине 1,8—1,9 м прослежены остатки еще одного наземного прямоугольного жилища, ориентированного по странам света. Размеры его указать нельзя, так как исследованы только угол и части двух стен в виде четких угольных прослоек шириной 0,1—0,15 м. Внутри постройки находились остатки очага, помещавшегося в значительном удалении от стены. Они представляли собой пласт прокаленной глины размерами 0,8×0,5 м и толщиной 2—4 см. В западной части очага лежал небольшой камень. Уголь и зола располагались только в центре площадки. Пол этой постройки не имел глиняной обмазки. Среди датирующих находок, обнаруженных внутри постройки и

рядом с ней, надо назвать костяную однокрылую стрелу каширского типа (рис. 2, 1). Такие наконечники были в употреблении в VII—VI вв. до н. э. Мощность отложений, под которыми найдена стрела, по-видимому, дает основание датировать этот слой VII в. до н. э. Этой дате не противоречат две однотипные стрелы, которые также применялись в ту эпоху (рис. 2, 2, 3), и грибовидная рукоятка (рис. 2, 14). Сетчатая керамика в слое составляет примерно 80%.

Таким образом, при исследовании городища Графская Гора обнаружены остатки пяти построек, относящихся к разному времени. Во всех случаях постройки были наземные, по-видимому, срубной конструкции. Определение углей показало, что для сооружения построек употреблялись вяз, ясень, липа³. Во всех случаях, кроме одного, полы построек были обмазаны смесью глины и песка. Исключение представляет самая древняя постройка (5). Преобладали очаги в виде глиняных площадок. Очаг из камней обнаружен только в постройке 4.

Из находок самой многочисленной категорией является керамика. Керамика с сетчатой поверхностью составляет около 75% всего материала, в предметарном слое ее количество возрастает до 80%. Здесь же найдены 37 обломков посуды со штрихованной поверхностью и 42 фрагмента керамики бронзового века. Последняя находилась, очевидно, во вторичном залегании. В верхнем слое найдена керамика с черным лощением, которая относится к первой половине I тысячелетия н. э.

Из других керамических предметов следует отметить десять грузиков дьякова типа обычных форм (рис. 1, 8—13), относящихся в основном к периоду от IV в. до н. э. до II в. н. э. Один грузик должен быть датирован более ранним временем и по условиям залегания, и типологически (рис. 1, 8). Он может быть отнесен к типу 126 по предложенной нами классификации⁴, но отличается большей высотой.

Найдена также погребушка близкой к овальной формы. На ее боковой поверхности наклеплены две петли (рис. 1, 14). Такие погребушки в лесной полосе до сих пор не были известны. Другая погребушка имеет форму, близкую к яйцевидной. Интересны керамические многоканальная бусина-разделитель с точечным орнаментом на лицевой стороне (рис. 1, 15) и две конические подвески. Стратиграфическое положение бусины неясно. Конические подвески найдены на глубине 1,4 м от поверхности. В коллекции имеются мелкие обломки миниатюрных сосудиков и два пряслица.

Из бронзовых предметов прежде всего надо отметить подковообразную фибулу (рис. 1, 1). Это четвертая находка подобных предметов в пределах Волго-Окского междуречья. Вещь, несомненно, привезена из Прибалтики. М. Х. Шмидехельм датировала подобные фибулы IV—началом V в. н. э.⁵ Такая дата может быть принята и для Верхней Волги. К тому же времени относятся бронзовые бляшка (рис. 1, 2) и подвеска (рис. 1, 3).

Из железных предметов отметим ножи, относящиеся к трем типам, широко известным на памятниках раннего железного века. Среди них один серповидный нож (рис. 1, 4), два — с горбатой спинкой (рис. 1, 5) и два — прямых (рис. 1, 6). Найдены железные стержень длиной 2,2 см, вероятно шило, и обломок железного кольца из дрота толщиной 0,7 см и диаметром 10 см.

Находки костяных изделий многочисленны и разнообразны. В первую очередь надо остановиться на наконечниках стрел. Большинство наконечников имеет правильную геометрическую форму и удлиненные пропорции. Они тщательно заполированы, что считается ранним признаком⁶. Наконечники стрел можно подразделить на два отдела: втульчатые и черешковые. К первому отделу относятся четыре наконечника. Один из них — ланцетовидный втульчатый (рис. 2, 7). Судя по положению в слое, он должен датироваться V—III вв. до н. э. Аналогия ему известна только одна — наконечник Пекуновского городища⁷. Три других наконечника предназначались для охоты на пушного зверя. Один из них цилиндриче-

ский (рис. 2, 6), два — цилиндрические сквозные. Время распространения таких наконечников весьма широко.

Среди черешковых наконечников, которые могут быть использованы для датировки, надо отметить однокрылый наконечник так называемого каширского типа (рис. 2, 1). Он найден в предматериковом слое. Впервые такие стрелы были выделены и датированы В. А. Городцовым при раскопках Старшего Каширского городища⁸. Он сравнил их со скифскими бронзовыми однокрылыми наконечниками VII—VI вв. до н. э. Правомерность сравнения и точность даты позднее подтвердил Б. Н. Граков⁹.

Несколько более поздним временем должны быть датированы три однокрылых удлинённых наконечника. Стратиграфически они находились выше, чем наконечник каширского типа. Впервые на отличие этих наконечников от наконечников каширского типа обратил внимание О. Н. Бадер¹⁰. Они должны быть датированы V—IV — может быть, III в. до н. э.

Одношипные наконечники представлены четырьмя экземплярами (рис. 2, 2, 3, 10). Они найдены в предматериковом слое и чуть выше. Трёхгранных черешковых наконечников всего два. У одного из них переход от пера к черешку выражен плавно, у другого — в виде уступа (рис. 2, 8). Вытянутая форма и тщательная полировка говорят об их ранней дате.

Черешковые наконечники с ромбическим сечением пера и плавным переходом от пера к черешку представлены семью экземплярами (рис. 2, 5, 9). Они встречались во всех слоях, кроме предматерикового.

Из предметов конского снаряжения найден роговой псалий, который может быть датирован VII—VI вв. до н. э.¹¹

В культурном слое городища найдено восемь грибовидных роговых ручек ножей (рис. 2, 12, 13). Некоторые из них орнаментированы продольными полосами, в одной сохранился обломок черешка ножа. Особо следует отметить рукоятку, у которой в тыльной части имеется глухой канал (рис. 2, 14). Стратиграфически они встречаются по всей толще культурного слоя. Кроме грибовидных, найдена простая рукоятка (рис. 2, 11).

Из других костяных предметов отметим проколки, широко известные на дьяковских городищах, с отверстием для нитки (17 экз.) и без него (4 экз.), и обрезок медвежьего клыка с отверстием — часть ожерелья.

Найдены также четыре оселка обычной для дьяковских городищ формы.

Судя по остеологическому материалу, первое место в стаде домашних животных у обитателей городища занимала лошадь, второе — крупный рогатый скот, третье — свинья, четвертое — мелкий рогатый скот. Среди диких животных на первое место выходит лось, на второе — бобр, на третье — лисица, на четвертое — заяц, барсук и куница.

Хотя на городище и имеется слой второй четверти I тысячелетия н. э., основная толща отложений должна быть отнесена к VII—II вв. до н. э. В пользу этой даты свидетельствуют высокий процент сетчатой посуды, характер и многочисленность костяных предметов.

¹ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. — МИА, № 5, 1941; Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге. — МИА, № 13, 1950.

² Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге, с. 109—116.

³ Определение Г. Н. Лисицыной.

⁴ Смирнов К. А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища. — Сб.: Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1971, с. 82.

⁵ Шмидхельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, с. 100.

⁶ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, № 28, 1952, с. 84, 86.

⁷ Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге, с. 118, рис. 37, 4.

⁸ Городцов В. А. Старшее Каширское городище. — Известия ГАИМК, 85, 1933, с. 24.

⁹ Граков Б. Н. Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР. — СА, 1958, № 4, с. 3.

¹⁰ Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге, с. 117.

¹¹ Смирнов К. А. Роговой псалий с городища Графская Гора. — СА, 1972, № 2, с. 183.

К. И. КОМАРОВ

О РАБОТАХ
ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА СИТИ

В 1971 и 1972 гг. Славянский отряд Верхневолжской экспедиции произвел работы разведочного характера на р. Сить. Впервые берега этой реки обследовал в 1866 г. Н. П. Сабанеев, оставивший обстоятельное описание находящихся здесь курганных могильников¹. Главной целью его исследования был поиск места битвы 1238 г. на Сити. Поэтому он посчитал все курганы (некоторые из них он раскопал) захоронениями воинов Юрия Всеволодовича, несмотря на то, что никакого оружия в погребениях не было найдено. Курганы встречаются по всему течению Сити. Это обстоятельство навело Н. П. Сабанеева на мысль, что битва 1238 г. произошла не в одном пункте, а растянулась от верховьев до нижнего течения реки, представляя собой целый ряд столкновений и стычек, отмеченных курганами.

В 1875 г. раскопки курганов на Сити продолжил Л. К. Ивановский². Он приписал их мирной веси. Однако археологических доказательств этому заключению он не представил.

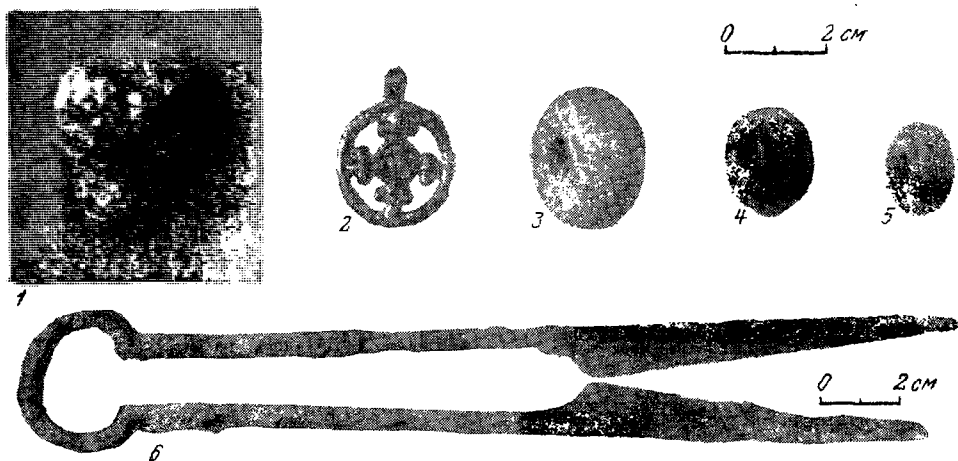
В 1971 г. в Михалевском I могильнике исследовано шесть курганов, частично раскопанных ранее. В них оказались погребения по обряду трупоположения в ямах глубиной до 40 см. Костяки сохранились не во всех курганах, уцелевшие обращены головами на запад. В насыпях и на горизонте встречались зольно-углистые прослойки. В кургане 1 уцелел только череп. На его лобной части находился венчик из золототканой тесьмы шириной около 2 см. По определению М. В. Фехнер, ткань была обычной византийской работе XII—XIII вв.³ С обеих сторон у висков к тесьме крепились по три тонкопроволочных перстнеобразных бронзовых височных кольца диаметром 2 см, полностью окисленных. Сквозь них были пропущены пряди волос (рис., 1).

В кургане 2 центральное погребение было разрушено. К югу от него в подкурганной яме открыто второе погребение пожилого мужчины. Судя по всему, оно было совершено до насыпки кургана. При погребенном на шейных позвонках лежала медная пуговица с петелькой. Здесь найден кусочек бересты от гробовища.

В кургане 3 обнаружены следы медных тонкопроволочных перстнеобразных височных колец. Костяк не сохранился. В кургане 4 были замечены следы гробовища в виде колоды. Костяк не сохранился.

Особый интерес представляет курган, расположенный на дне оврага, в долине р. Обухта, стоящий особняком среди основной группы. По размерам (высота более 1,5 м, диаметр более 12 м) и местоположению он аналогичен Прозоровской сопке и может также считаться сопкой. Курган испорчен кладовищательской ямой, в его основании видны крупные валуны.

На противоположном, правом берегу р. Обухта обнаружено селище. Здесь, по словам Н. П. Сабанеева, крестьяне выпаживали топоры и «оружие». Раскоп площадью 44 кв. м показал, что культурный слой мощностью 20—40 см уничтожен распашкой. Интерес представляют две ямы естест-

Череп с остатком венчика из кургана 1 Михалевского могильника (1) и вещи из селищ (2—6)

2 — подвеска из Михалевского селища; 3—5 — шиферные пряслица из Турбановского селища; 6 — ножницы оттуда же

венного характера. Они были заполнены темным песком вперемешку с золой, углями и мелкими камнями. Кроме керамики, в одной из ям найден прямой ключ с ушком для подвешивания, датируемый XIII в.⁴, в другой — круглая литая бронзовая подвеска с изображением креста в круге (рис., 2). Она аналогична многочисленным подвескам подобного рода из Владимирских и Костромских курганов⁵. Среди керамики имеются фрагменты с линейным и волнистым орнаментом и оттиском прямоугольного штампа. Селище датируется X—XIII вв. На основании зольной прослойки, прослеженной под пахотным слоем в ямах, можно заключить, что оно погибло от пожара.

В 1972 г. у дер. Турбаново открыто селище. Оно тянется вдоль левого берега Сити, ниже устья ручья Кременник, на 250 м. Культурный слой сверху, до глубины 30 см, испорчен распашкой. Ниже идет темно-серый слой (толщина 15—30 см), не тронутый распашкой. Шурфом 4×4 м вскрыта часть наземного жилища. Стены сруба лежали на крупных камнях. В жилище открыта яма, в которой оказался развал камней от печи. Печь была сложена над ямой глубиной 35 см, видимо, на деревянном основании. Заполнение нижней части ямы состояло из углей и золы и имело интенсивно темный цвет. Над этим слоем залегала прослойка светлой глины толщиной 2—5 см, еще выше — углистая прослойка толщиной 2—3 см, в которой найдены фрагменты ошлакованной керамики. Здесь же собрано значительное количество кусочков оплавленной бронзы, один из которых оказался частью ручки от сосуда. Углистый слой перекрывал развал камней, имеющих в поперечнике 8—20 см.

Керамика селища по преимуществу гончарная. 30% керамических фрагментов орнаментированы, из них 10% — волнистыми линиями, остальные — частыми врезными линиями и полосками по плечикам и тулову. Среди других находок отметим три ножа (два из них найдены в районе печи), пружинные ножницы и три шиферных пряслица. Ножницы (рис., 6) достигают в длину 25 см, длина лезвия 10,5 см. Б. А. Колчин считает такие ножницы орудиями ремесленников. В Новгороде они датируются XI—XII вв.⁶ Пряслица из розового шифера (рис., 3—5) свидетельствуют о том, что селище было вовлечено в систему торговых связей, сложившихся на Руси в XI—XII вв.

Материалы раскопок говорят о внезапной гибели жилища в огне. Значительная примесь углей и золы в культурном слое селища указывает на

то, что оно погибло от пожара. Можно предположить, что селище погибло при татаро-монгольском нашествии, последовавшем за гибелью войска Юрия Всеволодовича в марте 1238 г. на Сити.

Исследование могильника у дер. Себельская на р. Себла выявило захоронения в подкурганных ямах глубиной 0,8—1 м. Инвентарь, за исключением ножей, обнаруженных в погребениях мужчин, отсутствовал. Ножи были довольно крупных размеров, широколезвийные. В Новгороде они датируются XII—XIII вв. и даже XIV—XV вв.⁷

В одном из курганов над могильной ямой найден фрагмент венчика сосуда XIII в. На вершине другого кургана в дерновом слое обнаружены остатки тризны в виде кострища с черепками глиняных горшков. Керамика по аналогии с Новгородом датируется XV—XVI вв.

Из прежних раскопок курганов известно, что здесь встречались и трупоожжения⁸. П. Н. Третьяков, проводивший исследования в этом районе, сближал насыпи с Ленинградскими и Костромскими курганами и датировал концом XII—началом XIII в.⁹ Данные новых раскопок не противоречат этой дате. Остатки же тризны на одном из курганов с керамикой XV—XVI вв. говорят о том, что по крайней мере до XV в. включительно здесь население не менялось. Можно думать, что до р. Себла волна татаро-монгольского нашествия не докатилась.

¹ *Сабанев Н. П.* Описание курганов Моложского уезда. — Труды Ярославского губернского статистического комитета, 5, 1868, с. 29—99.

² *Ивановский Л. К.* Отчет о раскопке курганов в Моложском уезде Ярославской губернии. — Древности. Труды Московского археологического общества, т. 9, вып. 1, 1881, с. 7—20, 55.

³ Автор выражает признательность М. Ф. Фехнер за труд по реставрации и определению находки.

⁴ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, № 65, 1959, с. 87, рис. 70, В.

⁵ *Спицын А. А.* Владимирские курганы. — ИАК, 15, 1905, с. 142,

рис. 201; *Нефедов Ф. Ф.* Раскопки курганов в Костромской губернии. — МАВГР, III, 1899, табл. 6, 16.

⁶ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 59, 61, рис. 26.

⁷ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 49, рис. 34, 12, 13.

⁸ *Тихомиров И. А.* Отчет о раскопках в Прозоровской волости в 1926 г. Архив Ярославского музея.

⁹ *Третьяков П. Н., Шмидт А. В., Чернягин Н. Н.* Район реки Мологи. — В кн.: Археологические работы академии на повостройках в 1932—33 гг. (Известия ГАИМК, 109). М.—Л., 1935, с. 137—139.

К. В. ПАВЛОВА

РАСКОПКИ КУРГАНОВ У ДЕРЕВЕНЬ СЕЛЕЦ
И БОТАРЕВКА В ПОНЕМАНЬЕ

Отряд по изучению погребальных памятников Новогрудской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1972 г. производил раскопки курганных могильников в окрестностях г. Новогрудок Гродненской области БССР. Основное внимание было сосредоточено на исследовании двух малоизвестных памятников — могильников у деревень Селец и Ботаревка.

Могильник у дер. Селец открыт Ф. Д. Гуревич в 1956 г. и упомянут ею в числе недатированных памятников Белорусского Понеманья¹. Находится он в густом лесу, примерно в 3 км к востоку от Новогрудка. Могильник занимает площадь около 2 га, вытянут с северо-востока на юго-запад². Курганы расположены беспорядочно, негусто. Большая скученность курганов наблюдается в центральной части могильника и на его юго-восточной окраине, что создает видимость расчленения могильника на две части — западную и восточную, причем в западной части курганов примерно в два раза больше, чем в восточной.

В настоящее время в могильнике насчитывается более 50 курганов разных размеров. Среди них есть сравнительно крупные, диаметром более 10 м, высотой до 2 м. Но большая часть насыпей имеет диаметр 5—6 м, высоту 60—80 см. Насыпи полшаровидной формы сильно оплыли, задернованы, почти все слегка искажены старыми пнями и корнями деревьев. Около многих курганов с одной или двух сторон наблюдаются небольшие западины — вероятно, остатки заплывших ровиков. Вершины некоторых курганов уплощены.

В 1972 г. раскопано пять курганов: три в центральной части могильника и два — на юго-восточной его окраине. Насыпи курганов центральной части могильника состояли из желтого песка, насквозь прошнурованного корнями деревьев. Ближе к основанию насыпи песок, благодаря приросту гумуса, был темнее. Камней в насыпях почти не попадалось.

Курганы юго-восточной части могильника насыпаны из темной, коричневатой, сильно гумусированной земли с торфянистыми прослойками. Как показали пробные траншеи, материал для насыпи курганов в обеих частях могильника был взят на месте. Видимо, курганы восточной части могильника попали на старое небольшое болотце, которое к тому времени затонуло и превратилось в торфяниковую низину.

Во всех курганах обнаружены погребения, совершенные по обряду трупоположения у подошвы насыпи, на уровне древней дневной поверхности. Среди них — два погребения мужчин в возрасте 25 и 30—35 лет и три — женщин: одна в возрасте до 18 лет, две — до 20 лет³.

В насыпи кургана 4 на расстоянии 70 см к северу от центра в небольшой ямке, непосредственно на грунте найдена небольшая кучка мелких обломков кальцинированных костей. Кости были, вероятно, тщательно отобраны на месте сожжения, так как ни золы, ни кусочков угля, ни обломков вещей среди них не попало. Возможно, что здесь было впускное погребение, совершенное по обряду трупопожжения на стороне. Такое же

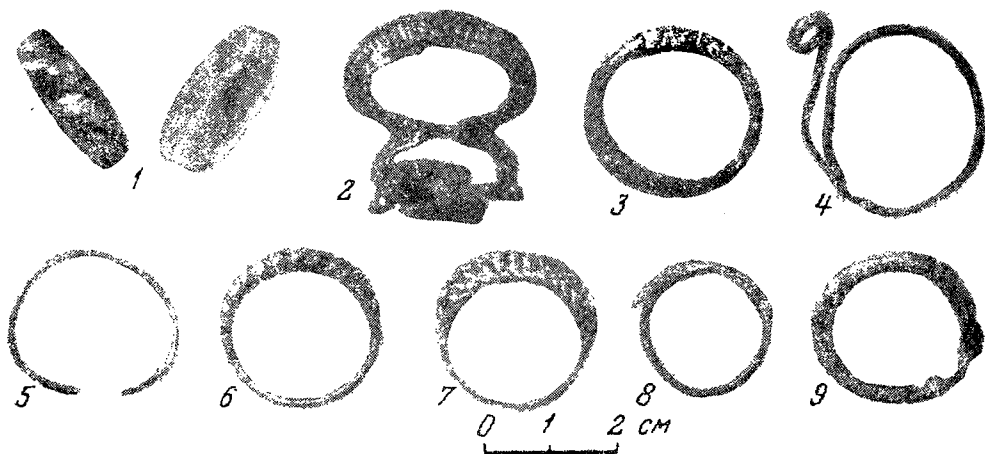

Рис. 1. Вещи из курганов у деревень Селец и Ботаревка

1 — бусы из кургана 5 у дер. Селец; 2—5 — пряжки, поясное кольцо и височные кольца из кургана 1 у дер. Селец; 6—9 — перстни и височные кольца из кургана 1 у дер. Ботаревка

впускное погребение было открыто в одном из курганов могильника в дер. Бретянка ⁴.

Все погребенные по обряду труположения лежали в вытянутом положении, на спине, головами на запад с небольшими отклонениями к югу или к северу. Положение рук из-за плохой сохранности костей не всегда ясно. Все же замечено, что у мужчин левая рука вытянута вдоль туловища, правая — чаще согнута в локте, кисть лежит на тазовых костях. У женщин правая рука вытянута вдоль туловища, а кисть левой лежит на животе. Такое же различие положения рук в мужских и женских погребениях наблюдается и в других могильниках того времени в окрестностях Новогрудка. Возможно, это различие имеет определенное ритуальное значение и может служить одним из критериев при определении пола погребенных, когда это невозможно сделать по погребальному инвентарю и анатомическим признакам, которые часто бывают неясны вследствие повреждения костей.

Ритуал погребения в Селецких курганах однообразен. Под всеми покойниками и вокруг них на погребальных площадках имелась интенсивная золистая прослойка. В кургане 5 на золистом слое у изголовья лежала обгорелая доска длиной 50 см, шириной около 12 см. Слабые следы сгоревшего дерева в виде тонкой углистой полоски слева от погребения и немного выше его наблюдались и в кургане 3.

Вещей в Селецких курганах найдено очень мало. Среди женских украшений наиболее интересны обломки серебряной ажурной зерновой бусины дреговичского типа из кургана 2 и бусины из кургана 5, одна из которых — стеклянная мозаичная печеночного цвета удлинненно-биконической формы, другая — аметистовая бипирамидальная, уплощенно-шестигранная (рис. 1, 7). Первая из них относится к типу стеклянных бус X—XI вв., вторая датируется X—XII вв. ⁵

Относительно богатый комплекс вещей в этом могильнике оказался в мужском погребении в кургане 1. Здесь найдены нож, бронзовое поясное кольцо, арочная пряжка и серебряное круглое проволочное колечко со спиральным завитком на одном конце, согнутое в полтора оборота (рис. 1, 2—5). Над погребением найдены обломки верхней части глиняного горшка, сделанного на гончарном круге. По составу теста, сложной профилировке венчика, форме и орнаменту этот горшок аналогичен кера-

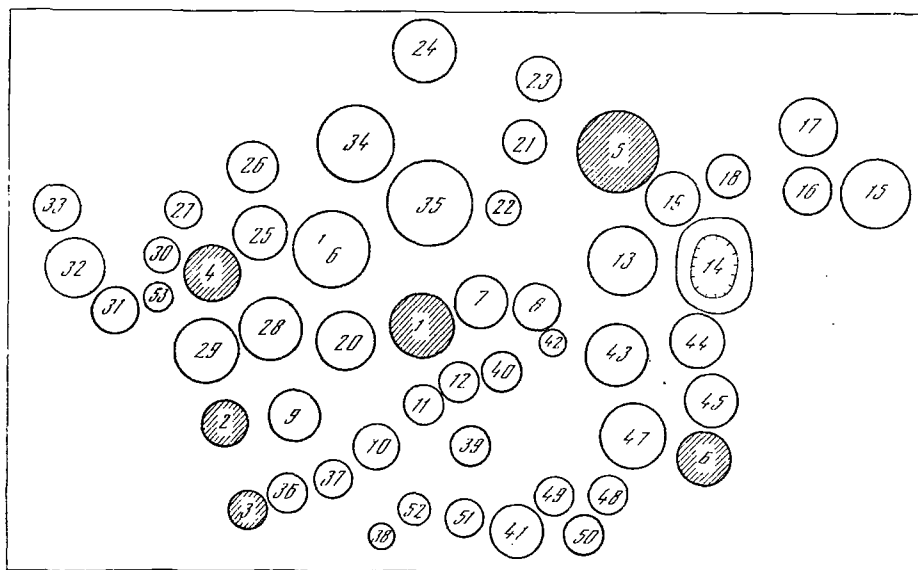

Рис. 2. План могильника у дер. Ботаревка

мике нижнего горизонта древнего Новогрудка, датируемого XI в.⁶, и ничем не отличается от горшков, найденных в курганах первой половины XI в. в могильнике у дер. Городиловка⁷. Таким образом, по погребальному инвентарю могильник у дер. Селец можно датировать концом X—XI в., а по особенностям погребальной обрядности его, вероятно, нужно отнести к памятникам дреговичей. Для более определенного суждения необходимо дальнейшее исследование могильника.

Могильник у дер. Ботаревка находится в лесу, примерно в 500 м к западу от Ботаревки, ныне вошедшей в состав Новогрудка. Урочище, где расположен могильник, представляет собой правый коренной берег небольшого безымянного ручья, протекающего с запада на восток посредине слегка заболоченной долины шириной 150—200 м.

В могильнике насчитывается 55 курганов полушаровидной формы диаметром от 3 до 8 м, высотой от 0,3 до 1 м. Насыпи задернованы, но почти все слегка искажены старыми пнями и корнями деревьев. Вокруг наиболее крупных курганов имеются небольшие западины, но четко выраженных ровников нет. Курганы в могильнике расположены беспорядочно, но в южной части могильника преобладают небольшие насыпи диаметром 3—4 м, а некоторые из них едва заметны. Наиболее крупные курганы расположены в центральной и северной частях могильника (рис. 2).

В 1972 г. в разных частях могильника раскопано шесть наименее зазеленных курганов, в том числе один наиболее крупный курган, три — средних размеров и два — маленьких. Погребения обнаружены в трех курганах (1, 5 и 6), в трех других (2—4) открыты могильные ямы с очень нечеткими следами сгнивших скелетов. В двух курганах (1, 4) оказалось по две могильные ямы. В сохранившихся погребениях похоронены три женщины в возрасте 25—30 лет и ребенок до 7 лет. Все погребения совершены по обряду труположения: в кургане 5 — у подошвы насыпи, в остальных — в могильных ямах под курганами. Характерно, что погребение по обряду труположения у подошвы насыпи обнаружено в наиболее крупном кургане. Такое же явление наблюдалось в могильнике у дер. Сулятичи, где все наиболее крупные курганы были насыпаны над погребениями у подошвы насыпи.

Насыпи курганов у дер. Ботаревка состояли из желтого или красноватого крупнозернистого песка с галькой (жwir). Почти во всех курганах

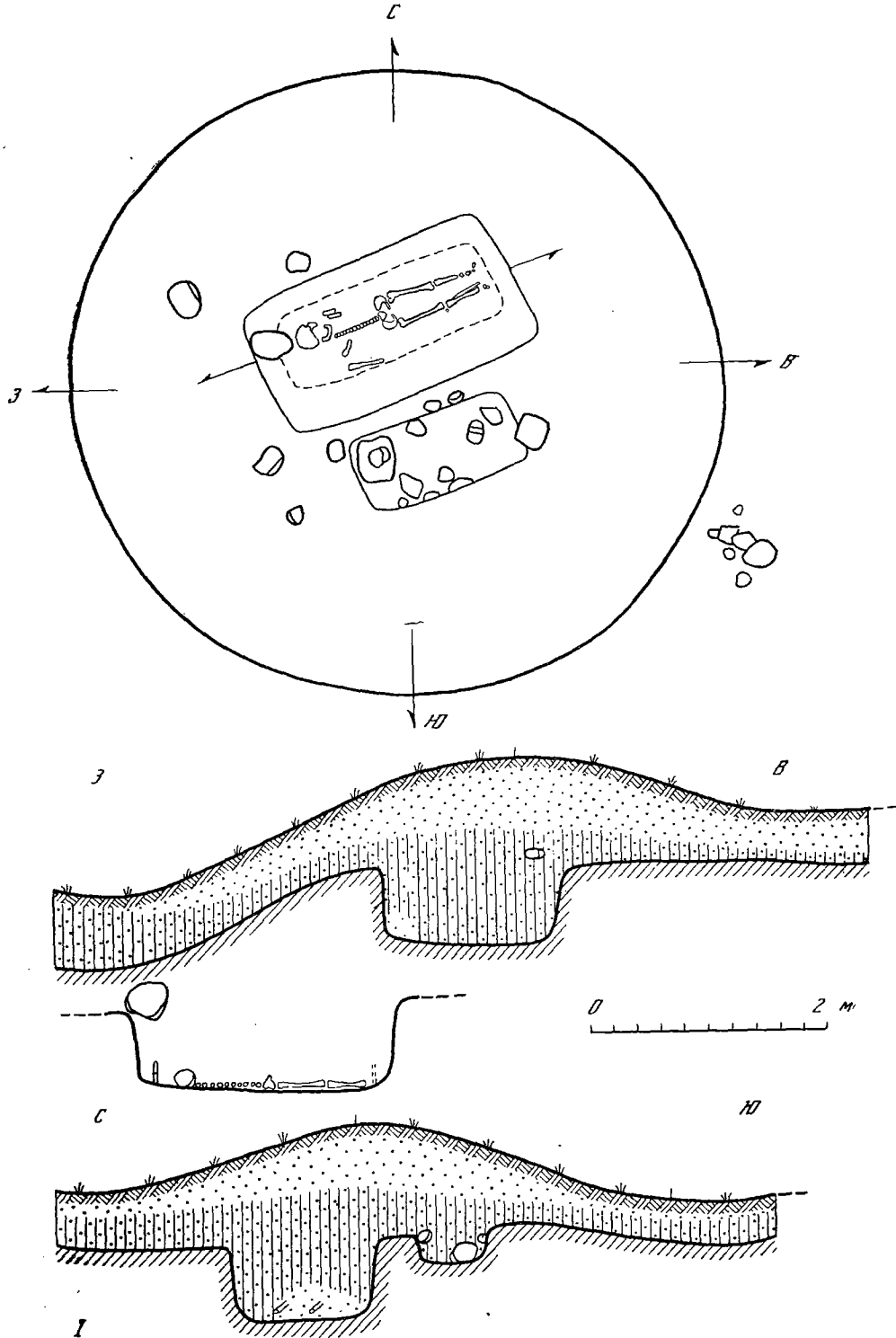
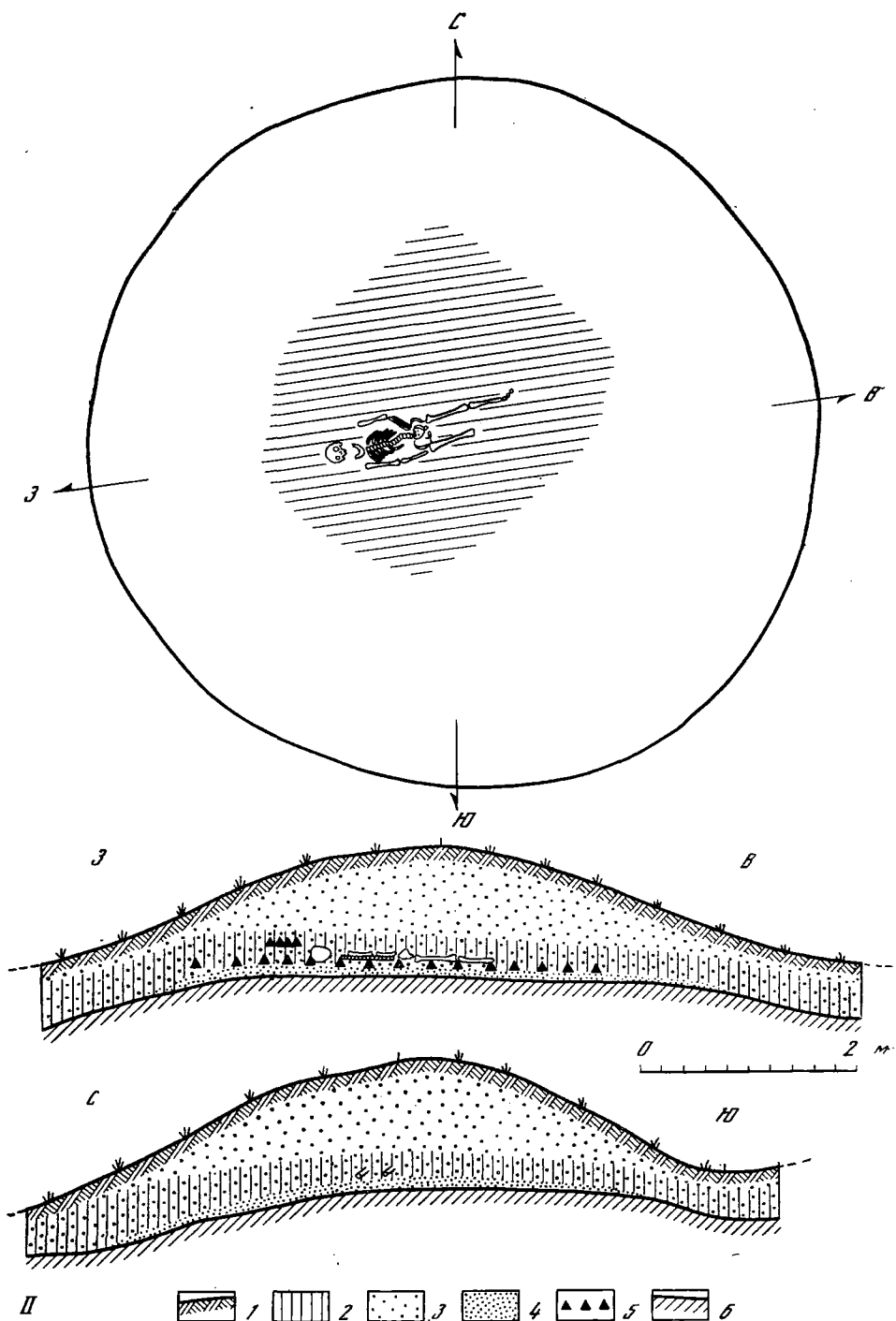

Рис. 3. Курганы у дер. Богаревка

I — план и разрезы кургана 1;

II — план и разрезы кургана 5; 1 — дерн; 2 — гумус; 3 — песок; 4 — предматериковый песок; 5 — вола; 6 — материк

попадались небольшие булыжные и более крупные камни. Больше камней всегда было у основания насыпей и в заполнении могильных ям, преимущественно в верхней части. Часто на западном краю ямы, у изголовья, лежал наиболее крупный камень. Иногда такие же камни находились и на другом конце ямы, у ног. Камнями сверху были забросаны могильные ямы, а наиболее крупными камнями отмечено место и направление могильных ям. Регулярных выкладок из камней у основания насыпей ни в одном из Ботаревских курганов не замечено.

Погребение женщины 25—30 лет в кургане 5 находилось у подошвы насыпи, но четко выраженной золистой прослойке. Положение скелета обычное — на спине, головой на юго-запад. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая положена на живот (рис. 3, II).

Погребенные в могильных ямах лежали непосредственно на глинистом грунте дна ямы. Только в кургане 6 под скелетом имелась подсыпка из песка. В кургане 1 покойница была похоронена, вероятно, в гробу, на что указывают прослеженные вокруг скелета и над ним четкие остатки гнилых досок, но под скелетом следы дерева не выявлены (рис. 3, I).

Все могильные ямы вырыты в материковом суглинке, имели прямоугольную в плане форму, вытянуты с востока на запад с небольшими отклонениями к северу или к югу. Размеры ям варьируют незначительно: длина 2,2—2,7 м, ширина 0,9—1,2 м, глубина 0,5—0,6 м от уровня поверхности материка. При одном погребении в кургане могильная яма располагается всегда в середине его основания; если же в кургане два погребения, обе ямы слегка смещены от середины площадки к краям, обычно в северном и южном направлениях, так, что обе ямы вместе занимают середину курганной площадки, что может указывать на одновременность захоронений (рис. 3, I).

Погребальным инвентарем Ботаревские курганы особенно бедны. Только в кургане 1 найдены женские украшения: одно проволочное колечко в полтора оборота, несколько обломков таких же колечек из оловянистого сплава и два перстня, один из которых бронзовый ложновитой, другой — серебряный плетеный с расплюснутыми концами (рис. 1, 6—9). В курганах 2, 3 и 5 у подошвы найдены разрозненные обломки глиняных гончарных горшков, которые наряду с височными кольцами и перстнями позволяют датировать могильник XII—XIII вв.

¹ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Поманья. М.—Л., 1962, с. 213.

² План могильника опубликован: Там же, с. 212.

³ Пол и возраст погребенных определены доцентом Минского государственного педагогического института им. А. М. Горького Л. Н. Казей.

⁴ Архив ЛОИА, ф. 35, д. 90 за 1965 г.

⁵ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — Труды ГИМ, 33, 1959, с. 152, 170.

⁶ Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта древнего Новогрудка. — КСИА, 104, 1965, с. 87, рис. 34.

⁷ Павлова К. В. Раскопки курганов у дер. Городиловка. — КСИА, 135, 1973, с. 59, рис. 16, 10, 11.

Г. Н. ПРОНИН, А. С. СМИРНОВ

РАБОТЫ ДЕСНИНСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ОТРЯДА
В 1973 г.

В 1973 г. Деснинский Левобережный отряд Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР проводил обследование притоков р. Десна — Болвы, Ревны и Навли. Разведками открыто значительное количество новых археологических памятников, относящихся к разным эпохам: стоянки неолита и бронзы, городище юхновской культуры, поселения позднезарубинецкой культуры, поселения и могильники древней Руси (рис. 1). Настоящая статья посвящена характеристике древнерусских памятников. Они сравнительно немногочисленны и в целом могут быть отнесены к домонгольскому времени. За исключением городища у с. Лески ни на одном из поселений не встречены материалы роменско-боршевского типа.

Курганный могильник у дер. Думча расположен на мысе правого коренного берега р. Думча, на 0,5 км ниже деревни, в густом смешанном лесу. Насчитывается 42 насыпи, многие из которых повреждены грабительскими ямами. Курганы крутобокие, округлой в плане формы. Средняя высота 0,7—0,9 м, диаметр не превышает 10—11 м. У многих курганов прослеживаются кольцевые ровики глубиной 0,2—0,3 м. Какой-либо закономерности в расположении насыпей внутри могильника не прослеживается.

В 250 м к западу от могильника, на пологом склоне правого берега реки открыто селище. Поселение вытянуто вдоль реки. Культурный слой серовато-коричневого цвета с вкраплениями золы и угля прослеживается на площади 2000 кв. м. Мощность культурного слоя 0,2—0,3 м. В слое встречена гончарная древнерусская керамика.

Комплекс памятников у с. Лески включает городище и два селища. Городище расположено на невысоком мысе правого коренного берега р. Колохва (левый приток р. Навля), в 2 км к западу от села. Мыс городища образован двумя сильно заплывшими оврагами и слегка вытянут в направлении северо-запад—юго-восток. Мыс городища возвышается над уровнем поймы на 4—5 м. С напольной стороны, по-видимому, производилась искусственная подсыпка. Других укреплений не прослеживается. Площадка городища круглой формы, размерами 45×45 м, имеет незначительное падение в направлении запад—восток. Культурный слой стратиграфически делится на два горизонта. Верхний горизонт интенсивного черного цвета, мощность его 0,70 м. В слое много костей, сильно пережженных обломков камня и углей. Нижний горизонт — темно-серая супесь с включениями золы и мелкого угля, мощность 0,15—0,20 м. Керамический материал встречен только в верхнем слое и состоит в основном из обломков толстостенных лепных сосудов грубой выделки с неровной поверхностью, в тесте — примесь крупного шамота. По технике изготовления керамика аналогична материалам деснинских памятников роменско-боршевского типа (рис. 2, 9). Встречены также отдельные фрагменты древнерусской гончарной керамики.

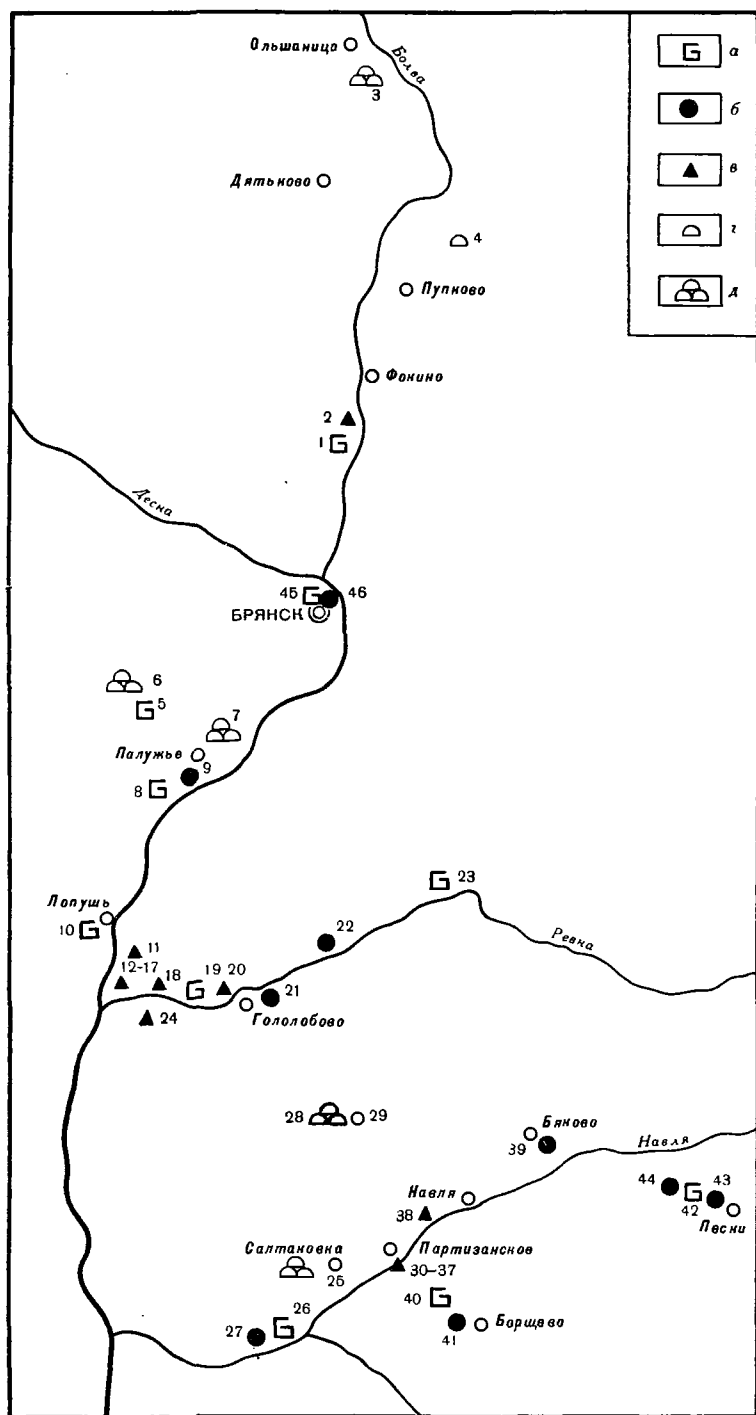

Рис. 1. Археологические памятники в бассейнах рек Ревна и Навля

1 — Шибенец; 2 — Шибенец II; 3 — Ольшаница; 4 — хут. Пулковский; 5 — Антоновка I; 6 — Антоновка II
 7—9 — Полужье; 10 — Лопушь; 11 — «Охотничий домик»; 12—17 — устье Ревны; 18 — Никольское I; 19—
 21 — Гололобово; 22 — Рябчевка; 23 — Кольцовка; 24 — Никольское II; 25 — Салтановка; 26, 27 — урочище
 Парня; 28, 29 — Думча; 30—37 — Святое; 38 — Алексеевское («Селецкие Ручьи»); 39 — Бяково; 40, 41 —
 Борщево; 42—44 — Лески; 45, 46 — Брянск («Чашин курган»)

a — городище; б — селище; в — стоянка; z — курган; д — курганная группа

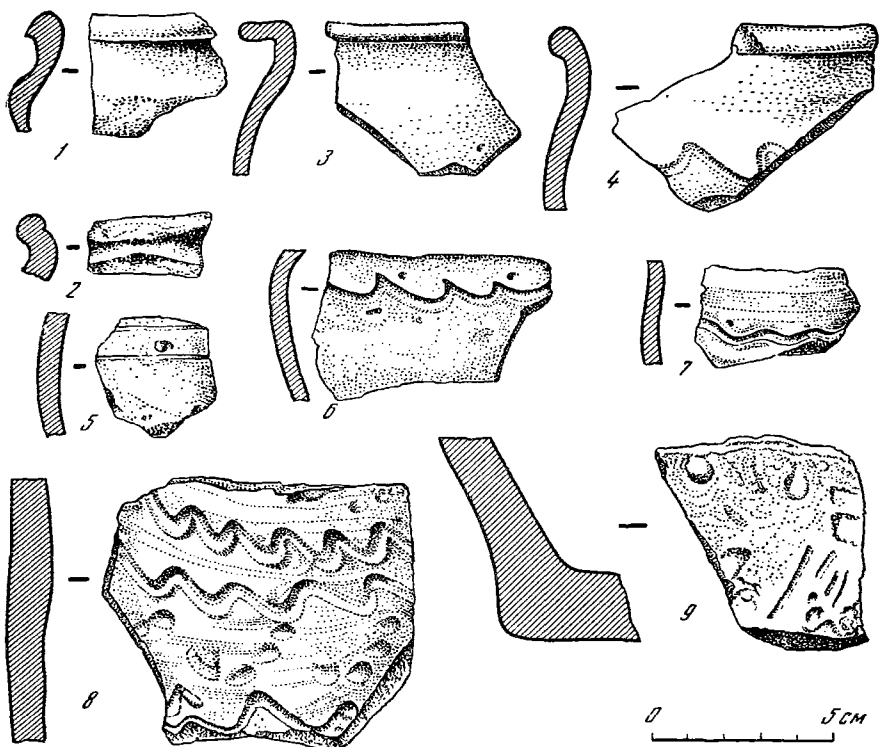

Рис. 2. Керамика из разведок в бассейне р. Десна

1, 6 — из селища Лески III; 2, 5 — из селища Лески II; 3, 4, 7, 8 — из городища Антоновка; 9 — из городища Лески

К востоку от городища находится селище, вытянутое вдоль коренного берега в направлении север—юг. Культурный слой темно-серого цвета прослеживается на пашне на площади 450×200 м. Подъемный материал — древнерусская гончарная керамика с линейным орнаментом (рис. 2, 2, 5). Памятник может быть предварительно датирован XII—XIII вв.

Второе селище расположено на противоположном левом берегу Колохвы в 0,5—1 км к северо-западу от городища. Селище занимает южную оконечность невысокой (2—3 м над уровнем поймы) дюнной гряды в направлении север—северо-запад—юг—юго-восток. Культурный слой селища — черный гумусированный песок, мощность 0,3 м. Среди подъемного материала встречены фрагменты керамики с примесью дресвы, возможно, относящиеся к середине I тысячелетия н. э., и гончарная керамика конца XII — середины XIII в. (рис. 2, 1, 6).

Комплекс у дер Антоновка включает городище и курганный могильник¹. Городище занимает мыс высокого правого берега р. Волонка (Супоневка), правого притока Десны, у северной окраины деревни. Мыс образован с севера руслом реки, с востока — руслом безымянного ручья. Высота площадки над уровнем реки достигает 15 м. Ров, защищавший площадку с напольной стороны, в настоящее время почти полностью запахан и прослеживается только с юго-востока, где достигает глубины 3 м. Площадка городища длительное время распахивалась, что особенно заметно с напольной стороны, где ее высота не превышает 5 м. Площадку округлой формы размерами 100×100 м уничтожает река, полностью разрушившая мысовую часть городища, что ввело в заблуждение Ф. М. Заверняева, считавшего этот памятник селищем. Культурный слой интенсивно-черного цвета с включениями угля, мощность 0,5—0,6 м. В слое обна-

ружена гончарная керамика из плотного теста с примесью дресвы и слюды. Фрагменты керамики принадлежат разнотипным сосудам: горшкам с тонким, резко отогнутым венчиком, поставленным почти вертикально к тулову (рис. 2, 3), или со слабоотогнутым округлым венчиком (рис. 2, 4). Стенки сосудов украшены волнистым орнаментом: на некоторых фрагментах это широкие, довольно небрежно нанесенные линии с острым изломом, на других — более тонкие, глубокие (рис. 2, 7). Один из обломков украшен несколькими рядами широких (до 5 мм) небрежных ломаных линий, нанесенных по сырой глине, и дугообразными «фесто-нами», заключенными между ними (рис. 2, 8). В тесте сосуда отсутствует примесь дресвы. Городище датируется XII—XIII вв.

На противоположном берегу Волонки, к северу—северо-востоку от городища расположен курганный могильник, в котором, по данным разведки Ф. М. Заверняева², насчитывалось восемь насыпей. В настоящее время сохранились две насыпи полусферической формы высотой 1,2 и 1,5 м.

¹ Ранее обследовано Ф. М. Заверняевым. Архив ИА, д. 1731/1957, с. 51.

² Архив ИА, д. 1732/1957, с. 51.

Г. В. ХАРИТОНОВ, И. Г. ПОРТНЯГИН

РАСКОПКИ СЕЛИЩА БЕЛЫЙ ГОРОДОК
НА СРЕДНЕЙ МОЛОГЕ

В 1972 г. экспедиция Калининского областного краеведческого музея раскапывала славянское селище Белый Городок. Расположено оно на левом берегу р. Молога, в 400 м ниже с. Борисовское (Нижние Пороги) при устье р. Медведы. Поверхность селища распахана почти полностью. Черный гумусированный культурный слой его четко выделяется на фоне окружающей желтоватой супеси. Вдоль берега реки селище вытянуто на 300 м, ширина его 50 м. Напротив селища, на левом берегу Медведы, расположен могильник из 78 курганных насыпей.

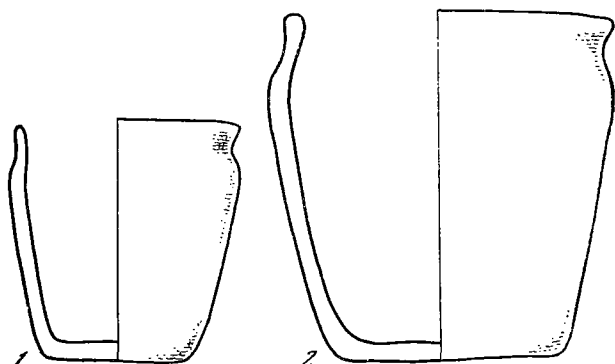

Рис. 1. Лепные сосуды селища Белый Городок (1, 2)

Исследуемое селище упомянуто еще в работе В. А. Плетнева¹. Затем оно было обследовано в 1926 г. краеведом Ф. И. Ивановым². В 1971 г. на селище побывал разведывательный отряд Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР под руководством Ю. Н. Урбана³. В 1972 г. на прибрежном участке селища был заложен небольшой раскоп площадью 132 кв. м, выявивший культурный слой (черная гумусированная супесь с большим количеством пережженных камней) мощностью от 0,7 м в южной части раскопа до 0,4 м — в северной⁴. Толщина пахотного слоя от 0,2 до 0,3 м.

В нижних горизонтах черного гумуса расчищены три очажка в виде небольших скоплений пережженных камней на слое прокаленной земли. Наибольший интерес представляет очаг, находившийся в небольшой ямке округлой формы (глубина до 0,2 м) с корытообразным дном, на котором прослежена тонкая зольная прослойка. Выше находились еще три подобные прослойки, сливавшиеся у краев ямки. В верхней части очага найдено несколько сильно обожженных камней с золой и углями.

На селище найдено 628 фрагментов керамики, из них 353 (56,2%) принадлежали лепной посуде.

В предматериковом слое обнаружен развал лепного сосуда баночной формы со слабоотогнутым венчиком (рис. 1, 1). Еще один лепной сосуд

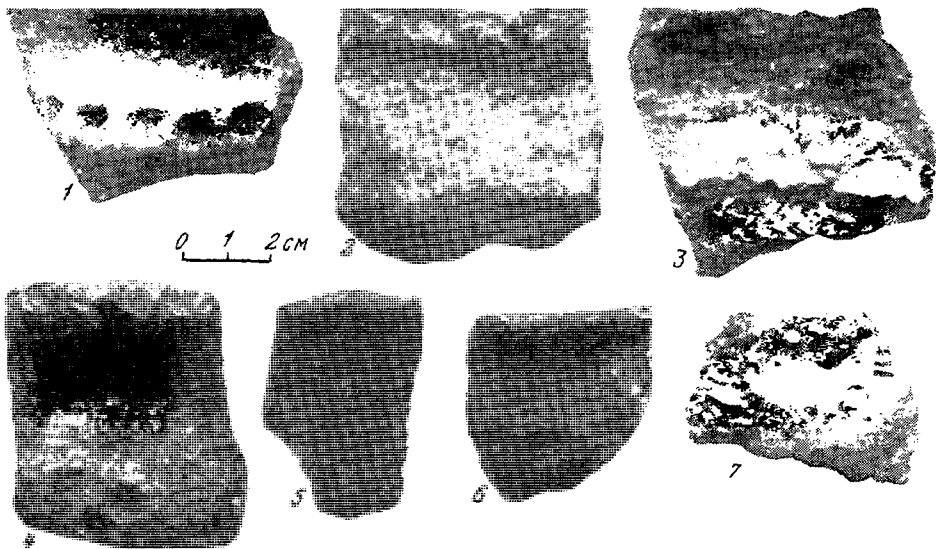

Рис. 2. Вещички лепной керамики селища Белый Городок (1—7)

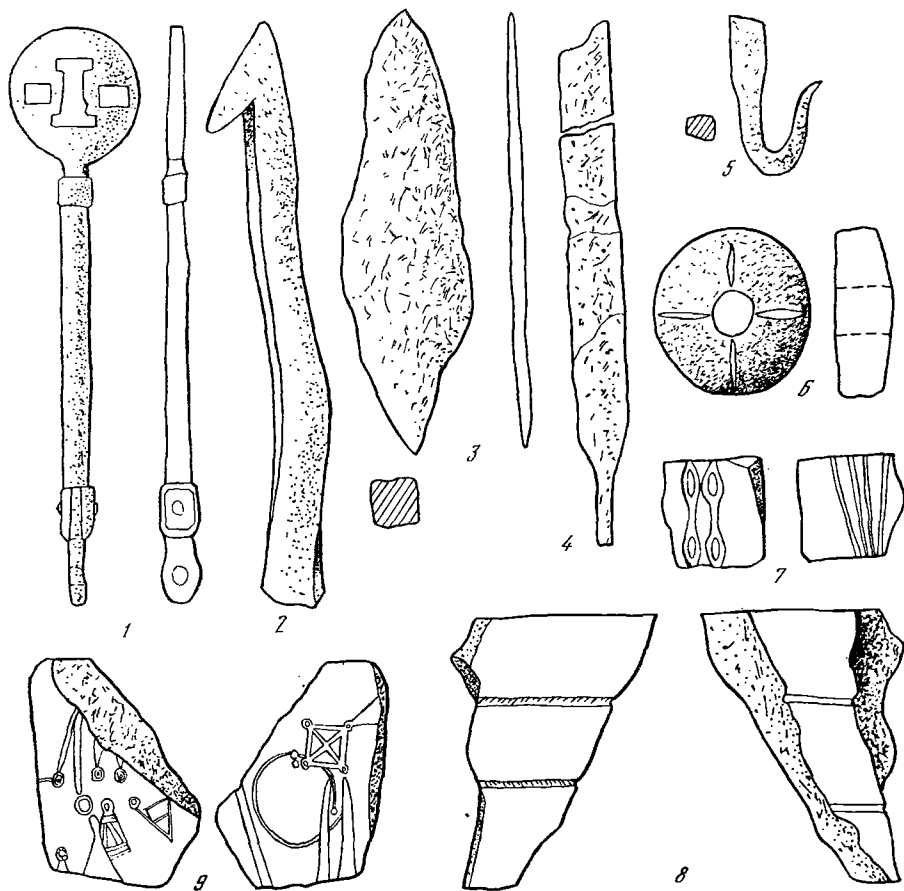

Рис. 3. Предметы из слоя черного гумуса селища Белый Городок
 1 — ключ; 2 — острога; 3 — наконечник копья или дротика; 4 — нож; 5 — обломок неизвестного предмета.
 6 — грузило; 7—9 — литейные формочки; 1—5 — железо; 6—9 — камень

(рис. 1, 2) найден под зольно-угольной прослойкой, проходящей по дну ямы. Наружная поверхность обоих сосудов неровная, в тесте содержится примесь крупной дресвы, обжиг плохой. Цвет первого сосуда светло-коричневый, второго — почти черный, с коричневым оттенком.

Найдено несколько лепных сосудов баночных форм с орнаментом из вдавлений пальца по верхнему обрезу и плечикам (рис. 2, 1, 2, 6). Подобный орнамент иногда опоясывает сосуды по плечикам в один ряд (рис. 2, 1), в некоторых случаях пальцевые вдавления образуют треугольники вершиной вниз (рис. 2, 2, 6).

Керамика подобных форм и технологии, правда в основном без орнамента из вдавлений пальца, характерна для нижних горизонтов Старой Ладоги⁵. В горизонте Е₁ Старой Ладоги обнаружен лепной сосуд, срез венчика которого орнаментирован вдавлениями пальца⁶. Лепной сосуд с подобным орнаментом известен из раскопок Н. Е. Бранденбурга в Юго-Восточном Приладожье⁷. Аналогичные сосуды с ямочным орнаментом найдены в Пестовских курганах⁸ и в курганах на р. Рена⁹. Гончарная керамика селища Белый Городок представлена фрагментами широкодонных сосудов со следами окалина на стенках. Они хорошо профилированы, с мелкими примесями в тесте, орнамент — линейный и линейно-волнистый.

Под черным гумусированным слоем в прирезке к основному раскопу обнаружен развал сыродутной железоплавильной печи. Восстановить форму ее не представляется возможным. В восточной части прирезки прослежен слой серовато-красноватой глины, смешанной с золой. В центре его найдены четыре сопла, использовавшихся для подачи воздуха в печь. Это — глиняные, ошлакованные с одной стороны втулки длиной до 20 см, диаметр внутреннего отверстия от 3 до 5 см. Технология получения металла в этой печи была, видимо, достаточно примитивной, о чем свидетельствует большое количество невосстановленного железа в шлаках¹⁰.

О ювелирном производстве на селище свидетельствует находка трех обломков каменных литейных формочек, вырезанных из серого сланца (рис. 3, 7—9), и фрагмента льячки с втульчатой ручкой.

Из металлических предметов, найденных на селище, следует отметить железный ключ с круглой плоской лопастью с тремя отверстиями (рис. 3, 1). Подобные ключи выделены Б. А. Колчиным в тип А, датированный в Новгороде XI—первой половиной XII в.¹¹

В верхнем слое найдены также железная острога из прута четырехгранного сечения с прокованным трехгранным шипом (рис. 3, 2), сильно коррозированный небольшой наконечник копья или дротика без черешка (рис. 3, 3), несколько ножей с прямой спинкой (рис. 3, 4), грузила из песчаника, одно из которых орнаментировано лучами, расходящимися от внутреннего отверстия (рис. 3, 6), лезвие серпа. В целом материал этого крупного поселения относится к XI—XII вв.

¹ Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903, с. 490—492.

² Иванов Ф. И. Доклады сотрудников по командировкам. Архив Калининского областного краеведческого музея, 1926, № 9.

³ Урбан Ю. Н. Отчет о работах Калининского отряда Верхневолжской экспедиции за 1971 г. Архив ИА, № 5445.

⁴ Портнягин И. Г. Раскопки селища Белый Городок. — АО 1972 г. М., 1973, с. 81.

⁵ Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. — СА, XIV, 1950, с. 187—216.

⁶ Там же, рис. 4 и 5.

⁷ Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. — МАР, 18, 1895, с. 70, табл. X, 3.

⁸ Голубева Л. А. Пестовские курганы. — Сб.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 59, рис. 3, а.

⁹ Виноградов А. А. К археологии Весьегонского уезда. Тверь, 1914.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 127.

¹¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, № 65, 1959, с. 78—82.

Д. Л. ТАЛИС

ГОРОДИЩЕ ТЕПЕ-КЕРМЕН*

Городище Тепе-Кермен находится в Бахчисарайском районе Крымской области, на соименной горе, принадлежащей второй гряде Крымских гор, на высоте 534 м от уровня моря. Памятник известен давно, но раскопкам еще не подвергался. Городище привлекало к себе внимание, существует хорошее описание пещерных сооружений Тепе-Кермена, основанное на наружном осмотре¹. В литературе высказывались различные суждения о памятнике, правда умозрительные из-за отсутствия фактического материала². Тепе-Кермен входит по своим топографическим особенностям в одну группу с Мангупом и Эски-Керменом, что позволяет предполагать и другие общие черты, в частности общность происхождения³.

К раскопкам Тепе-Кермена экспедиция ГИМ приступила в 1969 г.⁴ Этот памятник, подобно Эски-Кермену и Мангупу, расположен на изолированной столовой горе, отделившейся от основного массива, с которым она соединена седловиной на высоте около 420 м (рис. 1). Выше седловины находятся осыпи, густо поросшие лесом, лишь с южной стороны лес реже. Тепе-Кермен с юга и запада практически недоступен: высота вертикальных обрывов здесь колеблется от 8 до 12 м (рис. 2). С юго-востока можно было подняться с осыпи на плато по специально вырубленным ступеням, сейчас уже малозаметным. С севера и северо-востока облесенная осыпь доходит практически до вершины плато — здесь доступ на городище был наиболее легок. В этом месте были расположены пещерные комплексы, являвшиеся, очевидно, казематами, охранявшими доступ на городище.

Для раскопок было намечено четыре объекта. Первый из них расположен в северной части плато, у предполагаемого входа или въезда на городище. Здесь были заложены два связанных между собой раскопа, ориентированных соответственно рельефу местности. Стратиграфия первого раскопа такова. Под дерновым слоем толщиной около 20 см залегал слой светло-серого цвета, толщиной около 35 см, перемежающийся пятнами коричневатой-серой земли. Этим слоем были перекрыты высеченные в скале сильно разрушенные ступени лестницы длиной около 3,5 м, высотой 0,4 м (рис. 3). Большая высота ступеней объясняется своеобразной конструкцией лестницы. Она составлена как бы из двух лестниц, сдвинутых вдоль центральной оси на половину высоты одной ступени. Поэтому при винтообразном подъеме в центре лестницы поднимающийся встречал ступени, отстоявшие одна от другой на половину их высоты, т. е. на обычное расстояние около 20 см.

Лестница выходила на выровненную площадку скалы, на которой покоились фундаменты сооружений городища. Ниже светло-серого слоя здесь залегал непосредственно над скалой слой горения мощностью 10—15 см. В нем найден кувшин, украшенный по основанию горла налипным узором в виде медальонов, подобным орнаменту на пифосах Херсонеса и Баклы из позднесредневековых слоев XII—XIV вв. Здесь же

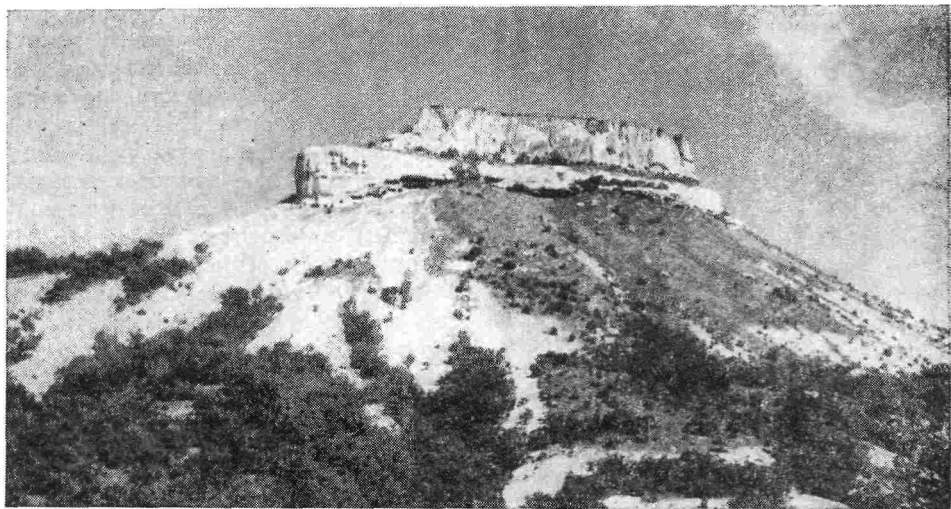

Рис. 1. Общий вид горы Тепе-Кермен и плато, на котором расположено городище

Рис. 2. Южный участок плато Тепе-Кермена. Видны входы в казематы

были встречены обломки плоскодонной амфоры с ямочными вдавлениями на ручках, датируемой в пределах XII—XIII вв. (рис. 4, 2). Кроме этих сосудов, были найдены обломки амфор с ручками под углом к горлу XII—XIII вв., плоских и круглых черепиц, пифосов, кувшинов (рис. 4, 4). Тут же находились обломки серпа, гвоздей. Интересна треугольная каменная подвеска, расчерченная прямыми линиями. Весь материал в слое горения, как и обломки керамики над ним, хронологически однороден и принадлежит XII—XIII вв., возможно XII—XIV вв.

Иная картина складывается при анализе вещей, найденных при зачистке ступеней лестницы, где выявлены следы многочисленных ремонтов

Рис. 3. Лестница у северного входа на городище

Описываемая лестница была частью входа на городище, имевшего и деревянные конструкции, о которых говорят четыре прямоугольных паза в нижней ступени лестницы, предназначавшихся для бревен. На эти бревна опирался, очевидно, деревянный настил, располагавшийся на высоте 2 м от поверхности земли и являвшийся площадкой деревянной лестницы, которая смыкалась с каменной. Каменная и деревянная лестницы служили, очевидно, парадным ходом, ведущим на городище с площадки, которой завершалась подъемная дорога. С этой же площадки на городище вела дорога для гужевого транспорта, которая поднималась параллельно северному обрыву городища.

Второй раскоп вскрыл участок въезда на городище между обрывом и находившейся от него на расстоянии 6 м оградой или подпорной стеной, которой принадлежал выявленный *in situ* блок размерами 80×40×40 см. Скала между стеной и обрывом была первоначально выровнена, но затем еще в древности выщерблена, возможно колесами транспорта. Некоторые вырубки в скале имеют, по-видимому, отношение к запирающему устройству типа ворот или калиток. Культурный слой толщиной 35 см, покрывавший скалу, представлял собой однородную темно-серую землю, содержащую обломки черепиц, пифосов, двуручной плоскодонной амфоры XII—XIII вв., гончарных и лепных горшков. Несколько обломков белоглиняной поливной посуды принадлежали чаще со следами росписи XIII—XIV вв. Красноглиняная поливная посуда была украшена орнаментом в технике граффито. Полива желтая, подцветенная зелеными пятнами, также датируется XIII—XIV вв.

Для изучения жилых сооружений и выяснения стратиграфии в центре городища был заложен раскоп. Здесь выявлены две стены помещения, ориентированного по направлению северо-восток—юго-запад. Стены сложены из разномерного камня на желтоватом глинистом растворе. Кладки помещения основаны на скале. В раскопанном помещении обнаружены пифосы, установленные в конических, высеченных в скале гнездах или в вырубке скалы. Стратиграфия здесь такова. Верхний слой темно-серый толщиной около 40 см — образовался после разрушения здания. Он насыщен камнем в результате постепенного обрушивания кладок уже покинутого помещения. Ниже залегал слой коричнево-серого цвета, одновременный разрушению помещения. Коричневатый цвет придают слою включе-

и переделок, указывающие на длительность существования лестницы. Этим объясняется хронологическая разнородность находок. Имеется материал XII—XIII вв., аналогичный баклинскому из синхронного слоя, — это обломки пифосов и горшков с врезным волнистым орнаментом (рис. 4, 5). Вместе с тем встречены и черепки сосудов с волнистым орнаментом по шейке и срезанным венчиком, которые, судя по баклинским же аналогиям, следовало бы датировать временем едва ли позднее X в. (рис. 4, 6). И, наконец здесь же найдены обломки амфор с гребенчатым рифлением VI в. (рис. 4, 3). Из находок упомяну еще турецкую трубку с точечным орнаментом XVI—XVII вв., которая не связана с остальным материалом городища.

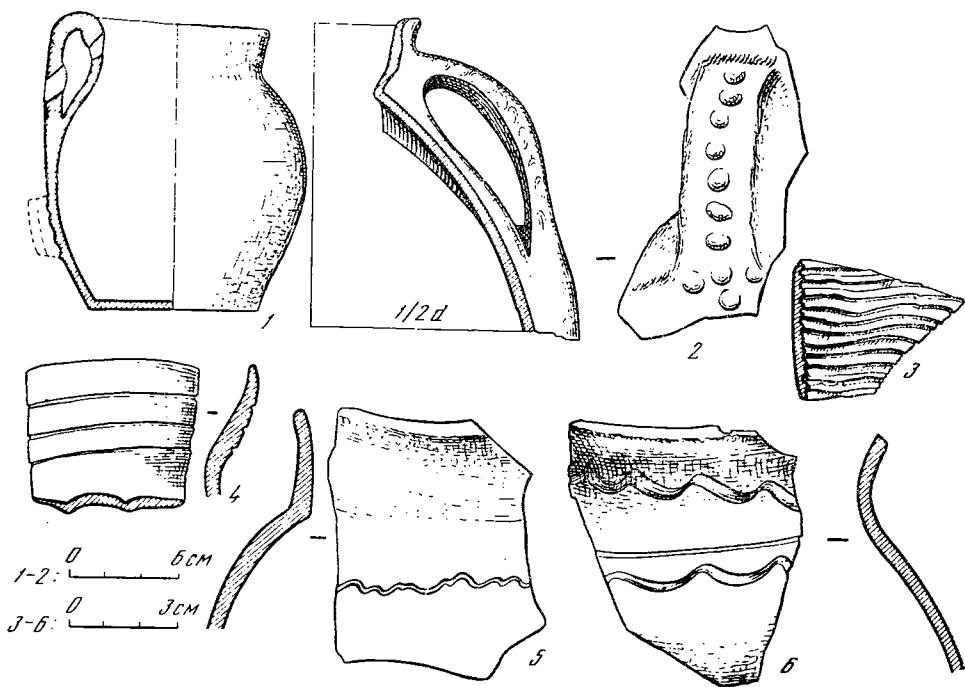

Рис. 4. Керамика городища Тепе-Кермен

1 — горшок из слоя XII—XIII вв. хозяйственного помещения; 2, 4 — обломки амфор и кувшина из слоя горения возле лестницы (XII—XIV вв.); 3 — обломок гребенчатой амфоры VI в.; 5 — обломки горшка XII—XIII вв. (при зачистке ступеней); 6 — обломок горшка со скошенным венчиком X в.

ния глинистого раствора. Толщина слоя от 40 до 60 см. Еще ниже, непосредственно на скале, залегал мощный слой горения, средняя толщина которого 20 см.

Все пифосы, установленные в гнездах, были погребены в слое коричнево-серой земли и, следовательно, синхронны материалу из слоя. К моменту раскопок в двух гнездах *in situ* находились придонные части пифосов яйцевидной формы с цилиндрической ножкой. Один из пифосов был очень массивным — не менее 140 см в высоту. Гнездо, в котором стоял этот пифос, было обрублено при сооружении большой (3×1,5 м) вырубке в скале. При разрушении здания эта вырубка была либо пуста, либо заполнена жидкостью, так как в момент раскопок вырубка была заполнена слоем коричнево-серой земли с обильными остатками горения и большим количеством камней, выпавших из обрушившихся кладок. Еще важнее резкое опускание в вырубке слоя горения, что не могло бы произойти, будь она к моменту пожара чем-то заполнена.

Вопрос о заполнении вырубке имеет существенное значение, так как он связан с проблемой обеспечения водой жителей городища. Так как водоснабжение Тепе-Кермена с помощью водопровода исключено, следует искать местные источники снабжения. Родники здесь маловероятны. Добывание воды способом конденсации с помощью отстойников едва ли было эффективным. Во всяком случае пока реальнее всего предположить, что жители запасали дождевую воду впрок с помощью больших резервуаров типа рассматриваемой вырубке. Возможно, использовались также естественные водоносные слои подстилающей скалы.

Совершенно иным было заполнение второй вырубке размерами 1,8×1,3 м и глубиной 1,5 м. Эта вырубка в момент раскопок содержала четыре сохранившихся и стоявших *in situ* пифоса, аккуратно прикрытых каменными крышками (рис. 5). Все пифосы одного типа — яйцевидные с цилиндрической ножкой, высота от 75 до 125 см. Каменные крышки.

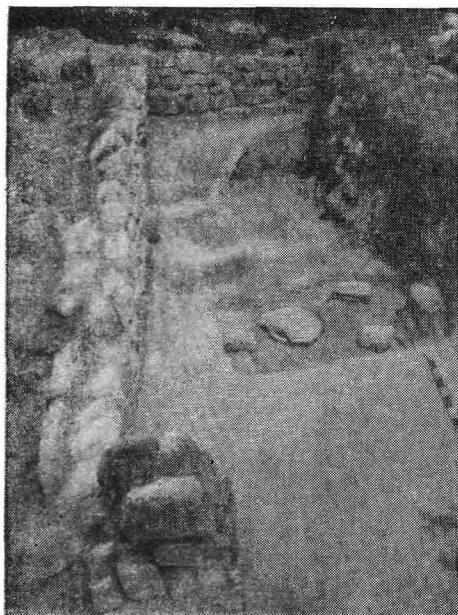

Рис. 5. Вырубка в скале с установленными в ней пифосами

посуды. Определенно датируются фрагменты плоскодонной двуручной амфоры — XII—XIII вв. — и красноглиняной поливной чаши — не ранее XII в. Гораздо более многочисленны находки из нижележащего коричневатого-серого слоя, определяющие время разрушения помещения. Отмечу грушевидную амфору с поднятыми над горлом ручками и плоскодонную амфору XII—XIII вв.⁵, поливные сосуды, а также горшок с примыкающей к венчику ручкой (рис. 4, 1). Белоглиняная тарелка с росписью датируется XIV в. по аналогиям из Херсонеса, Тмутаракани и Византии⁶. Красноглиняные поливные блюда с врезным орнаментом типа граффито относятся к XII—XIII вв.⁷

Найдены два массивных железных замка — прямоугольный и круглый (рис. 6, 3, 4), имеющие аналогии в слоях Херсонеса XIII—XIV вв.⁸ Из орудий встречены зубатки и сошник (рис. 6, 1, 2). Среди находок обломки плоских и круглых черепиц. Стоявшие в вырубке пифосы датируются в широких пределах — от IX—X вв. вплоть до позднего средневековья. Керамика из слоя определяется нечетко, несколько фрагментов напоминают по форме венчика и общей профилировке керамику Баклы XII в.

Итак, абсолютная хронология раскопанного участка пока устанавливается следующим образом. Вырубки были высечены в скале до XII в. В XII—XIII вв. сооружено хозяйственное помещение из камня, но со значительными деревянными конструкциями, крытое черепицей. Некоторые вырубки при этом, а возможно, и ранее, были заложены. Здание погибло в сильном пожаре не позднее XIV в.

Последний, третий объект исследования 1969 г. находится у южной оконечности городища. Это часовня — однефный храм с одной полукруглой абсидой, ориентированной, как обычно, на северо-восток. Храм невелик: его длина 5,5 м, ширина 2,2 м. Особенностью, выделяющей эту часовню из круга всех аналогичных сооружений на городищах горной Таврии, является необычная массивность стен, сложенных из каменных плит длиной до 2,5 м, шириной до 1,3 м. Массивность плит совершенно не соответствует незначительным размерам храма. Возможное объяснение заключается в том, что часовня была частью какого-то еще более монументального комплекса.

прикрывавшие пифосы, расположены не выше уровня слоя горения. Следовательно, в противоположность первой вырубке, рассматриваемая вырубка в момент пожара была заполнена именно пифосами, обнаруженными в ней. Первоначально эта вырубка служила резервуаром для воды: на это указывает впадающий в нее жёлоб, прикрытый пригнанными по его ширине камнями и заполненный мягкой натечной землей, какая обычно встречается в водостоках. О какой-то весьма существенной роли вырубок в скале в жизни обитателей городища может свидетельствовать тот факт, что их было много. Так, угол третьей вырубке, предшествовавшей сооружению помещения, обнаружен под столбом входного проема.

Из находок в наиболее позднем, темном слое назову обломки черепиц, пифосов, амфор, кухонной

Внутри и вне часовни расположены гробницы, ориентированные так же. Все гробницы, кроме одной, к моменту раскопок были пусты. Гробница в западном углу часовни была расчищена. Там оказалось не менее 11 костяков, но в анатомическом порядке был только один, верхний. Видимо, гробницы являлись семейными усыпальницами, в которых при захоронении каждого покойника предыдущего сдвигали с места. Гробницы перекрывали плитами. Часть гробниц по прошествии какого-то времени была расширена и, возможно, превращена в фамильные склепы, а часть — в хранилища или резервуары.

Периоду, предшествовавшему сооружению часовни, принадлежат три водосливных жёлоба, шедших перпендикулярно продольной оси часовни. Культурный слой внутри часовни — однородная темно-серая плотная земля — не превышал 40 см. Мелкие фрагменты из слоя слабоопределимы. Временем не ранее XII—XIII вв. следует датировать обломки сосудов с многорядным врезным волнистым орнаментом и росписью ангобом, а также украшенные зубчатым штампом. Тем же временем датируются и обломки красноглиняной поливной керамики с врезным орнаментом. Однако в этом же слое был найден византийский плоский браслет синего стекла с росписью в виде вьющейся лозы второй половины IX—XI в., который первоначально находился, очевидно, в погребении и принадлежал одному из захороненных. Поскольку гробницы одновременно часовне, то строительный период, представленный водосливными жёлобами, предшествовал, вероятно, второй половине IX—XI в.

В результате раскопок на Тепе-Кермене установлены, хотя еще и не окончательно, хронологические грани жизни на городище: V—VI вв. — XIII, возможно, начало XIV в. Весь культурный слой на исследованных участках разделялся на два хронологически различных напластования, относящихся ко времени после X в. Фрагменты керамики более раннего времени показывают, что на других участках, возможно, будет больше напластований.

Открытие помещения-кладовой с пифосами и вырубками в скале позволяет ставить вопрос о водоснабжении обитателей городища и об изменении способов хранения и добывания воды в продолжение жизни этого населенного пункта.

Небольшие размеры часовни, принадлежность ее к более обширному сооружению указывают, очевидно, на то, что этот храм обслуживал небольшую группу лиц, может быть семью феодала и его ближайшее окружение.

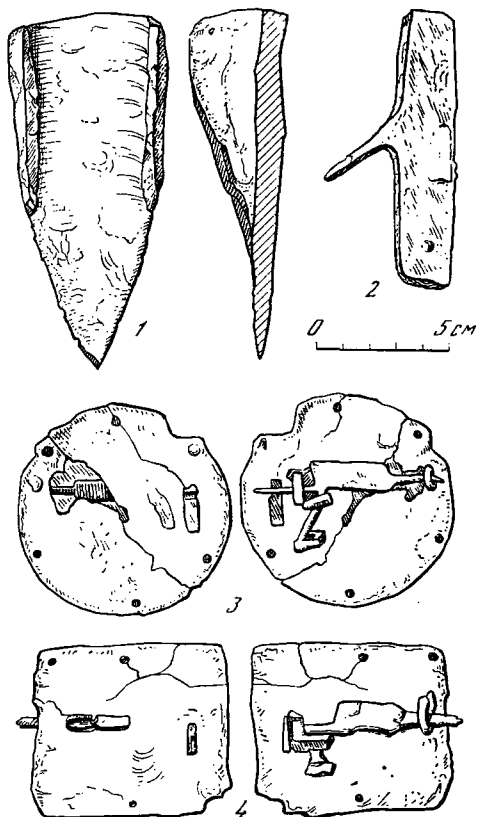

Рис. 6. Вещи из слоя XII—XIII вв. хозяйственного помещения

1 — сошник; 2 — зубатка; 3, 4 — железные замки

- * Статья излагает доклад на конференции во Львове в 1970 г., посвященной итогам полевых археологических работ.
- ¹ *Боровко Н. А.* Тепе-Кермен. — Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, т. III. Симферополь, 1913.
- ² *Веймарн Е. В.* «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. — СА, 1958, № 1, с. 71—79; *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М.—Л., 1964, с. 47, 48.
- ³ См. подробнее: *Талис Д. Л.* О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма. — Сб.: Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969, с. 131—141.
- ⁴ В составе экспедиции работали научные сотрудники ГИМ Д. Л. Талис и С. П. Маркелова.
- ⁵ *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья. — СА, XV, 1951, с. 341, 342; *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища. — Сб.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, рис. 74.
- ⁶ *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес. — МИА, № 17, 1950, с. 193, табл. XXIV, 93, 94; *Макарова Т. И.* Поливная керамика Таманского городища. — Сб.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 92, рис. 6, 3.
- ⁷ *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес, с. 173, табл. I, 5; II, 6, 8; *Stephenson R.* The Pottery. — In: The Great Palace of the Byzantine Emperors. London, 1947, p. 53, 54, pl. 25, 25.
- ⁸ *Маликов В. М.* Новый вариант дверного замка XIII—XIV вв. — СХМ., 1961, с. 62—67, рис. 1, 2.

О. В. ОВСЯННИКОВ

О КАМЕННЫХ ПАЛАТКАХ XVII в.
В СЕВЕРОРУССКИХ ГОРОДАХ

В настоящей статье рассматриваются первые гражданские каменные постройки XVII в. в Архангельске, Каргополе и Олонце.

Каменная палатка для хранения «пороховой казны», построенная в 1647 г., — первое каменное здание в Архангельском городе, являвшемся в то время важным оборонительным пунктом на беломорском рубеже Русского государства и единственным морским портом Руси. Сохранилась подробная «Роспись палате» 1647 г., которая дает представление о характере здания (рис. 1, 1, 2) и организации строительных работ¹.

Палатка представляла собой здание размерами 10,65×14,7 м, высотой до кровли 2,83 м, до верха щипцов — 5,94 м. Стены толщиной 1,06 м были поставлены на фундамент, для которого копали ров, били сваи, а поверх клали лежни и бутили ров камнем. От подошвы до сводов здание было выложено из белого камня, своды и щипцы — из кирпича.

Здание имело два этажа. Нижний был перекрыт «епанечными сводами», опиравшимися на центральный столп. По длинным сторонам постройка имела по два окна с железными решетками и затворами. В нижнем этаже находился дверной проем с железной дверью, перед которой стоял каменный «вход» — сени, закрывавшиеся деревянной решеткой.

Второй этаж помещался на сводах, поэтому здание имело высокие щипцы: «да наверх полаты на сводах сделаны щипцы и стены подняты выше для всяких пушечных запасов». Помещение освещалось окнами — по два в каждом щипце. В одном из щипцов также находился дверной проем. Вероятно, перед дверьми в щипце на деревянных консолях была сделана площадка, к которой по мере надобности приставлялась легкая деревянная лестница. «Пушечные запасы» на второй этаж палатки поднимались, надо полагать, при помощи талей, закрепленных на балке, выпущенной из щипцовой кладки над дверью. Палатка имела прочную кровлю «тесом вдвое». Около палатки был вырыт водосборный колодезь («прямок, а в прямок пущен сруб»), в который из здания шла каменная дренажная труба.

Смета «полате» была составлена еще в 1640 г. присланным по государеву указу подмастерьям каменных дел Потапом Ушаковым². «Охотников» для возведения палатки «кликали бирючи много дней» — подмастерьев, каменщиков, кирпичников, — «кому б каменное дело за обычей». Но из местных жителей за эту работу никто не брался, и тогда подряд на строительство взяли находившиеся в Архангельском городе на службе московские стрельцы Богдан Прохоров и Богдан Семенов «с товарищы», всего 23 человека. Однако стрелецкая артель подпала здание лишь до сводов, так как стрельцы были отозваны в Москву. Не имея возможности закончить строительство местными силами, воевода обратился за помощью, и из Москвы были присланы два каменщика — Михаил Ивлев и Дмитрий Костоусов, под руководством которых и завершилось строительство. Впоследствии Дмитрий Костоусов продвинулся по

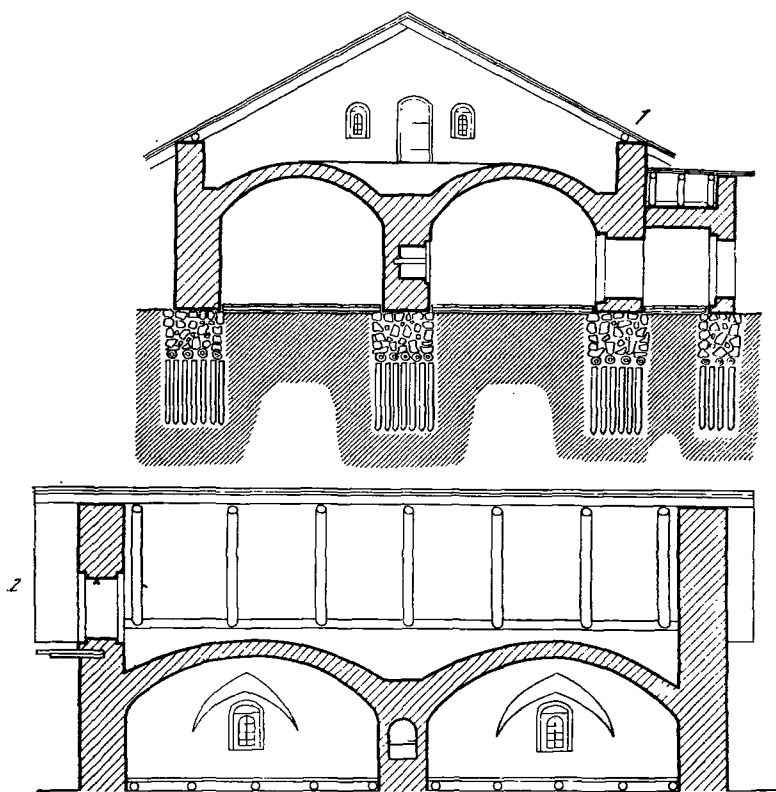

Рис. 1. Каменная палатка 1647 г. в Архангельском городе. Реконструкция
1 — поперечный разрез; 2 — продольный разрез

службе в Приказе каменных дел и уже в качестве «подмастерья каменных дел» руководил крупными строительными работами XVII в. (например, постройка Виноградной плотины в царском селе Измайлове)³. Завершение строительства палатки в Архангельском городе — одна из немногих известных работ Д. Костоусова в бытность его еще каменщиком (Д. Костоусов — представитель семейной династии белозерских каменщиков)⁴.

«Каменная полатка» 1647 г. простояла в Архангельском городе, вероятно, до второй половины XVIII в., когда была уничтожена, видимо, в связи с перепланировкой территории бывшего деревянного города.

Время появления каменной палатки в Каргополе точно неизвестно. Можно предполагать, что она была сооружена при постройке нового Каргопольского деревянного города, заменившего в 1630 г. прежний острог⁵.

Первому в Каргополе произведению гражданской архитектуры (и по существу второй после Христорождественского собора XVI в. каменной каргопольской постройке) повезло. Палатка, сооруженная на территории деревянного города, у северо-восточной его стороны⁶, просуществовала более 300 лет, ее верхние части были разобраны лишь недавно. Во время грандиозного пожара 18 мая 1731 г., когда «город Каргополь со всяким в нем хоронным строением... сгорел без остатку», палатка уцелела: «В оном же городе имеется казенная каменная полата с погребом, и на которой имевшаяся деревянная крыша сгорела, а по прежде посланному доношению, она полатка и погреб трубуется починки, а именно, вновь деревянной крышки ценою в 15 рублей»⁷.

Архитектурно-археологические работы 1972 г.⁸ показали, что каменная палатка, частично врезанная в толщу крепостного вала, сохранилась до уровня сводчатого перекрытия.

Это было здание размерами 7,5×12 м (рис. 2, 1, 2), нижний этаж которого сложен из крупного булыжника насухо, а обращенные вовнутрь стены облицованы однорядной кирпичной кладкой на известняковом растворе. Сводчатое перекрытие и кладка стен верхнего этажа выполнены только из кирпича.

Нижний этаж был перекрыт цилиндрическим сводом, следы которого отчетливо видны на северо-восточной торцовой стене внутри постройки. На продольных стенах кое-где сохранились следы пят этого свода. В юго-западной торцовой стене здания, в средней ее части, обнаружен дверной проем шириной 1,25 м. Таким образом, первую в Каргополе каменную гражданскую постройку можно реконструировать как двухэтажное здание с «зеленым погребом» на первом этаже и «казенной палатой» — на втором. Уже в этой небольшой постройке проявились характерные черты складывавшейся каргопольской строительной школы, а именно — целевое использование различных видов строительных материалов. В каргопольских храмах XVII—XVIII вв. булыжный камень использовали только при сооружении фундаментов, кирпич применяли лишь в сводах и частично в декоре фасадов, а в качестве основного строительного, облицовочного и декоративного материала — белый известняковый камень.

Можно с уверенностью полагать, что каменную палатку строили каргопольские мастера. О значительном количестве квалифицированных строительных рабочих в Каргополе в 1630 г. известно: 16 каргопольцев — каменщиков и кирпичников — были отсланы к Москве для работы в имениях царя Алексея Михайловича⁹. Со времени постройки палатки до возведения церкви Рождества Богородицы (1682 г.) в Каргополе появилось лишь одно каменное здание — Владимирская церковь (1653 г.)¹⁰. «Безработные» артели мастеров вынуждены были отходить на заработки в другие северорусские города. Так, в 1652—1653 гг. к Устюгу пришла артель каргопольских каменщиков — «Фомка да Вахрамейко Калинины, Гришка Иванов, Макарко Яковлев, Тимошка Варламов, Миня Евтихеев, Ивашка Иванов»¹¹.

В 1669—1676 гг. во время возобновления пострадавшего в пожаре 1668 г. Олонецкого деревянного города была построена «каменная полата на содержание денежной казны и свинцу и протчих казенных припасов»¹². Среди актов 1669—1676 гг. сохранилась «смета полатному строению», содержащая отрывочные, но интересные сведения о характере первого в Олонце каменного здания¹³.

Под фундамент «полаты» был выкопан ров общей длиной 77 м (в «смете» нет данных о размерах здания) и глубиной 1,82 м. В дно рва вбили 959 свай длиной 2,1 м каждая, на торцы которых уложили 84 пластины-лежни, после чего ров забутовали «диким камнем». Вся постройка была сложена из кирпича (к «полатному строению» изготовили 190 080 кирпичей). О характере кровли судить трудно: среди материалов для сооружения кровли, упоминаются 350 тесин, «брусья под кровлею и внутрь под бочки», «3 пластины больших» на гребень, зубцы, пригелины.

Значительные размеры фундаментного рва дают некоторые основания полагать, что олонцкая палатка отличалась от сооружения в Архангельске и Каргополе и состояла не из одного, а из нескольких помещений, каждое из которых имело сводчатое покрытие. Если это действительно так, то различные части большой каменной палаты в Олонце могли иметь над вторым этажом и двускатную тесовую кровлю, и перекрытие «бочкой».

Было бы соблазнительно спроецировать данные «росписи» на изображение каменной палаты на плане-рисунок (рис. 2, 3) Олонецкого деревянного города¹⁴. План неоднократно публиковался и датирован XVII в.¹⁵ Однако такой дате противоречит изображение на плане двух каменных церквей — Богоявленской и Троицкого собора. В. Г. Брюсова относит их сооружение к 1649 г., ко времени строительства первой олонцкой деревянной крепости¹⁶. Это не совсем так: в 1676 г. соборная церковь Живо-

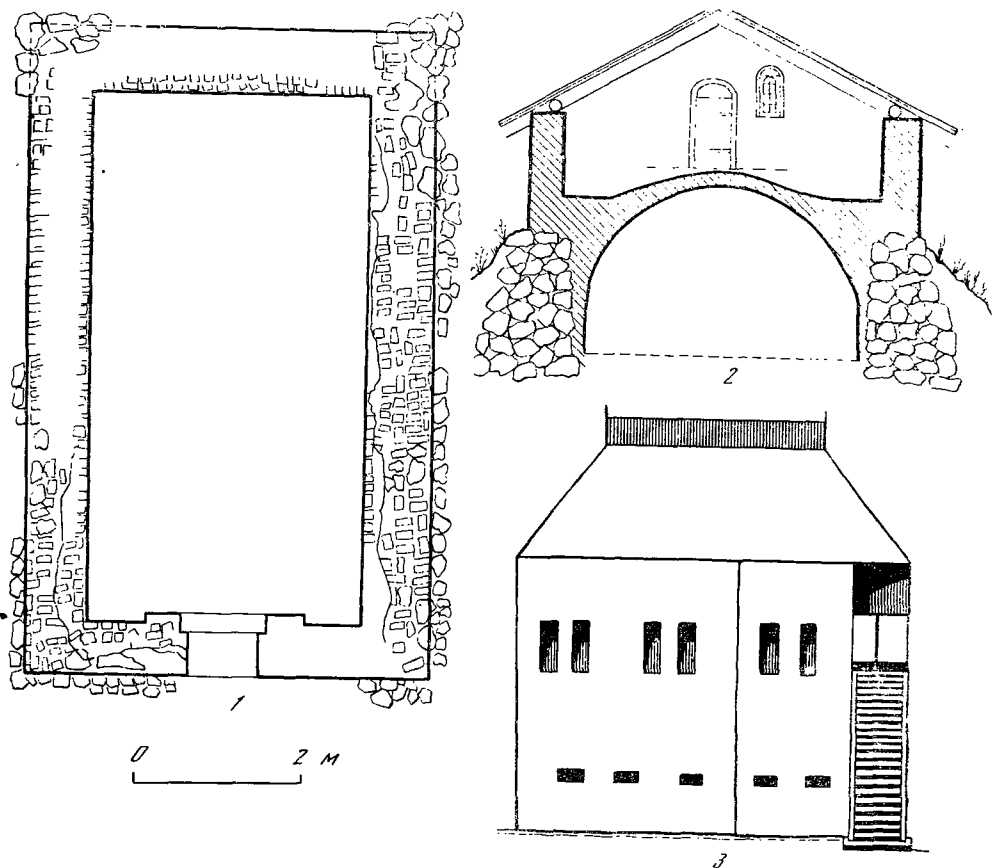

Рис. 2. Каменные палатки в Каргопольском городе (1630 г.) и Олонце
 1 — план; 2 — поперечный разрез (реконструкция); 3 — изображение каменной палатки на плане Олонца

начальной Троицы с двумя приделами была рублена «строением прежнего, шатровая о трех шатрах»¹⁷.

Далее, изображенное на плане здание не соответствует сведениям «рописи полаты» 1669—1676 гг. Высокая каменная постройка состоит из двух неравных частей (на это указывает вертикальная черта, как бы рассекающая здание на рисунке). С восточной стороны к торцу каменной палаты примыкает высокое деревянное крыльцо на два всхода. Здание перекрыто четырехскатной кровлей с гребнем по верху. В верхнем этаже постройки изображено шесть больших световых окон.

В 1833 г. на полях «рописи» были сделаны приписки о двух ремонтах здания¹⁸. В 1728 г., когда палата стала воеводской канцелярией, проводились небольшие ремонтные работы — починены углы и связи, сделано новое перекрытие. Капитальная переделка здания произведена в 1741 г., когда палата была «перечинена и пристроена вновь», появились девять больших окон с оконницами, «крыльцо на столбах с покрывкою». Следы ремонта 1741 г. хорошо читаются на изображении здания на плане. Есть основания датировать этот план Олонца временем не ранее 1741 г.¹⁹, что не уменьшает его значение как источника для изучения планировки северного города.

Изображенная на плане постройка как бы совместила два этапа в строительной биографии здания — XVII и первую половину XVIII в.

Проект постройки палаты был составлен подмастерьями каменных дел, присланными из Новгорода, — стрельцами Федотом Ивановым и Потапом

Афанасьевым. Руководили строительством два других новгородских стрельца — подмастерья Василий Семенов и Мирон Алексеев, а в качестве каменщиков работали олонецкие стрельцы Андрей Воронов «с товарищы» — артель 30 человек. Подсобную «черную» работу выполняли посадские люди и стрельцы.

В заключение можно сделать некоторые выводы.

1. Гражданское каменное строительство в Архангельске, Каргополе и Олонце началось с возведения на территории деревянных крепостей построек военно-административного характера. В Архангельске и Олонце это были вообще первые каменные постройки.

2. При сооружении каменных палаток использованы различные виды строительных материалов: белый камень и кирпич (Архангельск), булыжный камень и кирпич (Каргополь, Олонец).

3. К моменту начала каменного строительства в Архангельске и Олонце там еще не было местных кадров строителей высокой квалификации, что заставило администрацию этих городов просить прислать специалистов из Москвы и Новгорода для составления проекта и руководства.

4. Рассмотренные памятники гражданской каменной архитектуры XVII в. не следуют какому-то единому образцу — наоборот, все они различны. Наряду с некоторыми сходными чертами здания (двухэтажность построек, щипцовое покрытие кровли) объемно-пространственное решение и техническое исполнение оригинальны. Различие архангельской и каргопольской палаток объясняется в первую очередь тем, что в Архангельске постройка была осуществлена по проекту, составленному столичным архитектором, а в Каргополе — местными силами. Немаловажное значение имело и то, что Архангельский порубежный город нуждался в большем помещении для хранения запасов.

Олонецкая палатка строилась во второй половине XVII в. Она состояла из нескольких помещений, и в ее плане, вероятно, отразились общие тенденции, наметившиеся в то время в разработке структуры каменных административных зданий (система комнат, связанных сенями).

5. Затронутые в статье вопросы относятся к начальному этапу каменного строительства в некоторых северорусских городах. Исследование облика построек, архитектурно-строительных приемов, организации работ того времени важно для понимания и изучения всего последующего развития каменного зодчества в северорусских землях.

¹ ДАИ, III, 1848, с. 113.

² Некоторые сведения об организации строительства содержит восводская отписка (ДАИ, III, 1848, с. 111, 112).

³ РИБ, XXI, 1907, с. 1214.

⁴ Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая государева крепость. Л., 1972, с. 163, 164.

⁵ Богословский М. М. Тяглая организация Поморья в XVII в. — Древности. Труды Археографической комиссии, 3, 1913, с. 9.

⁶ Здание зафиксировано на планах Каргополя XVIII в. (ЦГИА, ф. 1399, оп. 1, № 246). Нет основания отождествлять здание с каменной кладовой 1808 г., как это делает Г. В. Алферова (Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье. М., 1973, с. 20, 25). Кладовая 1808 г. сохранилась в перестроенном виде до наших дней, находится она не в «крепости», а рядом.

⁷ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, ч. I. — ЧОИДР, кн. 1, 1913, с. 173.

⁸ Овсянников О. В., Булкин В. А., Назаренко В. А. Раскопки в Каргополе. — АО 1974 г. М., 1975, с. 29—31.

⁹ Сперанский А. И. Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, с. 56.

¹⁰ О дате Владимирской церкви см: Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье, с. 55.

¹¹ Таможенные книги Московского государства XVII в., т. II. М., 1951, с. 257—258.

¹² РИБ, VIII, 1884, с. 948.

¹³ Там же, с. 939—950.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1356, карты Олонецкой губернии, № 3.

¹⁵ Одна из последних публикаций: Брюсова В. Г. По Олонецкой земле. М., 1972, с. 101.

¹⁶ Там же, с. 100, 101.

¹⁷ РИБ, VIII, 1884, с. 927.

¹⁸ Там же, с. 948—950.

¹⁹ Возможно, в дальнейшем дата плана будет уточнена.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИБ — Археология и история Боспора
 АО — Археологические открытия
 АЭС — Археолого-этнографический сборник
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим
 ИА — Институт археологии Академии наук СССР
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИВАД — Известия на Варненско археологическо дружество
 ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
 КФАН — Казанский филиал Академии наук СССР
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
 МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
 МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
 МАР — Материалы по археологии России
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МГУ — Московский государственный университет
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 ОАК — Отчет Археологической комиссии
 ПСА — Проблемы скифской археологии. М., 1971
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РИБ — Русская историческая библиотека
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СХМ — Сообщение Херсонесского музея. Симферополь
 СХЭ — Сельскохозяйственная энциклопедия
 СЭ — Советская этнография
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
 ЦМТР — Центральный музей Татарской республики
 ЧОИДР — Чтения общества истории и древностей российских
 AA Hung — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
 Diss. Pann. — Dissertationes Pannonicae. Budapest
 MS — Materiały starożytne. Wrocław—Warszawa—Kraków
 OP — Obzor prehistorický. Praha
 PA — Przegląd archeologiczny. Warszawa
 PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin—Leipzig
 RA — Revue archéologique
 RGZM — Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz
 SCIV — Studii și cercetari de istorie veche. București

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Д. В. Деоник.</i> Соотношение статистических методов, классификаций и культурно-стратиграфических характеристик в археологическом исследовании	3
<i>И. Б. Брашинский.</i> Некоторые вопросы методики исследования импорта товаров в керамической таре в античное Причерноморье	10
<i>Н. Б. Леонова, Ю. А. Смирнов.</i> Погребение как объект формального анализа	16
<i>Г. С. Лебедев.</i> Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов)	24
<i>И. П. Русанова.</i> Один из методов классификации раннеславянской керамики	31
<i>Л. Л. Гурсвич.</i> Методика архитектурных обмеров и обмерная документация в Пенджикентской археологической экспедиции	36
<i>В. Б. Виноградов, В. А. Петренко.</i> К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа	44

Полевые исследования

<i>В. Г. Алиев.</i> Наскальные изображения Гемиган	50
<i>А. В. Куйбышев.</i> Древние стоянки Кулунды	53
<i>В. Квициния.</i> Античное погребение в с. Атара	59
<i>Г. И. Соколов.</i> Склеп у пос. Приморский на Тамани	63
<i>М. А. Тиханова.</i> Жилище ремесленника-древодола на поселении у с. Лука-Врублевецкая на Днестре	69
<i>К. А. Смирнов.</i> Городище Графская Гора	77
<i>К. И. Комаров.</i> О работах Верхневолжской экспедиции на Сити	82
<i>К. В. Павлова.</i> Раскопки курганов у деревень Селец и Ботаревка в Понеманье	85
<i>Г. Н. Пронин, А. С. Смирнов.</i> Работы Деснинского Левобережного отряда в 1973 г.	91
<i>Г. В. Харитонов, И. Г. Портнягин.</i> Раскопки селища Белый Городок на Средней Мологе	95
<i>Д. Л. Талис.</i> Городище Тепе-Кермен	98
<i>О. В. Овсянников.</i> О каменных палатках XVII в. в северорусских городах	105
Список сокращений	110

**Методика
археологических исследований
и раскопки
археологических памятников
КСИА, вып. 148**

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор *Н. И. Сергиевская*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Е. Н. Евтянова*

Сдано в набор 8/X 1976 г.
Подписано к печати 13/XII 1976 г.
Формат 70×108/16.

Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 9,7.
Тираж 2600. Т-22405. Тип. зак. 1537.
Цена 61 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12